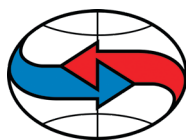

ISSN (PRINT) 2311-6412

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

2025 № 4 (48)

Институт стран СНГ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

**№4 (48)
2025**

Учредитель и издатель – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ).

Редакционная коллегия:

В.Г. Егоров – главный редактор, доктор экономических наук,
доктор исторических наук, профессор.

С.Я. Лавренов – шеф-редактор, доктор политических наук, профессор.

О.В. Савина – редактор. **А.А. Львова** – корректор.

А.А. Горбунов – дизайн-верстка.

Редакционный совет:

К.Ф. Затулин – председатель редакционного совета, первый заместитель
председателя Комитета Государственной думы по делам СНГ, евразийской интеграции
и связям с соотечественниками, директор Института стран СНГ.

А.В. Манойло – доктор политических наук, профессор кафедры российской
политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В.В. Штоль – доктор политических наук, профессор кафедры международных
отношений Дипломатической академии МИД России, главный редактор журнала
«Обозреватель-Observer».

А.А. Маркаров – доктор политических наук, профессор Ереванского
государственного университета.

М.В. Конотопов – доктор экономических наук, профессор, зам. заведующего
кафедры экономической теории ИЭ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

О.Д. Кузнецова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической
теории Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

С.А. Байбаков – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

М.А. Олимов – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного
регионоведения Таджикского национального университета.

Г. Майтдинова – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского)
Университета.

М.А. Рахимов – доктор исторических наук, профессор Координационно-
методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики
Узбекистан.

А.В. Абрамов – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной
политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
главный редактор Российского социально-гуманитарного журнала.

**Журнал «Постсоветский материк» рекомендован Высшей аттестационной
комиссией (ВАК) в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов, в
которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по специальностям:
5.2.5. Мировая экономика, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии,
5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история.**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ	4
КРОТКОВ В. О. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕТО-ИГРОК В АКТОРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ.....	4
КРАМАРЕНКО А. С. МИГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	15
БАРАНЧИК Ю. В. ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ В 2020–2025 ГГ.: ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ	29
ИГНАТЬЕВ В. В. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ.....	43
СЕРЕБРЯКОВ А. И. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	52
АКИМОВА А. О., АЙНЕТДИНОВ Р. Х. ПРОТЕКЦИОНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА.....	63
ЭКОНОМИКА	77
АВИМСКИЙ В. А. РАСШИРЕНИЕ ШОС: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ.....	77
ГРИГОРЬЕВА К. С. РАБОТОДАТЕЛИ МИГРАНТОВ: КТО, КАК И ПОЧЕМУ НАНИМАЕТ ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ?	90
ИСТОРИЯ	104
РЯБОВА М. М., ТУМБУСОВ Д. Д. ПОЛЬША И ФИНЛЯНДИЯ В ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ А. ТОЙНБИ.....	104
ШИРОКОЖУХОВ А. А. ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ СССР: ОПЫТ СРЕДНЕЙ АЗИИ.....	120
БАХМУДОВ Р. Б. УГРОЗЫ И СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР..	131
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»	144
СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2025 Г.	147
ИНФОРМАЦИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	150

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕТО-ИГРОК В АКТОРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация

В статье анализируется проблематика, касающаяся феномена политических вето-игроков, которые могут интерпретироваться в различных акторно-институциональных рамках. С одной стороны, классический подход делает акцент на формально-легальных механизмах политического господства, которые коррелируют с функционированием политической системы общества. С другой – политико-режимные конфигурации современности и их динамика приводят к тому, что роль вето-игроков постулируется значительно шире, особенно в условиях авторитарного политического процесса, который девальвирует формальную институциональную архитектуру и, автоматически, актуализирует неформальные практики. Вместе с тем, акцентируется внимание на категории «институционализированный субъект», которая коррелирует с вето-игроком. Помимо этого, рассматривается концепт селектората, который вносит свой вклад в объяснение природы социально-политической дифференциации.

КРОТКОВ Владимир Олегович – доктор политических наук, профессор кафедры прикладной политологии Государственного академического университета гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Россия, Москва, email: vladimir.dussel@gmail.com, SPIN-код: 2722-8579

Ключевые слова: вето-игрок, принятие политических решений, политический режим, политические субъекты, политические институты, институционализированный субъект, селекторат

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект FZNF-2023-0004 – «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (123022000042-0).

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_4

Введение

В политической науке XX века формировались различные теории, подходы, классификации, школы, парадигмы, которые пытались интерпретировать многочисленные изменения в политической сфере. Поскольку общества модерна стремительно развивались, эволюционировали и трансформировались с точки зрения структурных элементов, отношений, форм репрезентации интересов, в результате политическая рефлексия стремилась формировать идеал-типические модели, которые всегда имели aberrации и особенности, выходящие за пределы сложившихся типологизаций. Накопление знаний в русле политической науки оставило многочисленные классификации политических субъектов и институциональных решений, с помощью которых объяснялись формы политических конфигураций, с акцентом на формальный институциональный дизайн в виде тех или иных государственных структур, процессов и правовых норм. Но быстрые и противоречивые метаморфозы обществ модерна, развитие постмодернистского перехода детерминировали иную исследовательскую оптику, которая в большей степени акцентировала внимание на неформальных императивах политического пространства и технологий их практической реализации в условиях доминирующей информационной эпохи и сетевых форм коммуникации. Так, привычные формы государственного правления (республики, монархии и

их классификации) и устройства (унитарные, федеративные, конфедеративные и их вариации), формализованные с точки зрения институционального фасада (разделение ветвей власти) политические системы, количественные классификации партиом [1; 2], типологизации избирательных систем (мажоритарные, пропорциональные, смешанные), конституционные и правовые модели [3] и т.д. стали во многом превращаться в категории, которые мало что объясняют в современной политической динамике, актуальных практиках принятия ключевых политических решений, реальной институциональной архитектуре, конфигурации и фактических полномочиях политических акторов, что является предельно важным, ключевым для политологии. Развитие понятийно-категориального аппарата с соответствующей смысловой нагрузкой, его релевантность современным социально-политическим отношениям заставляет более детально рассматривать не совсем распространенные подходы к акторно-институциональной проблематике. В противном случае, политическая наука становится архаичной, «догоняющей» политические процессы, что особенно может проявляться в ее прогностической функции.

Исходя из вышесказанного, целью данной статьи является рассмотрение в актуальном контексте и в первом приближении такой политологической категории как ве-

Теоретическое осмысление роли политического вето-игрока

Политическая сфера общества может рассматриваться через призму сложившегося статус-кво, когда существует динамичный баланс между основными политическими акторами и формальной институциональной средой, который апологет теории рационального выбора Д. Цебелис [4] и называет вето-игроками. Оптика баланса интересов и правил в формально-институциональном контуре создает логику, которая в целом коррелирует с формами государственного устройства и правления, избираемыми системами и режимными конфигурациями в русле институционально-правового подхода [5]. Для терминологической конкретизации необходимо привести интерпретацию И.А. Помигуева: «Вето-игроки – это коллективные или индивидуальные акторы, согласие которых необходимо для изменения статус-кво. Статус-кво – это политика, существующая в настоящий момент, т.е. законодательство, изменение которого зависит от принятия единодушного решения всех вето-игроков» [6, с. 200]. То есть, анализ касается принятия политических решений в рамках легально-политического поля с акцентом не на все политические субъекты, а только на те (институциональные и партийные, по Д. Цебелису), которые способны изменить политический статус-кво. В данном смысле исследовательская дифференциация акторно-институциональной

модели выглядит весьма перспективной, так как современные общественные отношения порождают огромное количество субъектов, которые в силу своих ресурсных возможностей крайне далеки от возможности преобразовать статус-кво. С другой стороны, сама логика идентификации вето-игроков через призму законодательного статуса в рамках политической системы резко сужает представление о политическом, так как последние десятилетия в качестве мейнстрима выступает неоинституциональный метод, инкорпорирующий различные исследовательские подходы с акцентом на неформальную политическую составляющую. Более того, постмодернистские социально-политические тенденции существенно девальвируют формальные институты, ключевыми из которых являются законодательство и государство в целом.

Очевидно, что современная политическая стабильность далеко вышла за рамки легальных правил игры (гомеостазис политической системы) и конфигурация вето-игроков в отмеченной интерпретации выглядит весьма редукционистски. Вместе с тем, отмеченная выше оптика отождествляет понятие политический субъект (актор, игрок) и политический институт, что вносит существенную категориальную дезориентацию, так как первые обладают властью, опираясь на ресурсы и принимают политические решения

или борются за властное господство, а институциональная составляющая – представляет собой правила игры [7, с. 133; 8] в политической сфере. Напрашивается аналогия из области спорта, когда субъектами являются команды лиги, а институтами – сама лига и ее регламент, то есть то, что координирует, регламентирует, в том числе ограничивает функционирование самих субъектов. Возвращаясь назад от приведенной метафоры следует ввести в оборот авторскую категорию «институционализированный субъект», которая как раз отражает стык акторно-институционального взаимодействия, не нарушая его эссенциальных характеристик.

Далее следует рассмотреть данную тематику через политико-режимную призму. Так, классификация Б. Геддес [9] подтипов авторитарного политического режима в неоинституциональном или социологическом методологическом фрейме осуществляется на базе критерия субъектности, который корреспондирует по форме с категорией «вето-игрок». Другими словами, в зависимости от того какой актер узурпировал политическую власть, как формально, так и фактически, формируется классификация на персоналистские, с доминирующей партией (однопартийные) или военные автократии. Если в первом случае, как правило, в роли узурпатора выступает глава государства и его клиента, во втором – партийная элита, то в третьем – группа военачальников. В условиях авторитарного политиче-

ского режима тот или иной ключевой субъект не заменяет собой институты, а подчиняет их, то есть, не они регламентируют и ограничивают его деятельность, а он их видоизменяет (правилами править) под свой базовый интерес – сохранение власти. В таких политических условиях узурпировавший власть институционализированный субъект может идентифицироваться как вето-игрок, так как помимо узурпации власти (ограничение конкуренции с элиминированием реальной оппозиции) происходит процесс девальвации институциональной среды, что служит дополнительным усилением префикса «вето». В случае с самыми распространенными автократиями персоналистского подтипа глава государства помимо своих формальных полномочий имеет неформальные рычаги влияния, под себя перестраивая не только институт президентализма, но и иные институциональные единицы, тем самым концентрируя огромную легально-неформальную власть в своих руках (ключевой вето-игрок). Но императив политического пространства заключается в том, что, девальвируя формальные институты (конституционализм, федерализм, парламентаризм, разделение властей, независимость суда, представительство, право и т.д.) автоматически происходит усиление неформальных институтов, как правило, экстрактивного [10] характера. Чем выше степень узурпации политической власти, централизации, преодоления конкуренции, неформальной институционализации в

виде неопатримониализма, патронажа, клиентелизма, nepотизма, коррупции и т.д., тем ниже роль вето-игроков в интерпретации Д. Цебелиса, а не данной логики. Вместе с тем следует подчеркнуть, что поликратический (неконсолидированный) по форме авторитаризм [11, с. 53], характеризуется множеством вето-игроков, контролирующих разные сегменты политического поля, в отличие от монархического, где централизация и узурпация власти авторитаризм носит гипертрофированный характер.

В условиях же демократического политического режима, когда роль формальных институций высока, несмотря на усиливающуюся в XXI веке неформальную институциональную тенденцию (демократическая деkonsолидация [12, с. 82] или дедемократизация), используемые в контексте анализа вето-игроки отражают конкурентную среду ключевых субъектов, а также норм и правил. Данная конфигурация принципиально отличается от роли вето-игрока(ов) с институционализированным статусом в условиях авторитаризма.

На стыке двух обозначенных интерпретаций акторно-институционального дизайна, в контексте проблематики вето-игроков, необходимо затронуть идеи Б.Б. де Мескита, А. Смита, Р. Сиверсона, Дж. Морроу [13], предложивших теорию селектората. Во-первых, они рефлексируют в рамках вопроса удержания власти и точки политического равновесия, акцентируя внимание на политико-экономических детер-

минантах. Во-вторых, вводимый в научный оборот «селекторат» представляет собой агрегацию интересов через выделение социального подмножества, которое в рамках легальных процедур может оказывать особое влияние на политическую систему общества, легитимизируя ее и получая определенные привилегии. В этом плане селекторат обуславливает выигрывающую коалицию, которая в социальной иерархии занимает место элитных групп во главе с политическими лидерами. В-третьих, что актуально для данного исследования, «коалиция победителей» во-многом корреспондирует с вето-игроками в рамках подхода Д. Цебелиса, так как подчеркивается роль высшего слоя в социальной иерархии в контексте функционирования институциональной среды (политической системы общества).

В то же время авторская интерпретация анализируемой тематики имеет методологическое пересечение с оптикой Б.Б. де Мескита и его коллег, в части политико-режимного аспекта (вводится индекс Democracy, опирающийся на методологию индекса Polity-IV). Так, «выигрывающая коалиция» (W) и «селекторат» (S) при соотношении (W/S) формируют шкалу от 0 до 1, отражая диапазон от авторитарной до демократической политической системы. В этом плане представляет интерес заключение Д.А. Коновалова: «Политико-экономический подход в анализе институциональных оснований диктатур исходит из того, что действия дик-

таторов, а также других политических акторов (элита, оппозиция, селекторат) играют ключевую роль в формировании, развитии и упадке политических институтов» [14, с. 240], что подсвечивает тематику разграничения политических субъектов и институтов, отражая асимметрию в пользу акторов (вето-игроков) в условиях недемократической режимной конфигурации.

Еще одной концепцией, корреспондирующей с теорией селектората, является подход Т. Бесли и М. Кудамачу [15], который интерпретирует «успешный авторитаризм». Ключевой вывод их анализа заключается в том, что уровень витальности авторитарной политической системы непосредственно коррелирует с влиянием селектората как базового электорального ядра и групп влияния, которые легитимизируют высший политический класс. В данном контексте проблематика вето-игроков так же имеет место, так как отражает иерархию

групп и репрезентацию их интересов в контексте функционирования селектората, выигрышной коалиции и непосредственно политических лидеров.

По мнению М.А. Максимова и И.В. Белова: «Теория селектората в настоящее время предоставляет действенный и эффективный инструментарий, необходимый для анализа зарождающихся в обществе тенденций, связанных с падением уровня представительства граждан в законодательных органах власти, а также с интересами политических лидеров» [16, с. 105]. В частности, российский кейс в представленном методологическом ключе анализировала О.В. Гаман-Голутвина [17].

В качестве промежуточного итога можно заключить, что роль и значение вето-игроков значительным образом зависит от теоретико-методологического инструментария, который применяется в акторно-институциональном анализе.

Заключение

Тематика политических вето-игроков представляет собой достаточно широкое поле, в рамках которого используются совершенно разные коннотации. Так, теоретическая оптика Д. Цибелиса фокусирует внимание на легально-институциональных аспектах, что приводит к интерпретации вето-игроков как субъектов и институтов политической системы общества. Политико-режимная логика,

опирающаяся на неоинституциональный фрейм, дифференцирует вето-игроков в зависимости от типа и подтипа политического режима. Особенно это важно в контексте авторитарных режимных моделей, которые девальвируют формальную институциональную архитектуру в пользу неформальных правил игры, что актуализирует господство институционализированных субъектов, которые по

сути своей являются вето-игроками, узурпировавшими политическую власть.

Интерпретация современной социальной дифференциации и репрезентации интересов через призму теории селектората Б.Б. де Мескита, А. Смита, Р. Сиверсона, Дж. Морроу показывает, что вето-игроки конституируются и позиционируют в центральных сегментах политического пространства, что отражает диаграмма Эйлера.

Резюмируя, можно констатировать, что политическому статус-кво имманентно системно-динамичное состояние, которое детерминировано различными, с точки зрения влияния, политическими акторами

и институциональными решениями. В таких условиях роль вето-игроков как ключевых субъектов политической сферы общества, принимающих политические решения и блокирующих альтернативные проекты в рамках сложившегося институционального дизайна, выглядит весьма важной, так как это один из критериев оценки не только политических систем, но и политических режимов современности. Ключевым фактором генезиса и характера вето-игроков является степень политической субъектности общества, что может измеряться в виде особенностей селектората – «коалиции центров силы» [18, с. 80] и влияния.

Список литературы

1. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Colchester. 1976.
2. Голосов Г.В. Форматы партийных систем в новых демократиях: институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // Полис. Политические исследования. 1998. № 1.
3. Валиев Р.Г. Институционально-правовые основания общеправовой модели дискреционных полномочий / Р. Г. Валиев // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5(114). С. 11-18. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.011-018
4. Tsebelis G. Nested games: rational choice in a comparative perspective. Berkeley: Univ. of California press. 1990.
5. Шанин А.А. Политический режим (Сущность, содержание и типология; теоретико-правовой аспект): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шанин Андрей Александрович. Волгоград. 1999. 202 с.
6. Помигуев И.А. Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления / И. А. Помигуев // Политическая наука. 2014. № 1. С. 199-210.

7. Патрушев С.В. Массовая политика: опыт институциональной реконцептуализации / С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 131-151. DOI: 10.17976/jpps/2016.02.10
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. кн. «Начала». 1997. 180 с.
9. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. 1999. № 2.
10. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ. 2016. 693 с.
11. Кротков В.О. Особенности взаимовлияния российского социума и политического класса в условиях постсоветской трансформации / В. О. Кротков // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 2(18). С. 42-54.
12. Кудрявцев С.А. К вопросу о проблемах консолидации демократии / С. А. Кудрявцев // Постсоветский материк. 2025. № 2(46). С. 80-92. DOI: 10.48137/23116412_2025_2_80
13. Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J. The Logic of Political Survival. Cambridge, Mass. 2003. 551 p.
14. Коновалов Д.А. Политико-экономический подход в изучении институциональных оснований диктатур / Д. А. Коновалов // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 3(19). С. 234-241. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.3.234-241
15. Besley T., Kudamatsu M. Making Autocracy Work. Development Economics Discussion Paper Series. 2007. № 48.
16. Максимов М.А. Компаративистский подход к изучению политической теории селектората / М. А. Максимов, И. В. Белов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8-3(71). С. 102-106. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-8-3-102-106
17. Гаман-Голутвина О.В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России / О. В. Гаман-Голутвина // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы. 2004. С. 115-125.
18. Розов Н.С. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России / Н. С. Розов // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 74-89.

KROTKOV Vladimir O. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of «Applied Political Science» of the State Academic University of Humanities, Senior Researcher at the Department of Political Science at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, email: vladimir.dussel@gmail.com

Keywords: Veto player, political decision-making, political regime, political actors, political institutions, the institutionalized entity, selectorate

The article was prepared at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the FZNF-2023-0004 project – «Digitalization and formation of a modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects» (123022000042-0).

THE POLITICAL VETO IS A PLAYER IN THE ACTOR-INSTITUTIONAL CONTEXT

Abstract

The article analyzes the issues related to the phenomenon of political veto players, which can be interpreted in various actor-institutional frameworks. On the one hand, the classical approach focuses on formal and legal mechanisms of political governance that correlate with the functioning of the political system of society. On the other hand, the political-regime configurations of modernity and their dynamics lead to the fact that the role of veto players is postulated much more broadly, especially in the context of an authoritarian political process that devalues the formal institutional architecture and automatically actualizes informal practices. At the same time, attention is focused on the category of “institutionalized subject”, which correlates with the veto player. In addition, the concept of selectivity is considered, which contributes to explaining the nature of socio-political differentiation.

References

1. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Colchester. 1976.
2. Golos G.V. Formats of party systems in new democracies: institutional factors of instability and fragmentation // Polis. Political research. 1998. № 1.
3. Valiev R.G. Institutional and legal foundations of the general legal model of discretionary powers / R. G. Valiev // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15, № 5(114). – pp. 11-18. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.011-018
4. Tsebelis G. Nested games: rational choice in a comparative perspective. – Berkeley: Univ. of California press. 1990.
5. Shanin A.A. Political regime (Essence, content and typology; theoretical and legal aspect): specialty 12.00.01 “Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state”: dissertation for the degree of Candidate of Sciences in Law / Shanin Andrey Aleksandrovich. Volgograd. 1999. 202 p.
6. Pomiguyev I.A. The concept of veto players: a new approach to the study of forms of government / I. A. Pomiguyev // Political Science. 2014. № 1. Pp. 199-210.
7. Patrushev S.V. Mass politics: the experience of institutional reconceptualization / S. V. Patrushev, L. E. Filippova // Polis. Political research. 2016. № 2. pp. 131-151. DOI: 10.17976/jpps/2016.02.10
8. North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Foundation of Economics. Nachala. 1997. 180 p.
9. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? // Annual review in political science. 1999. № 2.
10. Ajemoglu D., Robinson J. Why some countries are rich and others are poor. The Origin of power, prosperity and poverty. Moscow: AST. 2016. 693 p.
11. Krotkov V.O. Features of the mutual influence of Russian society and the political class in the context of post-Soviet transformation / V. O. Krotkov // Bulletin of Perm University. Political science. 2012. № 2(18). Pp. 42-54.
12. Kudryavtsev S.A. On the question of the problems of consolidating democracy / S. A. Kudryavtsev // The post-Soviet continent. 2025. № 2(46). pp. 80-92. DOI: 10.48137/23116412_2025_2_80
13. Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J. The Logic of Political Survival. Cambridge, Mass. 2003. 551 p.
14. Konovalov D.A. A political and economic approach to the study of the institutional foundations of dictatorships / D. A. Konovalov // Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2018. № 3(19). Pp. 234-241. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.3.234-241

15. Besley T., Kudamatsu M. Making Autocracy Work. – Development Economics Discussion Paper Series. 2007. № 48.
16. Maksimov M.A. A comparative approach to the study of the political theory of selectorate / M. A. Maksimov, I. V. Belov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. № 8-3(71). Pp. 102-106. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-8-3-102-106
17. Gaman-Golutvina O.V. Political and financial clans and political parties as a selectorate in the processes of parliamentary representation in modern Russia / O. V. Gaman-Golutvina // The power elites of modern Russia in the process of political transformation. Rostov-on-Don: North Caucasian Academy of Public Administration, 2004. Pp. 115-125.
18. Rozov N.S. Collegially divided power and the conditions for the gradual formation of democracy in Russia / N. S. Rozov // Polis. Political research. 2008. № 5. Pp. 74-89.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025.

Принята к публикации 27.10.2025.

МИГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация

В статье посредством использования институционального, структурно-функционального методов и анализа нормативно-правовых актов определены ключевые механизмы продвижения российских национальных интересов в центральноазиатском регионе в контексте миграции. Среди них – заключение двусторонних миграционных договоров и межправительственных соглашений в гуманитарной сфере со странами-донорами миграции, а также управление условиями трансграничных денежных переводов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и реализации российской внешнеполитической стратегии в Центральной Азии.

Введение

Рост влияния Китая и Турции, активизация усилий Европы и США в Центральной Азии стимулируют постепенный выход стран региона из

сферы влияния России. Но по сравнению с перечисленными внешними игроками, у России по-прежнему остается серьезное преимущество в

КРАМАРЕНКО Анастасия Сергеевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, заведующий сектором диаспоральных исследований-ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), Россия, Москва, email: a.kramarenko@hse.ru, SPIN-код: 5021-1033, ORCID: 0000-0001-7454-0956

Ключевые слова: миграция, Центральная Азия, внешняя политика, миграционная политика России, денежные переводы, организованный набор трудовых мигрантов, домиграционная подготовка

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_15

виде значительных миграционных потоков из центральноазиатских республик – Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Сегодня граждане этих стран составляют более 40% международного миграционного потока в Россию¹. Географическая близость, общее историческое прошлое, социально-экономические и демографические диспропорции в развитии, дополняемые совокупным действием выталкивающих и притягивающих факторов, определяют Россию в качестве главного реципиента рабочей силы для этих стран.

Трудовая миграция играет важную роль как в российской экономике, так и в центральноазиатских странах-экспортерах. С одной стороны, мигранты занимают свободные вакансии на вторичном рынке труда России, особенно в таких секторах, как строительство, сельское хозяйство, сфера услуг, удешевляя стоимость труда, повышая его производительность и таким образом стимулируя экономический рост в нашей стране. С другой – денежные переводы в страны-доноры и

привлечение на российский рынок занятости избыточных трудовых ресурсов преимущественно молодых возрастов обеспечивают экономическую, социальную и политическую стабильность самих центральноазиатских республик.

В то же время на сегодняшний день миграция практически не используется Россией в качестве внешнеполитического инструмента для продвижения национальных интересов в Центральной Азии. В контексте растущей глобальной конкуренции фактор миграционной взаимозависимости России и центральноазиатских республик может стать частью широкой геополитической стратегии Москвы по усилению политического, экономического и социокультурного влияния не только в регионе, но и в других странах, наращивающих сегодня миграционный поток в Россию.

Настоящая статья рассматривает основные инструменты, при помощи которых такая стратегия может быть осуществлена.

Организованный набор трудовых мигрантов

Основным правовым механизмом расширения влияния России в Центральной Азии может стать заключение двусторонних миграционных соглашений со странами-до-

норами. Такие соглашения на сегодняшний день играют ключевую роль в регулировании миграционных процессов² и не только обеспечивают управляемость, дифференциро-

¹ Демографический ежегодник России. 2023: Статистический сборник // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf С. 210 (дата обращения: 03.09.2025).

² Guidance on Bilateral Labour Migration Agreements. International Labour Organization. // https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/tmzbd1416/files/resources_files/blma_guidance_final.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

ванность и прогнозируемость миграционных потоков с учетом потребностей российской экономики, но и создадут возможности для долгосрочного сотрудничества в миграционной сфере, улучшения условий жизни мигрантов и повышения качества приезжей рабочей силы.

По этому поводу существует общепринятая мировая практика. В частности, в европейской политике двусторонние соглашения со странами-донорами стали ключевым инструментом содействия международной трудовой мобильности [1]. Их преимущества заключаются в гибкости таргетирования отдельных групп мигрантов, соответствии динамично меняющимся требованиям экономики, а также в институционализации совместного мониторинга миграционных процессов и распределения обязательств по контролю миграционных потоков между государствами-участниками.

У России уже есть опыт заключения подобных международных договоров. В частности, речь идет о соглашениях об организованном наборе экономических мигрантов с Узбекистаном³, Киргизией⁴ и Таджикистаном⁵ и опыте проведения приостановленного в марте 2023 г. Пилотного проекта по привлечению граждан Узбекистана для работы в российских организациях в секторах строительства, легкой промышленности и агропромышленного комплекса⁶. Однако практическая эффективность указанных инструментов в российском контексте довольно спорна. Число мигрантов, прибывших в рамках организованного набора, несопоставимо мало по сравнению с объемами стихийной трудовой миграции – более 90% мигрантов приезжают именно в таком порядке [2, с. 73]. Получается, что безвизовый въезд на территорию России, а также упрощенные условия пребывания и трудо-

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации // <https://docs.cntd.ru/document/542614408> (дата обращения: 23.09.2025).

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики об организованном наборе граждан Киргизской Республики для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102361974&page=1&rdk=0&link_id=46#10 (дата обращения: 23.09.2025).

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации // <https://docs.cntd.ru/document/901915130> (дата обращения: 23.08.2025).

⁶ Постановление Правительства РФ от 06.10.2021 № 1694 (ред. от 10.11.2022, с изм. от 20.02.2023) «О реализации пилотного проекта по привлечению граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности у российских юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность в сферах строительства, легкой промышленности и агропромышленного комплекса» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110070024> (дата обращения: 22.09.2025).

устройства граждан Казахстана и Киргизии как государств – членов ЕАЭС фактически нивелируют эффект организованного набора и снижают возможность регулировать миграционную ситуацию.

Здесь возникает резонный вопрос: есть ли смысл перестроить условия свободного въезда для экономических мигрантов из стран ближнего зарубежья и патентную систему трудоустройства, заменив их, например, ежегодными квотами или только организованным набором? Такие механизмы значительно увеличат прозрачность и легальность миграционных потоков, позволят прогнозировать их объем и структуру с учетом потребностей экономики и уровня социального обеспечения, избежав перенасыщения рынка труда. В результате снизятся риски для безопасности страны, улучшатся условия труда мигрантов, будет обеспечен устойчивый вклад в развитие экономики благодаря возможности работодателям и мигрантам планировать свою деятельность.

Однако система миграционных квот в отношении трудовых мигрантов из безвизовых стран, которая использовалась в России с 2007 года и была окончательно отменена для этой категории иностранцев в 2014 году с введением патентов, создавала дополнительные бюрократические препятствия, ограничивала свободный доступ к рабочим местам, а из-за постоянного снижения числа квот, несоответствующего реальному числу мигрантов, стимулировала рост нелегальной занятости [3]. Отмена же безвизового режима для трудовых мигрантов из Центральной Азии не только невыгодна стране в долгосрочной перспективе, но и отрицательно повлияет на взаимоотношения с соседями и с точки зрения дипломатии нежелательна. С этим согласен и министр иностранных дел С.В. Лавров⁷.

В то же время механизм организованного набора остается перспективным инструментом не только миграционной, но и внешней политики России даже при наличии безвизового режима и патентной системы. Однако для его эффективного функционирования необходимо учитывать постепенную трансформацию характера и структуры спроса на рабочую силу, состоящую в росте потребности в квалифицированных и высококвалифицированных кадрах в основных секторах экономики⁸. Таким образом, программы организованного набора следует сосредоточить на привлечении данных категорий иностранных трудовых ресурсов, а их первичную подготовку перенести в страны отправления. Это укреп-

⁷ Лавров не поддержал идею виз для мигрантов из постсоветских стран // https://www.rbc.ru/politics/19/02/2025/67b5af189a7947e19283c208?from=materials_on_subject (дата обращения: 22.09.2025).

⁸ О ситуации в российской экономике. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования // http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/DB/2025_01_21eco.pdf (дата обращения: 26.08.2025).

пит важность России для граждан центральноазиатских государств и создаст дополнительные каналы

политического диалога и сотрудничества, поддерживая влияние Москвы в Центральной Азии.

Дополнительные соглашения в гуманитарной сфере

Международная миграция включает не только экономическую, но и социокультурную составляющую, поэтому перспективными с точки зрения расширения российского влияния в регионе могут стать межправительственные соглашения, касающиеся вопросов домигранционной подготовки, защиты прав мигрантов и взаимного признания дипломов и профессиональных квалификаций. Это даст России возможность использовать миграционные связи в качестве инструмента «мягкой силы» и распространения русской культуры и языка в государствах Центральной Азии, где они утрачивают свои позиции. Создавая условия для миграции, обучения, профессиональной подготовки и обмена опытом, Россия имеет потенциал укрепить свой статус основного культурного и образовательного центра для центральноазиатских стран и воздействовать на социально-политические и гуманитарные процессы через культурные и социальные связи.

Центры домигранционной подготовки в странах-донорах способны стать узлами устойчивого взаимодействия между Россией и странами Центральной Азии, предоставляя инфраструктуру для деятель-

ности органов власти (таких, как Россотрудничество), российских НКО и образовательных учреждений, что создает систему постоянных коммуникационных, культурных и управленческих каналов российского влияния. На базе таких центров возможно реализовать программы развития профессиональных навыков и повышения квалификации, курсы и тренинги по изучению русского языка, основ российской истории, культуры, законодательства, социальных и культурных вопросов. В свою очередь, домигранционная подготовка повысит интеграционный потенциал мигрантов и облегчит их включение в российское общество, одновременно снизив риски сепарации и анклавизации, сохраняя национальную безопасности России.

Важно отметить, что создание институтов домигранционной подготовки и развитие на их базе совместных образовательных проектов выгодны как России, так и государствам Центральной Азии, поскольку позволят не только увеличить качество рабочей силы и восполнить дефицит квалифицированных кадров в высокотехнологичных отраслях, но и нарастить социальный капитал ми-

грантов, которые, возвращаясь на родину, смогут использовать полученные в России навыки и знания для развития экономики и социальных структур собственных государств.

Сформировать позитивный имидж России в целевых странах и увеличить миграционную привлекательность для высококвалифицированных специалистов возможно через гарантии социальных прав мигрантов и упрощение процедур взаимного признания профессиональных квалификаций и дипломов. В настоящее время социальными правами⁹ и упрощенным доступом к российскому рынку труда без необходимости нострификации документов об образовании¹⁰ обладают мигранты из стран-участниц ЕАЭС – Киргизии и Казахстана. Учитывая, что экономические мигранты из Таджикистана и Узбекистана также платят налоги в российский бюджет, рационально и им гарантировать право на медицинское и социальное страхование, доступ к ско-

рой экстренной и неотложной медицинской помощи и включение их детей в систему образования.

Несмотря на то, что с Таджикистаном¹¹ и Узбекистаном¹² подписаны договоры о взаимном признании квалификаций и дипломов, специалисты, выпустившиеся до их вступления в силу в 2003 и 2019 году, соответственно, обязаны нострифицировать документы об образовании для продолжения обучения и работы в России. Для таких мигрантов следует упростить процедуры признания, поскольку квалифицированные сталкиваются с нисходящей трудовой мобильностью на российском рынке занятости [4, с. 76-77], связанной не только с дискриминацией, но и с трудностями признания документов об образовании и квалификации.

Если речь идет о медицинской или фармацевтической деятельности, то иностранцу даже при наличии международного договора необходимо не только нострифицировать диплом, но и пройти про-

⁹ Договор о Евразийском экономическом союзе // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 01.09.2025); Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам семей // <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/f17/f177ed3062d518ebca5e5a83e4452b5f.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁰ Договор о Евразийском экономическом союзе // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 01.09.2025).

¹¹ Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях // https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/idokb_2491_228021 (дата обращения: 29.08.2025).

¹² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о взаимном признании образования и квалификации, ученых степеней // <https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/Uzbekistan2019> (дата обращения: 29.08.2025).

цедуру аккредитации навыков и знаний¹³. Оптимизация этого механизма и должная информационная поддержка стимулирует трудовую мобильность квалифицированных мигрантов из Центральной Азии, упростит их трудоустройство на позиции с более выгодными условиями, согласно специальности и уровню образования, тем самым облегчив социально-экономическую интеграцию в российское общество и удовлетворив спрос на квалифицированный труд.

Не менее важным направлением сотрудничества является разработка совместных с государствами Центральной Азии программ по правовой защите мигрантов и противодействию их эксплуатации. Эти инициативы должны включать: гарантии предварительных консультаций перед депортацией, прозрачные процедуры ускоренного оформления документов и безопасного возвращения мигрантов, нарушивших правила пребывания или трудовой деятельности, в страну исхода, совместные уси-

лия по идентификации и защите уязвимых категорий мигрантов – женщин, детей без сопровождения родителей и апатридов, а также гуманные процедуры репатриации и социально-экономической реинтеграции. Программы консультирования, переподготовки, трудоустройства и психосоциальной поддержки для возвратившихся мигрантов, реализуемые с участием государственных и коммерческих акторов, способствуют их адаптации за счет восстановления профессиональных навыков и доступа к рынку труда, снижают вероятность повторной миграции и повышают уровень занятости среди репатриантов¹⁴.

Сотрудничество России и стран центральноазиатского региона в указанных областях укрепит культурно-гуманитарные связи, усилит российское присутствие в регионе и сформирует лояльный слой населения, воспринимающего Россию не как эксплуатирующее государство, а как надежного и ответственного партнера.

Миграционная политика и денежные переводы

Зависимость ряда экономик Центральной Азии от российского рынка труда и денежных переводов трудящихся в России мигрантов де-

лает стабильность отношений с Москвой приоритетной задачей для их правительств. Это взаимодействие может быть использовано

¹³ Установление соответствия иностранного образования требованиям к медицинским и фармацевтическим работникам // <https://roszdravnadzor.gov.ru/medactivities/specialist> (дата обращения: 05.09.2025).

¹⁴ Reintegration Handbook. Practical guidance on the design, implementation and monitoring of reintegration assistance. International Organization for Migration (IOM) // https://publications.iom.int/system/files/pdf/iom_reintegration_handbook.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

в качестве средства укрепления дипломатического влияния в рамках двусторонних переговоров по политическим, экономическим вопросам или вопросам обеспечения безопасности.

Денежные переводы мигрантов обеспечивают финансовое благополучие значительной доли домохозяйств центральноазиатских стран, тем самым поддерживая экономическую, социальную и политическую стабильность в регионе. В структуре ВВП Таджикистана переводы составляют 38,4%, Киргизии – 20,4% и Узбекистана – 13,9%¹⁵. Подсчитано, что при отсутствии переводов уровень бедности в Узбекистане вырастет с 9,6% до 16,8% [5, р. 10], в Киргизии – с 22,4% до 30,6% [6, р. 24]. Учитывая, что порядка 80% трудовых эмигрантов из Таджикистана и Киргизии и 56% выходцев из Узбекистана трудятся в России [7, р. 23], сокращение их числа и, соответственно, объема финансовых трансфертов, приведет к росту социально-экономической напряженности в странах-донорах. Критическая важность российского рынка труда для поддержания центральноазиатских экономик в условиях структурной экономической зависимости дает Москве рычаги политического воздействия. В частности, такими рычагами являются упрощение или усложнение миграционных процедур, регу-

лирование квот и режимов натурализации.

Сегодня Россия может предложить более выгодные условия денежных переводов: снизить минимальный порог личных трансграничных транзакций в страны-доноры или комиссии за переводы через свои банки и платежные системы. Кроме того, актуально создание различных программ и инвестиционных проектов, направленных на повышение стабильности финансовых потоков, создание и развитие инфраструктуры и механизмов личных трансграничных денежных переводов между Россией и странами Центральной Азии. Это позволит сохранять устойчивые экономические и политические связи с правительствами стран региона и повысить значимость России в качестве лидирующего экономического партнера.

Таким образом, предоставляя преференции тем или иным категориям мигрантов, ужесточая или, напротив, либерализуя миграционный режим и условия трансграничных денежных переводов, Россия может усиливать политическое влияние в странах Центральной Азии. При этом необходимо соблюдать баланс в использовании указанных инструментов, а миграционное сотрудничество должно основываться на принципах взаимной выгоды и уважения суверенитета всех участников.

¹⁵ Personal remittances, received (% of GDP). World Bank Open Data. 2023 // https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?end=2023&most_recent_year_desc=true&start=1970 (дата обращения: 05.09.2025).

Проекция на государства дальнего зарубежья

Все ранее рассмотренные механизмы могут быть использованы не только для усиления влияния России в Центральной Азии, но и для расширения и углубления политических и экономических связей с другими дружественными странами зарубежной Азии. В ближайшие годы либерализация условий миграции и занятости даст новый импульс развитию отношений с Индией, Бангладеш, Пакистаном [8, с. 140] и странами АСЕАН [9, с. 111], которые характеризуются избытком трудовых ресурсов преимущественно в молодых возрастных когортах, высоким миграционным потенциалом. В условиях снижения трудоспособного населения России эти государства могут удовлетворить потребности в квалифицированной и высококвалифицированной рабочей силе в целом ряде отраслей.

На сегодняшний день сложность и длительность процедуры найма трудовых ресурсов из визовых стран Азии не позволяет эффективно задействовать миграцию как инструмент внешнеполитического влияния. Приглашения и, соответственно, разрешения на работу выдаются в пределах квоты, ежегодно утверждаемой Правительством России. В 2025 году она составила 234 958 человек¹⁶, увеличившись

на 30% по сравнению с предыдущим годом.

Для получения разрешения на привлечение иностранной рабочей силы из визовых стран работодатель проходит несколько инстанций и процедур – сначала подает сведения о потребности в работниках в Центр занятости населения, затем через три месяца подает заявку в исполнительные органы власти субъекта РФ, на основании которой собирается региональная межведомственная комиссия по вопросам привлечения и использования иностранных работников и рассматривает поданную заявку. Только после получения положительного ответа комиссии, работодатель может подать заявление на выдачу разрешения на привлечение иностранных работников в МВД России. Последнее, в свою очередь, направляет запрос на выдачу заключения о привлечении иностранных работников в Службу занятости. При получении положительного решения работодатель подает в МВД ходатайство о выдаче приглашения для иностранного работника, чтобы он мог получить визу в посольстве России за рубежом. Одновременно с ходатайством работодатель предоставляет гарантии материального, медицинского и жилищного обеспечения ино-

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 03.12.2024 № 1707 «Об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2025 год» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412060029> (дата обращения: 05.09.2025).

странца на период его работы в России. Весь процесс подготовки и получения разрешения на привлечение иностранной рабочей силы может занимать год.

Россия способна реализовать комплекс мер по либерализации миграционной политики в отношении государств дальнего зарубежья, которые позволят наладить взаимодействие в сфере трудовой и образовательной мобильности и использовать фактор миграции для усиления политических связей с азиатскими странами. Среди них:

- снижение бюрократических барьеров для трудовой миграции и цифровизация процедур подачи документов;

- создание рабочих групп по упрощению миграции и заключение двусторонних соглашений об организованном привлечении рабочей силы;

- введение визовых преференций, упрощение процедур получения ВНЖ и гражданства для высоко-

коквалифицированных специалистов в приоритетных областях;

- создание центров домигранционной подготовки с языковыми курсами и первичной культурно-правовой адаптацией;

- расширение программ образовательной миграции и увеличение квот на бесплатное обучение в российских вузах для студентов из дружественных стран Азии;

- внедрение специальных бизнес-виз для инвесторов.

Многие из указанных мер эффективно используются, в частности, государствами Западной Европы для сохранения и упрочения своего политического влияния в странах Азии и Африки, выступающих донорами иммиграции в Европу¹⁷.

Реализация данной стратегии позволит усилить влияние России, создать устойчивые экономические и политические связи с целевыми странами, способствовать появлению пророссийски ориентированных элит.

Заключение

Фактор миграции способен стать мощным инструментом укрепления международных позиций России не только в Центральной Азии, но и в других странах Глобального Юга. В настоящее время данный ресурс внешнеполитического влияния востребован недостаточно, несмотря

на его значительный потенциал. Для изменения сложившейся ситуации следует внедрить механизм двусторонних договоренностей, который успешно применяется европейскими государствами для управления внешней миграцией. С одной стороны, такие соглашения в раз-

¹⁷ Migration and mobility. European Commission // https://research-and-innovation.ec.europa.eu/research-area/social-sciences-and-humanities/migration-and-mobility_en (дата обращения: 06.09.2025).

ных областях, начиная от организованного набора трудовых ресурсов и заканчивая совместными программами реинтеграции в принимающее общество вернувшихся мигрантов, легализуют и упорядочат миграционные потоки. С другой – сформируют устойчивые каналы политического, экономического и культурного влияния России и создадут платформу для защиты ее ключевых внешнеполитических приоритетов.

Регулирование параметров трудовой миграции и трансграничных финансовых потоков могут выступать дополнительными ресурсами

«мягкой» силы России. Главным вызовом использования миграции в качестве инструмента внешней политики является поиск оптимального соотношения между ее жестким контролем и предоставлением миграционных и экономических преференций странам-донорам для продвижения собственных стратегических интересов. Если Москва сможет балансировать и сочетать экономические стимулы с политической и социокультурной экспансией, это позволит установить прочные связи и наращивать свое политическое влияние в том числе и за пределами бывшего СССР.

Список литературы

1. Chilton A. S., Posner E. Why Countries Sign Bilateral Labor Agreements // Coase-Sandor Working Paper Series in Law and Economics, No. 807. 2017. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2497&context=law_and_economics (дата обращения: 26.08.2025).
2. Комаровский В.В. Организованный набор трудовых мигрантов и факторы, влияющие на его развитие // Социально-трудовые исследования. 2023. № 53(4). С. 70-80.
3. Флоринская Ю. Масштабы трудовой миграции в Россию. Российский совет по международным делам (РСМД) // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/masshtaby-trudovoy-migratsii-v-rossiyu/?sphrase_id=110931760 (дата обращения: 22.09.2025).
4. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. Т. 14. № 6. С. 69-79.
5. Seitz W. H. International Migration and Household Well-Being: Evidence from Uzbekistan. Policy Research Working Paper 8910. World Bank. 2019 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/615721561125387061/pdf/International-Migration-and-Household-Well-Being-Evidence-from-Uzbekistan.pdf> (дата обращения: 04.09.2025).

6. Bossavie L., Garrote-Sánchez D. Safe and Productive Migration from the Kyrgyz Republic. Lessons from the COVID-19 Pandemic. World Bank. 2022 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099700011112220069/pdf/P1758690317f0c0f6095f40174df55483dc.pdf> (дата обращения: 04.09.2025).
7. Bossavie L., Garrote Sánchez D., Makovec M. The Journey Ahead. Supporting Successful Migration in Europe and Central Asia. World Bank. 2024 // <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/9688c63d-d1fe-41b8-a1a4-7cbe96e74a8e/content> (дата обращения: 05.09.2025).
8. Глухов Я. А. Иванова М. Б. Миграционные процессы и управление ими в странах Южной Азии на примере Индии, Бангладеш и Пакистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 1. С. 135-153.
9. Денисенко В. А. Богданова Н. Д. АСЕАН: особенности современной социально-демографической неоднородности // Известия Восточного института. 2023. № 4. С. 110-121.

KRAMARENKO Anastasiya S. – Candidate of Sciences (Politics), Research Associate, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), HSE University; Head of the Diaspora Studies Sector, Leading Researcher, Centre for Central Asian Studies (ICCA RAS), Moscow, Russia, email: a.kramarenko@hse.ru

Keywords: migration, Central Asia, foreign policy, Russian migration policy, remittances, organised recruitment of migrant workers, pre-migration training

MIGRATION AS AN INSTRUMENT OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA

Abstract

The article employs institutional, structural-functional methods, and method of analysing regulatory and legal literature to identify the primary mechanisms that promote Russian national interests within the Central Asian region in the context of migration. These include concluding bilateral migration agreements and intergovernmental agreements in the humanitarian sphere with countries that send migrants, as well as managing cross-border remittance conditions. The results of the study can inform the development and implementation of Russia's foreign policy strategy in Central Asia.

References

1. Chilton A. S., Posner E. Why Countries Sign Bilateral Labor Agreements // Coase-Sandor Working Paper Series in Law and Economics, No. 807. 2017. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2497&context=law_and_economics
2. Komarovskiy V. V. Organised Recruitment of Migrant Workers and Factors Influencing its Development // Social and Labour Research. 2023. No. 53(4). P. 70-80.
3. Florinskaya Y. The Scale of Labour Migration to Russia. Russian International Affairs Council (RIAC) // <https://russiancouncil.ru/>

analytics-and-comments/analytics/masshtaby-trudovoy-migratsii-v-rossiyu/?sphrase_id=110931760

4. Mukomel V. I. Migrants in the Russian Labour Market: Employment, Mobility, Intensity and Wages // Statistics and Economics. 2017. Vol. 14. No. 6. P. 69-79.

5. Seitz W. H. International Migration and Household Well-Being: Evidence from Uzbekistan. Policy Research Working Paper 8910. World Bank. 2019 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/615721561125387061/pdf/International-Migration-and-Household-Well-Being-Evidence-from-Uzbekistan.pdf>

6. Bossavie L., Garrote-Sánchez D. Safe and Productive Migration from the Kyrgyz Republic. Lessons from the COVID-19 Pandemic. World Bank. 2022 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099700011112220069/pdf/P1758690317f0c0f6095f40174df55483dc.pdf>

7. Bossavie L., Garrote Sánchez D., Makovec M. The Journey Ahead. Supporting Successful Migration in Europe and Central Asia. World Bank. 2024 // <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/9688c63d-d1fe-41b8-a1a4-7cbe96e74a8e/content>

8. Glukhov Y. A. Ivanova, M. B. Migration Processes and Their Management in South Asian Countries: The case of India, Bangladesh and Pakistan // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Economics. 2024. Vol. 32. No. 1. P. 135-153.

9. Denisenko V. A., Bogdanova N. D. ASEAN: Features of Contemporary Socio-Demographic Heterogeneity // News of the Eastern Institute. 2023. No. 4. P. 110-121.

Статья поступила в редакцию 3.10.2025.

Принята к публикации 28.10.2025.

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ В 2020–2025 ГГ.: ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Аннотация

Исследование анализирует современное состояние белорусско-российской интеграции. Автор показывает, что под воздействием политического кризиса в Белоруссии и санкционного давления Запада союзное строительство перешло из фазы деклараций в стадию практической реализации. Наибольший прогресс достигнут в военно-стратегической и экономической сферах, где создана основа единого оборонного и рыночного пространства. Интеграция приобрела вынужденно-прагматичный характер и стала инструментом выживания и безопасности, а не идеологического объединения, что определяет ее дальнейшую эволюцию.

Введение

Интеграционный проект России и Белоруссии официально стартовал с подписания Договора о создании Союзного государства 8 декабря 1999 года. Проект представляет собой уникальный и наиболее

продвинутый пример глубокого двустороннего взаимодействия на постсоветском пространстве. Его часто называют «локомотивом евразийской интеграции» и наиболее ее тесной, развитой формой.

БАРАНЧИК Юрий Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела Белоруссии Института стран СНГ, Россия, Москва, email: ezdakov.1975@mail.ru, SPIN-код: 8191-3827

Ключевые слова: Союзное государство, Россия, Белоруссия, интеграция, экономическое партнерство, санкции, стратегическое партнерство

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_29

Этот проект долгое время развивался волнообразно, чередуя периоды интенсивного сближения и затяжной стагнации. Во многом эти периоды были обусловлены асимметричным характером отношений, разным видением конечной цели интеграции, а также устойчивыми опасениями белорусской стороны относительно возможной потери экономического и политического суверенитета [1].

Рубеж 2020–2021 годов стал критически важным моментом, который придал союзному строительству новый импульс. В основе лежал тот же прагматизм, выраженный в большей степени со стороны официального Минска. Москва при этом желала выхода за рамки сугобо экономического сотрудничества на двусторонней основе, дополнения такого сотрудничества другими направлениями. Отчасти интересы сторон совпали, что стимулировало внешнее воздействие недружественных государств. При этом гуманитарное направление интеграции, игнорировавшееся изначально, не получило существенного развития.

Период с 2020 по 2025 годы характеризуется как время стратегического перехода от многолетних

дискуссий о «скоростях интеграции» и будущем наднациональных органов к реализации конкретных, детализированных планов действий – «дорожных карт», а также системной адаптации всего комплекса двусторонних отношений к новым вызовам и реалиям.

На процесс глубоко повлияли два ключевых фактора, имеющих судьбоносный характер: острейший политический кризис в Белоруссии с кульминацией в августе 2020 года и последующая тотальная консолидации власти А.Г. Лукашенко в условиях беспрецедентного давления националистической оппозиции и поддерживавшей ее Запада, а также начало Специальной военной операции (СВО) России на Украине в феврале 2022 года и последовавшее за этим резкое ужесточение санкционного режима коллективного Запада против обоих союзников.

Эти события создали общее поле экзистенциальных угроз, сделав углубление интеграции в формате Союзного государства вопросом не просто экономической выгоды, но и национальной безопасности, выживания политических систем и сохранения государственного суверенитета в его особой, союзной форме.

Политические и военные аспекты интеграции

Массовые протесты в Белоруссии после выборов 2020 года и жесткое их подавление вызвали беспрецедентное давление Запада:

результаты выборов не были признаны, введены многоуровневые санкции, и страна оказалась в международной изоляции под угрозой

дестабилизации. Россия стала фактически единственным союзником Минска, оказав немедленную всестороннюю поддержку, включая кредит в 1,5 млрд долл. [2]. Москва также гарантировала Белоруссии военную защиту: Кремль подтвердил союзные обязательства, а в 2024 году В. Путин открыто заявил о готовности применить ядерное оружие для защиты Белоруссии¹. После этого ядерная доктрина России была скорректирована и готовность защитить союзника всеми средствами неоднократно подтверждалась².

Политический кризис 2020 года кардинально изменил баланс белорусско-российской интеграции. Минск, ранее затягивавший объединение из опасений потерять суверенитет и требовавший экономических льгот (доступ к дешевым энергоресурсам, сырью, кредитам и рынкам сбыта) без существенных политических уступок, вынужден был пойти на ускоренное, предметное сближение в обмен на гарантии безопасности и сохранение правящей элиты. Внешняя угроза устранила прежние противоречия и придала интеграции новый импульс, превратив ее из «проекта удобного» в «проект необходимый» [3].

Интеграционный рынок получил официальное оформление: после

серии встреч на высшем уровне осенью 2021 года были подписаны фундаментальные соглашения – «Основные направления реализации положений Договора о Союзном государстве на 2021–2023 годы» и пакет из 28-ми «дорожных карт»³. Их подготовке предшествовали длительные споры. Минск категорически отверг планы создания наднациональных органов и единой валюты (31-я «дорожная карта»). В итоге принятый пакет представлял собой детализированный и синхронизированный план преимущественно экономической интеграции, пришедший на смену двадцатилетним теоретическим спорам, «торговым» и информационным войнам, сфокусированный на унификации правил единого рынка вместо создания новых политических институтов.

Военная сфера интеграции продемонстрировала наиболее впечатляющие результаты, став главным драйвером процесса. Совместное противодействие западному давлению и восприятие НАТО как прямой военной угрозы сделали безопасность абсолютным приоритетом для обоих государств. В этих условиях Минск полностью поддержал внешнеполитическую линию Москвы по украинскому вопросу и усилил сотрудничество спецслужб в борьбе

¹ Заседание Постоянного совещания Совбеза по ядерному сдерживанию // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75182> (дата обращения: 11.10.2025).

² Путин рассказал о роли Белоруссии в обновленной ядерной доктрине России // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6763f0419a7947e9c0e373fd> (дата обращения: 10.10.2025).

³ Было 33 карты – стало 28 программ. Как развивались переговоры по белорусско-российской интеграции // <https://news.zerkalo.io/economics/2769.html> (дата обращения: 11.10.2025).

с «цветными революциями» и другими гибридными угрозами.

В ответ на рост военной активности НАТО у западных границ Союзного государства была развернута Региональная группировка войск России и Белоруссии. Регулярные учения («Запад-2021», «Щит Союзного государства-2023», «Союзная решимость-2024», «Запад-2025»)⁴ проводятся на плановой основе. С 2016 года также функционирует единая система ПВО⁵, интегрирующая средства обеих армий. Поставка Белоруссии комплексов С-400 «Триумф» и ЗРК «Панцирь-С1» заметно усилила общий противовоздушный щит, а совместное боевое дежурство ведется постоянно.

В 2023 году было объявлено о размещении российских тактических ядерных вооружений на белорусской территории – беспрецедентном шаге в ответ на появление американского ядерного оружия в Европе. К середине 2024 года эти боезаряды были развернуты и белорусские расчеты обучены, что стерло последнюю символическую грань между двумя странами в сфере ядерного сдерживания. Белоруссия, отказавшаяся от собственного ядерного арсенала в 1990-е, обрела к нему доступ через Россию, хотя контроль и решение о его примене-

нии остаются за Москвой в рамках ДНЯО.

Белорусские предприятия оборонно-промышленного комплекса были интегрированы в кооперационные цепочки для нужд СВО. Они осуществляют ремонт, модернизацию и обслуживание российской бронетехники (танков Т-72, Т-80, Т-90, бронетранспортеров), авиатехники, производство оптико-электронных систем, элементов боеприпасов, средств связи, радиоэлектронной разведки и компонентов беспилотников. Объемы заказов Минобороны России для белорусского ВПК в 2022–2024 гг. резко выросли, став существенным драйвером для промышленности Белоруссии и обеспечив загрузку предприятий на годы вперед⁶.

Таким образом, к 2025 году Белоруссия превратилась в важнейший военно-стратегический плацдарм России и часть системы обороны и сдерживания, достигнув беспрецедентного со времен СССР уровня оперативной и технической совместимости вооруженных сил. Оборонный периметр двух стран теперь рассматривается как единый. Военный союз стал реальностью, а не декларацией.

⁴ Учения «Запад-2025» в Беларуси: возможные сценарии и угрозы для Украины и Европы // <https://www.bbc.com/russian/articles/cwy3pnz9jvjo> (дата обращения: 12.10.2025).

⁵ Зверев Ю. Зачем Беларуси и России единая система ПВО // <https://eurasia.expert/zachem-belarusi-i-rossii-edinaya-sistema-pvo/> (дата обращения: 11.10.2025).

⁶ Пресс-релиз по результатам коллегии Госкомвоенпрома «Об итогах деятельности Госкомвоенпрома и организаций, входящих в его систему, в 2024 году и задачах на 2025 год» // https://vpk.gov.by/news/press_releases/press-reliz-po-rezultatam-kollegii-goskomvoenproma-ob-itogakh-deyatelnosti-goskomvoenproma-i-organiz.html (дата обращения: 11.10.2025).

Углубление экономической интеграции

Экономический блок белорусско-российской интеграции в 2020–2025 гг., несмотря на сохраняющиеся сложности и необходимость дальнейшей гармонизации, продемонстрировал значительный прогресс. Во многом этот прогресс носил вынужденный характер под давлением западных санкций, которые заставили союзников искать внутренние резервы и альтернативные цепочки создания стоимости. Санкции сыграли роль «шоковой терапии», принудительно переориентировав товарные и финансовые потоки Союзного государства. Замещение импорта на союзном рынке во многом финансировалось Россией⁷. В частности, в 2022 году Москва предоставила правительству Белоруссии государственный кредит на 105 млрд российских рублей для поддержки белорусской экономики [4].

Одним из ключевых направлений интеграции стало выравнивание налогово-таможенных условий. Реализованы положения союзных «дорожных карт» по созданию равных условий конкуренции: принят и введен единый Налоговый кодекс Союзного государства по прямым налогам (налог на прибыль, НДС, акцизы), что устранило двойное налогообложение и унифицировало

более 85% налоговых норм. Также согласованы единые подходы к взиманию НДС и акцизов во взаимной торговле, что сняло множество административных барьеров на границе и ускорило товарооборот. Продолжается работа по формированию общих рынков газа и электроэнергии. Цены на энергоносители для Белоруссии остаются льготными, чрезвычайно низкими по сравнению с мировыми: например, в 2023 году газ поставлялся по цене около 128 долл. за тыс. куб. м (в разы дешевле европейских цен), что фактически представляет скрытую субсидию белорусской экономике в размере 3–4 млрд долларов ежегодно [4].

Западные санкции кардинально изменили структуру внешней торговли союзников. Выросли транспортно-логистические издержки при импорте и экспорте, но Россия стала для Белоруссии практически единственным направлением беспрепятственного экспорта, поглощая ключевые белорусские товары (нефтепродукты, калийные удобрения, древесину и др.). Более половины белорусского экспорта теперь приходится на российский рынок; при этом Белоруссия вышла на 4-е место среди торговых партнеров России⁸. С 2020 года белорусский

⁷ Минпром Белорусии и России утвердили 25 паспортов перспективных инвестиционных импортозамещающих проектов // <https://minprom.gov.by/minpromy-belarusi-i-rossii-utverdili-25-pasportov-perspektivnyh-investicionnyh-importozameshchajushhih-proektov/> (дата обращения: 11.10.2025).

⁸ Торгово-экономическое сотрудничество // <https://belarus.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/> (дата обращения: 29.09.2025).

экспорт товаров стабильно уступает импорту⁹, и отрицательное сальдо компенсируется лишь профицитом в торговле услугами. Поддержка со стороны России (дешевое сырье, комплектующие и гарантированный сбыт продукции) позволяет Белоруссии сдерживать негативные тенденции во внешней торговле.

При этом взаимная торговля неуклонно росла. По данным Евразийской экономической комиссии, товарооборот между Россией и Белоруссией с 2020 года ежегодно прирастал почти на четверть¹⁰. В 2023 году двусторонний товарооборот составил 53 млрд долл.¹¹, а в 2024-м достиг рекордных около 57,6 млрд долл.¹² (примерно на 7% больше, чем годом ранее). Позитивная динамика сохранялась и в начале 2025 года¹³. Тем не менее, Белоруссия по-прежнему фиксирует

отрицательное сальдо внешней торговли (в первом полугодии 2025 г. экспорт составил примерно 19,0 млн долл. против импорта около 22,2 млрд долл.¹⁴). Нацбанк Белоруссии констатировал по итогам I полугодия 2025 года отрицательное сальдо внешней торговли товарами и услугами в размере 928,2 млн долл.¹⁵. Очевидно, заявленная до 2020 года Минском ставка на диверсификацию внешней торговли с увеличением стран «дальней дуги» за счет доли России, себя не оправдала.

В промышленно-технологической сфере интеграция направлена на достижение технологического суверенитета и импортозамещения. 29 января 2024 года Высший Государственный Совет Союзного государства утвердил Стратегию научно-технологического развития Союзного государства до 2035

⁹ Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период // <https://www.mfa.gov.by/trade> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁰ Статистика внешней и взаимной торговли // https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 10.10.2025).

¹¹ Товарооборот между Белоруссией и Россией в 2023 достиг \$53 млрд // <https://tass.ru/ekonomika/19947005> (дата обращения: 11.10.2025).

¹² Аlesia Абраменко: торгово-экономическое сотрудничество Беларуси и России продолжает укрепляться // <https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/alesja-abramenko-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-belarusi-i-rossii-prodolzhaet-ukrepljatsja-50105-2025/> (дата обращения: 12.10.2025).

¹³ В I первом квартале 2025 г. товарооборот РФ и Белоруссии продолжил рост после рекордных показателей прошлого года // https://economy.gov.ru/material/news/v_i_pervom_kvartale_2025_g_tovarooborot_rf_i_belorussii_prodolzhil_rost_posle_rekordnyh_pokazateley_proshlogo_goda.html (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁴ Об итогах внешней торговли товарами в январе – июне 2025 г. // https://www.belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatiya/novosti/ob_itogakh_vneshney_torgovli_tovarami_v_yanvare_iyun_2025_g/ (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁵ Информация о внешней торговле товарами и услугами Республики Беларусь за январь-июнь 2025 года // <https://www.nbrb.by/statistics/ForeignTrade/Current/> (дата обращения: 11.10.2025).

года¹⁶, определив цели и задачи углубления кооперации в высокотехнологичных отраслях. Определены приоритетные направления, включая ядерные, медицинские и цифровые технологии (включая искусственный интеллект и большие данные), а также гуманитарную сферу и безопасность. Реализуются совместные проекты в космосе и авиации. В частности, запланирована разработка 19-местного пассажирского самолета типа «Освей» с распределением производства между двумя странами. Предполагается выпустить 178 самолетов, из которых 89 планируется собрать в Белоруссии. Помимо этого, в 2023–2024 гг. подписаны соглашения о сотрудничестве в станкоинструментальной отрасли и «дорожная карта» по развитию станкостроения¹⁷ – эти шаги призваны снизить зависимость от западного оборудования.

Санкционное давление стало мощным стимулом для углубления промышленной кооперации России и Белоруссии. Белорусские предприятия активно замещали ушедшие с российского рынка западные

фирмы, предлагая отечественные аналоги продукции и компонентов. В 2025 году союзники сделали упор на реализацию конкретных проектов в реальном секторе: развернуто 27 совместных импортозамещающих инвестиционных проектов на общую сумму свыше 167 млрд руб., направленных на развитие микроэлектроники, гидравлики, трансмиссий и узлов для сельскохозяйственной, лесной и дорожно-строительной техники¹⁸.

В машиностроении возникают новые альянсы и сборочные производства. В октябре 2023 года в Уфе начал работу завод белорусского холдинга «АМКОДОР» – он выпускает зерносушильные комплексы для аграрного сектора, причем комплектующие производятся как в Белоруссии, так и в России. Крупнейшим проектом «АМКОДОР» заявлен перезапуск Липецкого тракторного завода на основе совместного предприятия «Амкодор-ЛТЗ»¹⁹. В Нижегородской области налажено совместное производство общественного транспорта: работают белорусско-российские электробусы «МиНиН», с 2022 года выпуска-

¹⁶ Постановление от 14 сентября 2022 г. № 19 «О внесении изменений в Порядок разработки и реализации программ Союзного государства» // <https://postkomsg.rf/programs/> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁷ Ядерные разработки и космические программы. Как достигается технологический суверенитет Союзного государства // <https://rg.ru/2024/11/18/rossiya-i-belarus-obediniaut-svoip-nauchnye-i-tehnologicheskie-potencialy.html> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁸ Белоруссия реализует с РФ 27 импортозамещающих проектов на 167 млрд руб минпром / Парламентское Собрание Союза Беларуси и России // <https://belrus.ru/info/belorusiya-realizuet-s-rf-27-importozameshayushhix-proektov-na-167-mlrd-rub-minprom/> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁹ Какие совместные проекты реализуются сейчас в Союзном государстве // <https://belrus.ru/info/kakie-sovmestnye-proekty-realizuyutsya-sejchas-v-soyuznom-gosudarstve/> (дата обращения: 12.10.2025).

ются совместные трамваи. Открыты новые сборочные производства (например, комбайнов в Краснодарском крае) и торговые площадки (в Москве создан «Торговый дом Интеграл»). Рассматриваются возможности дальнейшей локализации белорусской техники в ряде регионов России. Всего действует порядка 25 кооперационных соглашений в сфере машиностроения, и новые проекты находятся в стадии проработки.

Однако не все интеграционные инициативы в промышленности увенчались успехом. Планировавшееся с 2010-х годов объединение белорусского МАЗа и российского КамАЗа в холдинг «Росбелавто» так и не состоялось из-за разногласий по структуре собственности и управлению. Вместо этого стороны ограничились производственной кооперацией по отдельным направлениям²⁰. Другой неудачей стала попытка российской госкорпорации «Ростех» приобрести контроль над Минским заводом колесных тягачей (МЗКТ) – президент А. Лукашенко в 2015 году лично наложил вето на эту сделку, заявив, что Беларусь не отдаст стратегическое предприятие, даже если России удастся разработать аналогичные технологии²¹. Этот эпизод подтвердил наличие «красных линий» у Минска в вопросах экономического суверенитета.

Интеграция продвинулась и в других отраслях. Белорусские предприятия микроэлектроники («Интеграл», «КБТЭМ-ОМО», «Планар») стали ключевыми поставщиками для российских производителей электроники – по данным Белстата, их отгрузки в Россию за 2022–2023 гг. выросли более чем в 2,5 раза.

В аграрном секторе Беларусь существенно нарастила экспорт продовольствия на российский рынок, став главным поставщиком ряда категорий: например, на ее долю в 2024 году пришлось около 79% импортируемого Россией сливочного масла.

В фармацевтике белорусские компании расширили присутствие в России на 25–30%, участвуя в программах импортозамещения лекарств; создаются совместные предприятия – например, совместное предприятие «Ферейн» в Минске (с участием российского капитала) выпускает лекарственные препараты и биодобавки.

Развивается совместная транспортно-логистическая инфраструктура. После закрытия традиционных маршрутов через Украину и Прибалтику Белоруссия превратилась в критически важный транзитный хаб для сообщения России с Калининградской областью и странами Азии. Грузопотоки через белорусско-польскую границу выросли многократно. За 2020–2025 гг. объем транзитных

²⁰ Кооперационные проекты МАЗа и КАМАЗа // <https://maz.by/media/news/2024/05/22/kooperatsionnyye-proyekty-maza-i-kamaz> (дата обращения: 11.10.2025).

²¹ Лукашенко: «У России нет ни денег, ни мозгов» // <https://regnum.ru/news/1952292> (дата обращения: 11.10.2025).

перевозок через Беларусь резко увеличился; параллельно продвигается развитие нового транспортного коридора «Север–Юг», в котором Беларусь также участвует.

Финансовые системы двух стран фактически интегрировались. Белорусский банковский сектор полностью переориентирован на работу с российской финансовой инфраструктурой: большинство банков РБ подключены к российской системе System for Transfer of Financial Messages (СПФС, аналог SWIFT). Доля расчетов в национальных валютах во взаимной торговле превысила 80% (в 2020 году – около 55%). Интенсивно интегрируются платежные системы «Мир» и «Белкарт», формируя единое пла-

тежное пространство; миллионы карт «Мир» выпущены и обращаются на территории обеих стран.

Таким образом, к 2025 году углубление экономической интеграции России и Белоруссии принесло в целом положительные результаты. Обе экономики демонстрируют высокую устойчивость, рост и способность адаптироваться к санкционному давлению. Взаимная торговля достигает рекордных объемов, создана основа единого экономического пространства (хотя полная унификация рынков и устранение всех барьеров еще не завершены). Экономическое сотрудничество стало более глубоким, диверсифицированным и взаимовыгодным, чем когда-либо прежде.

Гуманитарное и социальное измерение

Гуманитарное и социальное измерение белорусско-российской интеграции формирует фундамент долгосрочного союза. Его результаты менее заметны и проявляются не сразу, прогресс неравномерен и труднее измерим.

В сфере образования Россия резко увеличила квоты для белорусских студентов (в российских вузах сейчас обучаются около 15 тыс. граждан Белоруссии²²) и развивает совместные учебные и научные программы. Однако отсутствует взаимное признание дипломов, что серьезно ограничивает академическую мобильность.

Информационное пространство двух стран постепенно объединяется: российские СМИ расширяют присутствие в Белоруссии (обратный процесс слабее), запускаются совместные медиапроекты для формирования общей повестки и противодействия западной дезинформации. Вместе с тем, проблемой остается критика и даже факты наказания сторонников союзного строительства со стороны официального Минска и белорусских государственных СМИ. Примерами являются регулярные оскорбления «пророссий-

²² Дмитрий Чернышенко посетил с рабочим визитом Республику Беларусь // https://t.me/government_rus/23385 (дата обращения: 29.09.2025).

ских активистов» на протяжении многих лет, периодически сопровождаемые лишением их свободы по уголовным и административным статьям, увольнениями и штрафами («дело регнумовцев», «дело Денисенко», «кейс Мирсалимовой» и др.)²³.

Нередко подавляют пророссийские инициативы. Движение «Бессмертный полк» в Белоруссии около 10 раз пытался получить статус общественной организации, учитывая, что деятельность без госрегистрации после 2020 года снова уголовно наказуема. Государственные СМИ Белоруссии табуируют любые упоминания о деятельности белорусского актива этого международного движения.

Социально-трудовое сотрудничество также углубляется. Россия остается главным направлением трудовой миграции, действует упрощенный порядок трудоустройства, ежегодные переводы из России в Белоруссию превышают 1 млрд долл. Ведется работа по унификации социальных гарантий (пенсий, медицинского страхова-

ния), однако бюрократические барьеры и различия в законодательстве пока сохраняются. Также совместные проекты приносят ощутимые социальные плоды. Например, строительство Белорусской АЭС при поддержке России обеспечило стране энергобезопасность и тысячи рабочих мест.

Тем не менее остаются серьезные проблемы. Экономика Белоруссии значительно уступает российской, что ведет к неравенству и зависимости Минска от поддержки Москвы; сохраняется отраслевая конкуренция, вызывающая трения; полноценные наднациональные органы Союзного государства (парламент, правительство) не созданы²⁴, поскольку Минск избегает передачи полномочий, и интеграция остается межправительственной. Кроме того, интеграция носит преимущественно элитный характер: ее движут интересы властей, тогда как широкая поддержка населения ограничена. Наконец, санкции Запада вынуждают расходовать ресурсы на постоянную адаптацию, тормозя развитие.

Выводы

Анализ ключевых аспектов российско-белорусского сотрудничества за последние пять лет позволяет сказать, что период

2020–2025 годов стал переломным, эпохальным для Союзного государства России и Белоруссии. Под влиянием острой геополити-

²³ Тараторин Д. В Белоруссии разоблачают внутренних врагов // https://www.ng.ru/cis/2025-08-19/5_9319_belorussia.html (дата обращения: 29.09.2025).

²⁴ Доровор о создании Союзного государства // <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 29.09.2025).

ческой необходимости, вызванной внутренним политическим кризисом в Белоруссии и внешним санкционным давлением Запада, интеграция перешла из стадии риторики и теоретических моделей в стадию практической, предметной и форсированной реализации по широкому спектру направлений.

Наибольшие успехи достигнуты в военно-стратегической сфере. В ней произошло формирование полноценного и эффективного оборонного союза, включающего элементы совместного планирования, единой ПВО–ПРО и ядерного сдерживания.

В экономической сфере, несмотря на сохраняющиеся проблемы и дисбалансы, создана реальная основа для единого рынка. Санкционная конфронтация выступила мощным драйвером глубокой кооперации, совместного импортозамещения и взаимного торгового роста, измеряющегося десятками миллиардов долларов.

Интеграционный процесс приобрел ярко выраженный асимметричный и вынужденно-прагматичный характер. Его главным инициатором, донором и движущей силой выступает Россия, а его глубина и скорость напрямую коррелируют с уровнем внешней угрозы для политической системы Белоруссии, ее правящей элиты.

На нынешнем этапе Союзное государство России и Белоруссии является в большей степени проектом геополитического выживания, безопасности и экономической адап-

тации в условиях конфронтации, нежели проектом добровольного политического объединения на основе общей ценностной и гражданской базы.

Прогноз на ближайшую перспективу (2025–2030 гг.) предполагает дальнейшее, возможно, более поступательное и менее «революционное» углубление интеграции, особенно в оборонной, технологической, логистической и энергетической сферах. Темп будет по-прежнему определяться внешнеполитической конъюнктурой и интенсивностью западного давления. Окончательное решение вопроса о политических наднациональных институтах маловероятно без кардинального изменения международной обстановки и обращения к интересам широких масс – подлинным и естественным выразителям национальных интересов.

Таким образом, сложившаяся модель углубленной экономической интеграции останется доминирующей в обозримом будущем. Она обеспечит Москве и Минску необходимый уровень военной безопасности и экономической устойчивости в условиях затяжной конфронтации с Западом.

Дальнейший прогресс будет критически зависеть от способности двух столиц превратить интеграцию «верхов» в проект «низов», основанный на общей историко-культурной идентичности, понятной взаимной выгоде и повышении качества жизни для граждан обеих стран. Объективные основания для этого есть.

Список литературы

1. Вагапов Д. Р. Интеграционная повестка в деятельности органов Союзного государства Беларуси и России. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 3. С. 317-325. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-317-325>
2. Кефели И. Ф., Когут В.Г., Нурьшев Г.Н. Перспективы укрепления геополитического контура Союзного государства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 1. С. 19-31. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-19-31>
3. Бахлов И.В., Бахлова О.В. Внешнеполитический аспект интеграционных патриотических мероприятий Союзного государства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 118-138. DOI: [10.28995/2073-6339-2025-3-118-138](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2025-3-118-138)
4. Сибирская А. В., Сулейков А. А. Влияние санкционного давления на экономики стран Союзного государства // Постсоветские исследования. 2023. № 6 (6). С. 695-703.
5. Сергеев Н.М., Волков Г.Ю. Союзное государство в современных геополитических реалиях // Постсоветский материк. 2023. № 1 (37). С. 24-44. DOI: [10.48137/23116412_2023_1_24](https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_24)

BARANCHIK Yuri V. – PhD, Senior Researcher at the Belarus Department of the Institute of CIS Countries, Moscow, Russia, email: ezdakov.1975@mail.ru.

Keywords: Union State, Russia, Belarus, integration, economic partnership, sanctions, strategic partnership

INTEGRATION OF RUSSIA AND BELARUS IN 2020-2025: ASSESSMENT OF POLITICAL, ECONOMIC AND HUMANITARIAN RESULTS

Abstract

The study analyzes the current state of Belarusian-Russian integration in 2020–2025. The author shows that under the influence of the political crisis in Belarus and Western sanctions pressure, Union building has moved from the phase of declarations to the stage of practical implementation. The greatest progress has been achieved in the military-strategic and economic spheres, where the basis of a single defense and market space has been created. Integration has acquired a forced pragmatic character and has become a tool for survival and security, rather than an ideological unification, which determines its further evolution.

References

1. Kefeli I. F., Kogut V.G., Nuryshv G.N. Prospects for strengthening the geopolitical contour of the Union State // Eurasian integration: economics, law, politics. 2025. Vol. 19. No. 1. pp. 19-31. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-19-31>
2. Sergeev N.M., Volkov G.Y. The Union State in modern geopolitical realities // The post-Soviet continent. 2023. No. 1 (37). pp. 24-44. DOI: [10.48137/23116412_2023_1_24](https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_24)
3. Bakhlov I.V., Bakhlova O.V. The foreign policy aspect of the integration patriotic measures of the Union State // Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Political Science.

History. International relations". 2025. No. 3. pp. 118-138. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-118-138

4. Sibirskaya A.V., Suleikov A. A. The impact of sanctions pressure on the economies of the Union State countries // Post-Soviet studies. 2023. No. 6 (6). pp. 695-703.

5. Vagapov D. R. The integration agenda in the activities of the bodies of the Union State of Belarus and Russia. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences. 2024. Vol. 9. No. 3. pp. 317-325. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-3-317-325>

Статья поступила в редакцию 6.10.2025.

Принята к публикации 17.10.2025.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Аннотация

В статье приведен комплексный анализ особенностей формирования внешнеполитической идентичности Приднестровской Молдавской Республики. На основе междисциплинарного подхода рассмотрены институциональные, правовые и символические измерения данного феномена, включая концепцию международной субъектности, договорную практику и культурно-исторические основания. Отмечаются уникальные характеристики и значимость символического ресурса идентичности, включающего образ договороспособного и ответственного партнера, приверженность мирному урегулированию и конструктивному диалогу. Сделан вывод о том, что внешнеполитическая идентичность Приднестровья выступает стратегическим ресурсом, позволяющим укреплять международное позиционирование республики в условиях неопределенного и трансформирующегося миропорядка.

Введение

Современный мир пребывает в условиях драматической трансформации системы международных отношений. Текущий этап характе-

ризуется усилением глобальной и региональной напряженности, повышением рисков эскалации и нарастанием общей неопределенности –

ИГНАТЬЕВ Виталий Викторович – министр иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики, и.о. заведующего кафедры политологии Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Приднестровская Молдавская Республика, Тирасполь, email: v.ignatev@mid.gospmr.org, SPIN-код: 3103-9671, ORCID: 0009-0004-3539-545X

Ключевые слова: Приднестровская Молдавская Республика, приднестровский народ, внешнеполитическая идентичность, международное право, формат «5+2»

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_43

все это происходит на фоне потери авторитета и влияния универсальных международных организаций. ООН, ОБСЕ, ВТО и другие структуры сталкиваются с утратой доверия, фрагментацией полномочий и неспособностью эффективно реагировать на актуальные разноуровневые вызовы. Вместо взаимоуважительного равноправного партнерства и стремления к поиску консенсуса на мировой арене преобладает блокирующая логика, где решения принимаются не на основе универсальных норм и гуманистических ценностей, а исходя из интересов отдельных го-

сударств и их сателлитов, стремящихся обеспечить себе гарантированную суперпозицию глобального доминирования.

В современных крайне сложных обстоятельствах особенно важно обладать четким политико-дипломатическим инструментарием, позволяющим надежно защищать приднестровский народ и его интересы во внешней среде. Ключевыми факторами здесь выступают международное позиционирование Приднестровья и формирование его внешнеполитической идентичности.

Основное содержание работы

Понятие внешнеполитическая идентичность государства представляет собой междисциплинарный концепт, находящийся на пересечении международных отношений, политологии, политической психологии, социологии и иных наук, в силу чего он обладает многоаспектными характеристиками и пребывает в стадии развития и научного осмысления. В последние годы проблематика внешнеполитической идентичности конкретных государств зачастую становится предметом научного анализа ряда российских и зарубежных исследователей.

Применительно к тематике нашей работы представляет интерес подход к понятию, обозначенный представителем научной школы идентитарных исследований ИМЭМО РАН профессором И.Л. Про-

хоренко, которая отмечает: «внешнеполитическая идентичность – это, во-первых, ключ к анализу, объяснению особенностей и осмыслению феноменов стратегической культуры, внешнеполитического сознания, внешнеполитической идеологии, практик стратегического планирования, а во-вторых, значимый маркер динамики этих явлений и практик. В самом общем виде внешнеполитическую идентичность национального государства формируют идеи и представления, порой мифологизированные, с использованием метафор и дихотомических понятий о сложившемся и/или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о вызовах, угрозах, опасностях и рисках внешней безопасности» [1].

Применительно к тематике нашего исследования под внешнеполитической идентичностью Приднестровской Молдавской Республики следует понимать не только набор дискурсивных представлений о республике, но и устойчивую систему символов, практик и стратегий, через которые осуществляется ее позиционирование на международной арене. Она включает в себя внутренние нарративы и формы коллективной памяти, транслируемые в политическом и академическом дискурсе, а также проекции вовне, формирующие восприятие Приднестровья как особенного актора мировой и региональной политики. В этом смысле идентичность выступает не статичной категорией, а динамическим процессом, отражающим адаптацию республики к вызовам международной среды.

Ключевым элементом данного процесса является международная субъектность Приднестровья, а именно: наличие способности самостоятельно определять свой политический статус и строить жизнь общества в соответствии с интересами и волей своего народа. В этом контексте Приднестровье позиционирует себя как новейшее демократическое государство, стремящееся к признанию независимости на основе права народа на самоопределение, гарантированного Уставом ООН и принципами международного права. Данный курс остается неизменным на протяжении десятилетий, демонстрируя стабильность и преемственность во внешней поли-

тике Приднестровья. Несмотря на ограниченность официального признания, субъектность проявляется в способности Приднестровской Молдавской Республики действовать в качестве самостоятельного носителя воли народа, выраженной через механизм всенародных референдумов, собственные институты власти и правовую систему. Приднестровье обладает всеми атрибутами государственности – территорией, населением, политической организацией, демократическим правовым порядком, собственными вооруженными силами и способностью к внешнеполитическим отношениям – что позволяет говорить о функциональной субъектности даже в условиях ограниченного международного признания.

Такое положение формирует двойственный характер внешнеполитической идентичности: с одной стороны, она опирается на универсальные принципы международного права, такие как право народов на самоопределение, верховенство права и договороспособность; с другой – вынуждена взаимодействовать с практиками избирательного признания, двойными стандартами в мировых отношениях и иными производными геополитической конъюнктуры, характерными для современного трансформирующегося миропорядка. В этом контексте внешнеполитическая идентичность Приднестровья становится пространством борьбы за легитимность, где важны не только политико-правовые аргументы, но и символические ресурсы – имидж до-

говороспособного и ответственного партнера, приверженность мирному урегулированию, соблюдение универсальных правовых норм и др. В сочетании данных параметров – нормативного, институционального и символического – можно проследить специфику внешнеполитической идентичности Приднестровья, которая одновременно утверждает свое право на международное признание и конструирует устойчивые практики взаимодействия в системе региональных и глобальных отношений.

Не все государства обладают субъектностью в международных отношениях и формируют свои подходы на основе интересов народа. Существует множество примеров, когда политическое руководство конкретных стран не просто игнорирует здравый смысл и волю своего населения, а осознанно подвергает государство угрозам и рискам в угоду внешнему идеологическому влиянию.

Приднестровская Молдавская Республика обладает уникальным статусом в международной дипломатии, являясь международно признанным участником переговорного формата «5+2»¹ и выступая в качестве субъектной стороны переговорного процесса. Важнейшие принципы, включая положение

Приднестровья как равноправной стороны международного политического диалога наряду с Республикой Молдова, закреплены соответствующими договорно-правовыми основаниями². Таким образом, Приднестровье как участник международного переговорного процесса обладает функциональной легитимностью – важным элементом внешнеполитической идентичности республики, демонстрирующий способность к дипломатии, диалогу и защите собственных интересов на международной арене.

Внешнеполитическую идентичность республики ярко характеризует круг ее зарубежных друзей. Стратегическим союзником и партнером Приднестровской Молдавской Республики выступает Российская Федерация. Успешный опыт двухвекового проживания в составе большой России, ее огромный вклад во всестороннее развитие приднестровского края, благодарность за усилия по прекращению вооруженной агрессии Республики Молдова и обеспечению прочного мира предопределяют стремление приднестровцев к укреплению двусторонних связей. Поддержку этого стратегического курса республики подтвердили результаты референдума 17 сентября 2006 г.

¹ Официальное наименование международного формата «Постоянное совещание по политическим вопросам в рамках процесса по приднестровскому урегулированию», однако в практике укоренилось сокращенное наименование: формат «5+2». См. Протокол встречи посредников в Приднестровском урегулировании от Российской Федерации, Украины и ОБСЕ, г. Братислава, 19-20 февраля 2002 г. // <https://mid.gospmr.org/ru/NnF> (дата обращения 15.09.2025).

² См. Принципы и процедуры ведения переговоров в рамках «Постоянного совещания...», 13.07.2012 г. // <https://mid.gospmr.org/ru/KLG> (дата обращения 15.09.2025).

Сегодня Россия оказывает поддержку в преодолении энергокризиса, реализует социальные и гуманитарные проекты в сфере образования, здравоохранения и культуры. Следуя воле народа, руководство Приднестровья ведет работу по гармонизации нормативной базы республики с российской, стремится к расширению контактов во всех сферах, способствует развитию публичной дипломатии. Большое значение для Приднестровья имеют связи с братскими республиками Кавказа – Абхазией и Южной Осетией, объединенными общей идеей борьбы за собственную идентичность и право независимо жить на родной земле. Последовательно развиваясь на протяжении десятилетий, отношения с дружественными государствами стали примером конструктивного взаимодействия: осуществляются регулярные визиты и дипломатические контакты, претворяются в жизнь проектные инициативы, крепнут межчеловеческие отношения.

Круг общения приднестровской дипломатии не ограничивается международными участниками «Постоянного совещания...» в формате «5+2». За период своего независимого развития Приднестровье посещали руководители, министры, послы и должностные лица свыше шестидесяти государств, включая представителей абсолютного большинства стран Европы, Средней Азии, Ближнего Востока, Северной Америки. Приднестровье поддерживает активное сотрудничество с международными организациями. Среди них – большинство органи-

заций из семьи ООН, СНГ и его структуры, ОБСЕ, Международный Комитет Красного Креста и другие. Такое взаимодействие позволяет реализовывать гуманитарные проекты, а также содействовать инициативам наших граждан.

Приднестровская Молдавская Республика формирует свою внешнеполитическую идентичность через ценностные установки, среди которых особое место занимает реалистичный подход к международным отношениям и приверженность принципам исторической справедливости. Приднестровье учитывает сложную международную и региональную специфику и выстраивает свою внешнюю политику на основе прагматизма, паритетного диалога и последовательности, избегая необдуманных шагов. В международных переговорах республика демонстрирует готовность к рациональным компромиссам, при этом отстаивая базовые интересы приднестровского народа, формирующие его идентичность. Реалистичность проявляется в стремлении к расширению международных контактов, включая гуманитарное сотрудничество и разноплановые экспертные контакты.

Приднестровье апеллирует к историческим основаниям своей государственности, включая международно-правовое правопреемство Молдавской АССР и МССР, демократическое волеизъявление населения в ходе референдумов, противодействие националистическим тенденциям в соседней Молдове, соответствие всем демократиче-

ским нормам международного права. Принцип исторической справедливости используется как нравственно-политический аргумент в пользу признания права приднестровского народа на самоопределение и защиты культурной уникальности республики. Этот компонент позволяет Приднестровью позиционировать себя как зрелого и ответственного участника международного взаимодействия, который не требует исключительности, но настаивает на уважении к своей истории и праву на развитие.

Весьма важен нормативно-правовой компонент внешнеполитической идентичности Приднестровья. Республика применяет уникальный механизм практической имплементации в свою правовую систему международных правовых норм, отраженных в том числе в таких универсальных документах, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Венские конвенции о дипломатических и консульских сношениях, Венская конвенция о праве международных договоров и др.

Таким образом, Приднестровье десятилетиями применяет механизм прямой рецепции международных норм в национальную систему, что позволяет демонстрировать приверженность общечеловеческим ценностям и нормам права, несмотря на отсутствие полноценного участия в

международных договорах и организациях. Такой дееспособный инструмент придает дополнительную аргументацию внешнеполитической линии республики, выстраивая ее идентичность на основе универсальных правовых стандартов, а не только политической конъюнктуры.

Одним из ключевых элементов внешнеполитической идентичности Приднестровской Молдавской Республики является ее последовательная демонстрация ответственности и договороспособности в рамках межгосударственного взаимодействия. Приднестровье выступает как конструктивный участник переговорных процессов, соблюдающий достигнутые договоренности и стремящийся к мирному урегулированию конфликта с соседней Республикой Молдова.

Важно отметить, что за долгую более чем тридцатилетнюю историю переговорного процесса с Молдовой было подписано порядка 180 соглашений, подавляющее большинство из которых сегодня не исполняются соседней Молдовой. Актуальный пример – соглашения из пакета «Берлин плюс», подписанного в 2016–2018 годах, часть из которых сохраняет свою функциональность исключительно благодаря ответственному подходу Приднестровья. Несмотря на идеологизацию и поляризацию международных отношений внешние участники осознают, что основным препятствием для диалога является отсутствие политической воли Кишинёва.

Сейчас ситуация в диалоге двух государств стагнирует: Кишинёв

на протяжении последних пяти лет избегает контактов на высшем уровне, по вине Молдовы заблокирован международный формат «5+2», практически отсутствуют динамика и результативность во встречах политических представителей и экспертов сторон. Кишинёв снова развязал агрессию против ПМР, на этот раз – в гибридной форме и под прикрытием процесса евроинтеграции, наращивая экономическое давление в беспрецедентных масштабах и расширяя инструментарий для преследования приднестровских граждан.

Важнейшим профилем внешнеполитической активности Приднестровья является комплексная политико-дипломатическая, информационная и нормативная поддержка миротворческой операции

на Днестре. Приднестровье всегда выступало за реальный прочный мир, основанный на соблюдении прав, свобод и интересов людей. Примером разницы в подходах Молдовы и Приднестровья к делу мира служит прецедент, связанный с инициативой политического представителя Приднестровья от 17 мая 2024 г. о совместном подписании со своим молдавским визави Декларации о мирных подходах к урегулированию³. Данный дипломатический акт мог бы стать важным фактором снижения напряженности и общей стабилизации ситуации, отвечая ожиданиям подавляющего большинства населения двух республик. Однако за полтора года молдавская сторона не нашла мужества и ответственности подписать данное соглашение.

Заключение

Таким образом, совокупность политико-дипломатических характеристик Приднестровья, включая приверженность универсальным международным стандартам, высокую договорную дисциплину и последовательную ориентацию на мирное урегулирование, формирует устойчивую внешнеполитическую идентичность республики. Ее характер способствует укреплению аргументации в пользу признания Приднестровья как ответственного субъекта международных отноше-

ний, ориентированного на конструктивный диалог и региональную стабильность, стремящегося к использованию исключительно мирных цивилизованных методов урегулирования конфликта с Молдовой.

Международное положение Приднестровья предъявляет особые требования к государственному строительству и внешней политике, включая необходимость обеспечения правовых гарантий, сохранения культурной идентичности и предотвращения повторе-

³ См. Комментарий МИД ПМР в отношении Декларации о мирных подходах к урегулированию, 3.07.2024 // <https://mid.gospmr.org/ru/node/9677> (дата обращения 15.09.2025).

ния вооруженного конфликта. В этом контексте внешнеполитическая идентичность республики формируется на основе интересов приднестровского народа, который выступает носителем политического самосознания, гарантом государственности и активным участником формирования международного имиджа Приднестровья.

За три с половиной десятилетия своего существования Приднестровская Молдавская Республика продемонстрировала институциональную устойчивость, способность к адаптации в условиях непрекращающегося внешнего давления и стремление к поступательному развитию. Между тем Приднестровье стремится к интеграции в международное сообщество не через конфронтацию, а через поступательное признание своей роли и вклада в региональную стабильность.

Внешнеполитическая идентичность Приднестровской Молдавской Республики формируется на основе принципов справедливости, уважения к правам народов, их свободному волеизъявлению и сохранению культурной самобытности. Эти ориентиры соответствуют положениям ключевых международных документов, включая Заключительный акт СБСЕ (1975), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и Декларацию ООН о принципах международного права (1970), что позволяет рассматривать внешнеполитическую практику республики как стремление к соблюдению универсальных норм и конструк-

тивному участию в региональных процессах.

Историко-геополитический контекст, сложившийся после распада СССР, породил ряд структурных противоречий в международно-правовой системе, включая избирательное применение принципа территориальной целостности и права народов на самоопределение. В этом контексте Приднестровье оказывается в положении субъекта, чьи правовые аргументы и политическая практика требуют от мировых акторов серьезного переосмысления в рамках более сбалансированной и многополярной модели международных отношений. Современные глобальные тенденции, включая кризис монополярной парадигмы и рост интереса к региональной стабильности, открывают возможности для более справедливого подхода к урегулированию молдо-приднестровских отношений. Международное признание де-факто сложившейся государственности Приднестровья может стать важным шагом на пути к устойчивому миру, основанному на принципах международного права, инклюзивности и уважения к воле населения.

Таким образом, внешнеполитическая идентичность Приднестровья представляет собой не только отражение внутренней консолидации, но и стратегический ресурс в формировании конструктивного международного диалога. Ее развитие требует дальнейшего научного осмысления в контексте трансформации международной системы и поиска новых моделей признания и взаимодействия.

Список литературы

1. Прохоренко И.Л. Идентичность как ключ к пониманию мировой политики // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 11–19.
2. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017.
3. Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики / Под общ. ред. В.В. Игнатьева (на рус. яз.). Тирасполь. 2018.

IGNATIEV Vitaly V. – Minister of Foreign Affairs of the Pridnestrovian Moldavian Republic, Acting Head of Chair of Political Science at Shevchenko Pridnestrovian State University. Pridnestrovian Moldavian Republic, Tiraspol. email: v.ignatiev@mid.gospmr.org

Keywords: Pridnestrovian Moldavian Republic, Pridnestrovian people, identity and foreign policy, international law, 5+2 format

FEATURES OF PRIDNESTROVIAN FOREIGN POLICY IDENTITY

Abstract

The article comprehensively analyses the features of emerging foreign political identity of the Pridnestrovian Moldavian Republic. Based on a cross-subject approach, it reviews the institutional, legal and symbolic dimensions of this phenomenon, including the concept of international personality, treaty practice, as well as cultural and historical grounds. The author outlines distinctive aspects and significance of the symbolic identity resource, including the image of a negotiation-friendly and responsible partner, commitment to a peaceful settlement and constructive dialogue. Summing up, the foreign political identity of Pridnestrovia is a strategic resource that allows strengthening the international presentation of the republic in the context of an uncertain and transforming world order.

References

1. Prokhorenko I.L. Identity as a Key to Understanding World Politics // International Analytics. 2024. Vol. 15 (1). p. 11-19.
2. Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopaedic Edition / Editor in Chief I. Semenenko / Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations at the Russian Academy of Sciences. Moscow: Ves Mir Publishing House. 2017.
3. Political and Legal Grounds for International Recognition of Independence of the Pridnestrovian Moldavian Republic / Editor in Chief V. Ignatiev (Russian version). Tiraspol. 2018.

Статья поступила в редакцию 7.10.2025.

Принята к публикации 20.10.2025.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация

В статье рассматриваются институциональные модели политической социализации молодежи в современной России. Автор проводит комплексный анализ эффективности различных агентов социализации – государственных структур, молодежных парламентов, партийных организаций, образовательных инициатив, общественных объединений и цифровой среды. На основе структурно-функционального, институционального и сравнительного подходов исследуется степень вовлеченности молодежи в политические процессы, устойчивость политических установок и мотивация к участию в общественной жизни. Особое внимание уделяется взаимодействию формальных и неформальных каналов социализации, а также трансформации молодежной политической идентичности в условиях цифровизации. В результате исследования формулируются практические рекомендации по совершенствованию действующих механизмов социализации с акцентом на субъектно-ориентированные, диалогические и интерактивные практики.

СЕРЕБРЯКОВ Александр Игоревич – аспирант кафедры политологии и политического анализа Российского государственного социального университета, Россия, Москва, e-mail: aiserebryakov@yandex.ru

Ключевые слова: политическая социализация молодежи, государственная политика, политическое сознание, политическое поведение, политическая культура, цифровая среда, общественные организации

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_53

Введение

Политическая социализация молодежи представляет собой ключевой процесс формирования устойчивых политических взглядов, идентичности и гражданской активности, что имеет решающее значение для стабильности и развития политической системы. В условиях современного российского общества, находящегося под воздействием внутренних трансформаций и внешних информационно-идеологических вызовов, особую актуальность приобретает вопрос формирования эффективных моделей политической социализации молодого поколения.

Государственная политика в этой сфере направлена на укрепление традиционных ценностей, формирование патриотизма, повышение правовой и политической грамотности. Однако на практике эффективность различных институтов и программ, участвующих в процессе политической социализации, существенно

различается, что требует научного анализа.

Цель статьи – проанализировать существующие модели политической социализации молодежи в России и оценить эффективность ключевых организаций, участвующих в этом процессе.

Объект исследования – политическая социализация молодежи в современной России. Предмет – институциональные модели и механизмы политической социализации.

Методология исследования базируется на институциональном, структурно-функциональном и сравнительном подходах, а также включает элементы кейс-анализа.

Научная новизна заключается в комплексной оценке действующих моделей политической социализации молодежи на основе сравнительного анализа различных агентов и институтов, а также формулировании практических рекомендаций по совершенствованию действующих механизмов.

Теоретические подходы к политической социализации молодежи

Термин «политическая социализация» в 1959 году ввели в научный оборот американские ученые Г. Хаймен и Д. Истон, трактуя его как процесс формирования у индивида «картины политического мира, опыта политической деятельности и политического общения» [1]. Исследование этого явления получило

развитие в работах как зарубежных, так и российских авторов. Так, по мнению А.И. Соловьева, политическая социализация – это процесс усвоения человеком культурных и политических ценностей, требований статусного поведения и норм, позволяющих адаптироваться в политической системе и выполнять

определенные функции [2]. Е.Б. Шестопал рассматривает политическую социализацию как становление политической идентичности в ходе взаимодействия с социокультурной и политической средой [3]. Г.Г. Дилигенский подчеркивает роль знаний, установок и ориентаций, необходимых для включенности в политическую жизнь [4].

Сравнительный анализ этих определений позволяет сделать вывод о многогранности подходов. Одни акцентируют внимание на внутренней трансформации личности, другие – на взаимодействии индивида с институтами, третьи – на поведенческом аспекте участия в политике. Для целей настоящего исследования наиболее релевантным представляется подход А.И. Соловьева, совмещающий ценностный, институциональный и поведенческий уровни анализа.

Современные исследователи также предлагают классификацию моделей политической социализации. В частности, Е.А. Брагина делит агентов социализации на две группы: политические (государственные структуры, партии, общественные движения) и неполитические (семья, школа, СМИ, интернет) [5]. Такой подход позволяет рассматривать социализацию как комплексный процесс, протекающий в различных средах – от формальных до неформальных.

Дополнительную аналитическую основу для теоретического осмысления политической социализации молодежи дают работы других отечественных ученых. Так,

Ю.А. Зуляр и Р.Ю. Зуляр считают эффективную политическую социализацию залогом стабильного общества и поддержания легитимности власти. Она критически зависит от согласованности между государством, элитами, обществом и медиапространством [6].

А.А. Свистунов одним из ключевых факторов, влияющих на процессы политической социализации молодежи, называет цифровизацию. Автор предлагает рассматривать ее не как дополнение к традиционным агентам (семья, школа, СМИ), а как полноценную, и порой доминирующую, среду социализации с учетом виртуальных ролей, цифровых идентичностей и особенностей коммуникации в сети [7].

В продолжение роли интернет-пространства в политической социализации Д.Н. Слабая подчеркивает информационный разрыв между молодежью и политическими институтами. Не получая полноценной информации из официальных источников, молодое поколение формирует взгляды через социальные сети, где часто встречаются фейки и информационные искажения [8].

Л.В. Рожкова и А.Ш. Дубина, опираясь на социологические опросы, отмечают, что политическая пассивность молодежи остается высокой: мало кто из них участвует в выборах, еще меньше состоит в партиях. Среди причин основная – недоверие к власти и ощущение, что от них ничего не зависит. Однако у молодежи есть интерес к общественным и социальным пробле-

мам, только выражаются они не через официальную политику, а через волонтерство, локальные инициативы и соцсети [9].

Таким образом, современные подходы к политической социализации молодежи предлагают не только ее структурное понимание, но и задают рамки для последующей оценки результативности.

Особое внимание уделяется взаимодействию формальных и неформальных агентов, трансформации каналов социализации и меняющегося характеру политического участия. Эти аспекты создают основу для дальнейшего анализа эффективности социализационных практик применительно к российскому контексту.

Оценка эффективности моделей политической социализации российской молодежи

Эффективность политической социализации определяется не только количеством вовлеченных участников, но и глубиной их политической компетентности, устойчивостью сформированных установок, готовностью к осознанному политическому участию. В рамках настоящего исследования эффективность различных моделей оценивается на основе четырех ключевых факторов: качества и согласованности агента социализации, уровня мотивации молодежи к участию, формата взаимодействия (добровольность, проектность, интерактивность), а также политико-культурного контекста, в котором социализация осуществляется (доверие институтам, свобода выражения).

Рассмотрим основные способы политической социализации российской молодежи, используя эти критерии оценки.

Государственные структуры и окологосударственные платформы, такие как Росмолодежь и движение детей и молодежи «Движе-

ние первых», выступают одними из наиболее влиятельных агентов социализации. Их деятельность характеризуется высокой институциональной поддержкой, финансовыми и административными ресурсами, а также масштабным охватом молодежной аудитории. При этом мотивация участия в большинстве мероприятий носит преимущественно внешне ориентированный характер – молодежь привлекается через конкурсы, оощрения, карьерные перспективы. Формат взаимодействия в основном вертикальный и регламентированный: форумы, грантовые программы, конкурсные мероприятия. Подобная модель демонстрирует высокую эффективность в плане охвата, но нередко сталкивается с проблемой формализации участия, когда вовлеченность участников оказывается поверхностной. В силу этого такие практики требуют интеграции с более гибкими и добровольными форматами, способствующими глубинному усвоению ценностей и установок.

Молодежные парламенты и органы самоуправления, функционирующие как при Государственной Думе, так и на региональном уровне, представляют собой институциональные площадки, вовлекающие наиболее активных и мотивированных молодых людей в процессы законотворчества и общественно-политического проектирования. Эти структуры позволяют участникам приобретать опыт политического взаимодействия, разрабатывать инициативы, взаимодействовать с реальными органами власти [10]. Однако охват таких моделей остается ограниченным: они, как правило, включают лишь небольшой процент молодежи, склонной к политической активности, и не всегда имеют устойчивую поддержку на местах. В условиях высокой индивидуальной мотивации они способны обеспечить значимую социализацию, но масштабировать их эффект на широкие молодежные слои затруднительно.

Молодежные крылья политических партий, такие как «Молодая Гвардия Единой России», Ленинский коммунистический союз молодежи и «Молодежь ЛДПР», формируют идеологическую компоненту социализации. Эти организации выполняют функцию подготовки кадрового резерва, вовлекают молодежь в агитационные кампании, организуют обучение и мероприятия внутри партийного контекста. Однако их деятельность нередко подвержена жесткой иерархии и управляемости, а мотивация участия часто основывается на карьерных

ожиданиях. В таких условиях социализация носит преимущественно индоктринационный характер, ограничивая пространство для формирования независимой политической идентичности. Содержание многих инициатив сводится к воспроизведению партийной линии, в то время как развитие критического мышления и плюрализма мнений оказывается вторичным.

Образовательные и просветительские инициативы, включая дебатные клубы, модельные конференции, а также университетские и школьные проекты, оказываются одной из наиболее перспективных моделей. Здесь доминирует внутренняя мотивация – интерес к анализу, публичному обсуждению, выработке позиции. Формат таких мероприятий, как правило, интерактивен и ориентирован на развитие практических навыков: умения аргументировать, дискутировать, принимать решения. Эти модели чаще всего опираются на плюралистическую культуру, позволяют участникам сопоставлять различные точки зрения и формировать самостоятельную позицию. Главным ограничением этой модели является ее фрагментарность и ограниченность охвата: без поддержки со стороны государства такие практики редко выходят за пределы отдельных образовательных учреждений.

Общественные и молодежные организации, такие как Ассоциация студенческих и молодежных объединений, Российский союз молодежи и Ассоциация во-

лонтерских центров также играют значимую роль в политической социализации российской молодежи. Несмотря на различия в структуре и специализации, все они функционируют в тесном взаимодействии с государственными институтами, оставаясь при этом формально неполитическими.

Эти организации демонстрируют высокую эффективность социализации за счет нескольких факторов. Во-первых, они работают преимущественно в формате добровольного участия, что формирует устойчивую внутреннюю мотивацию у молодежи. Во-вторых, их деятельность направлена на развитие soft skills, проектной и лидерской компетентности, что укрепляет чувство гражданской ответственности и принадлежности к обществу. В-третьих, их работа основана на горизонтальных связях, наставничестве, сетевых формах координатии, что способствует формированию субъектной позиции у участников.

Формат взаимодействия – через форумы, образовательные программы, социальные и волонтерские проекты – позволяет молодежи включаться в решение реальных общественно значимых задач, а не просто воспроизводить заданные установки. Благодаря этому политическая социализация здесь происходит в рамках социальной практики, а не идеологического давления, что делает ее глубже и устойчивее. Несмотря на ограниченное политическое содержание, именно в этих организациях закладываются навыки, необходимые для активного и

осознанного участия в общественной и политической жизни.

Наконец, особую роль в современной политической социализации молодежи играет **цифровая среда**: социальные сети, блогосфера, онлайн-платформы. По мнению отдельных ученых, «цифровизация стала серьезной альтернативой традиционным агентам социализации – семье и системе образования» [7]. Цифровые пространства отличаются децентрализованной природой, свободой выражения и низким порогом входа. Молодежь использует их для получения информации, формирования мнений, публичного высказывания. Однако в силу отсутствия фильтрации, слабой модерации и возможности анонимности цифровая социализация может как способствовать росту гражданского сознания, так и формировать ироничный цинизм, аполитичность или подверженность манипуляциям. Влияние таких каналов во многом зависит от медийной грамотности участников, их способности к критическому анализу информации и устойчивости к идеологическим искажениям.

В целом, анализ показывает, что наиболее результативными оказываются те модели, где социализация носит добровольный, интерактивный и содержательный характер, а агенты вызывают доверие и предоставляют молодым людям реальную возможность для проявления инициативы. Форматы, ориентированные на монологическое воздействие, идеологическую мобилизацию и внешнюю мотивацию, напротив,

чаще оказываются ограниченными в эффективности и не обеспечивают устойчивой политической идентичности. Таким образом, ключевым условием повышения эффективно-

сти политической социализации молодежи в России становится переход от формальных механизмов к включающим, диалогическим и субъектно-ориентированным практикам.

Выводы и рекомендации

Проведенное исследование позволило выделить и проанализировать ключевые модели политической социализации российской молодежи, действующие в рамках различных типов структур: государственных, партийных, образовательных, общественных и цифровых. Полученные результаты свидетельствуют о том, что эффективность этих моделей обусловлена взаимодействием четырех основных факторов: качеством и устойчивостью агента социализации, мотивацией молодых людей к участию, форматом взаимодействия (иерархическим или горизонтальным), а также характером социально-политической среды, в которой осуществляется социализация.

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым выработать ряд практических мер, адресованных государственным органам, ответственным за молодежную и образовательную политику, а именно:

- усилить поддержку образовательных и дебатных форматов в школах, колледжах и университетах, интегрируя их в государственные программы по развитию молодежной политики;

- сформировать устойчивые каналы взаимодействия между государственными платформами и цифровой средой, прежде всего через запуск медиапроектов в жанре просвещения, ориентированных на молодежную аудиторию (форматы edutainment в YouTube, VK, Telegram и др.);

- повысить прозрачность и конкурентность участия в проектах Росмолодежи, сместив акцент с формальной активности на содержательное участие и долгосрочные социальные эффекты;

- обеспечить политическое многообразие в молодежной среде, как в институциональном, так и в культурном плане, путем поддержки непартийных гражданских инициатив, диалоговых площадок, молодежных медиа и проектных студий;

- регионализировать модели политической социализации, учитывая специфику локальных повесток, уровень развития гражданского общества и культурные особенности молодежи в разных субъектах Российской Федерации. Это особенно важно для включения в процессы социализации тех групп молодежи, которые остаются за пределами столичных и федеральных проектов.

Эффективность политической социализации в современной России может быть существенно повышена при условии отхода от однолинейных, мобилизационных и формализованных практик в сторону гибких, мотивирующих и

субъектно ориентированных моделей, способных не только передавать нормы и установки, но и развивать политическую субъектность, ответственное участие и критическое мышление у молодых граждан.

Список литературы

1. Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М.: ИНФРА М. 2000. 480 с.
2. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс. 2000. 559 с.
3. Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020200 «Политология». М.: АЙРИС ПРЕСС. 2007. 425 с.
4. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология [Учеб. пособие для вузов по специальностям «Социология», «Психология», «Политология»]. М.: Новая школа. 1996. 351 с.
5. Брагина Е.А. Политическая социализация молодежи в современных условиях трансформации общества: агенты и факторы // KANT: SS&H. 2020. №1 (3). С. 74-81. DOI: 10.24923/2305-8757.2020-3.9
6. Зуляр Ю.А., Зуляр Р.Ю. Политическая социализация, ее структура и модели // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 51. С. 43–59. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.43>
7. Свистунов А.А. Политическая социализация молодежи в условиях цифровизации: к постановке исследовательской задачи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 496-511. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511
8. Слабая Д.Н. Особенности политической социализации молодежи России // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Том 12. № 7А. С. 40-47. DOI: 10.34670/AR.2023.33.84.006
9. Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Политическое сознание и поведение современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2023. № 1. С. 80-94. DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-80-94
10. Гашков В.О. Роль молодежных парламентов в рекрутинге политической элиты: символическое участие или реальные возможности? // Via in tempore. История. Политология. 2025. № 52(2). С. 491-499. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-491-499

SEREBRYAKOV Alexander I. – PhD Student at the Department of Political Science and Political Analysis, Russian State Social University, Moscow, Russia, e-mail: aiserebryakov@yandex.ru

Keywords: political socialization of youth, public policy, political consciousness, political behavior, political culture, digital environment, public organizations

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF POLITICAL SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH

Abstract

The article examines the institutional models of political socialization of youth in modern Russia. The author conducts a comprehensive analysis of the effectiveness of various agents of socialization – government agencies, youth parliaments, party organizations, educational initiatives, public associations and the digital environment. Based on structural-functional, institutional and comparative approaches, the degree of youth involvement in political processes, the stability of political attitudes and motivation to participate in public life are investigated. Special attention is paid to the interaction of formal and informal channels of socialization, as well as the transformation of youth political identity in the context of digitalization. As a result of the research, practical recommendations are formulated for improving existing socialization mechanisms with an emphasis on subject-oriented, dialogic and interactive practices.

References

1. Sociological encyclopedic dictionary / Ed.-coord. G.V. Osipov. Moscow: INFRA M. 2000. 480 p.
2. Solovyov A.I. Political science: Political theory, political technologies. Moscow: Aspect Press. 2000. 559 p.
3. Shestopal E.B. Political psychology: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty 020200 "Political Science". Moscow: IRIS PRESS. 2007. 425 p.

4. Diligenskiy G.G. Socio-political psychology [Textbook for universities in the fields of "Sociology", "Psychology", "Political Science"]. M.: New School. 1996. 351 p.
5. Bragina E.A. Political socialization of youth in modern conditions of transformation of society: agents and factors // KANT: SS&H. 2020. No. 1 (3). pp. 74-81. DOI: 10.24923/2305-8757.2020-3.9
6. Zulyar Yu.A., Zulyar R.Y. Political socialization, its structure and models // Izvestiya Irkutsk State University. The Political Science series. Religious studies. 2025. Vol. 51. pp. 43-59. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.43>
7. Svistunov A.A. Political socialization of youth in the context of digitalization: towards setting a research task // Bulletin of the RUDN University. Series: Sociology. 2025. Vol. 25. No. 2. pp. 496-511. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-496-511
8. Slabkaya D.N. Features of political socialization of Russian youth // Theories and problems of political research. 2023. Volume 12. No. 7A. pp. 40-47. DOI: 10.34670/AR.2023.33.84.006
9. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Political consciousness and behavior of modern youth // News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics. 2023. No. 1. pp. 80-94. DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-80-94
10. Gashkov V.O. The Role of Youth Parliaments in Recruiting the Political Elite: Symbolic Participation or Real Opportunities? // Via in tempore. History and political science 2025. № 52(2). Pp. 491-499. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-491-499

Статья поступила в редакцию 11.07.2025.

Принята к публикации 27.10.2025.

ПРОТЕКЦИОНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА

Аннотация

Исследование направлено на анализ протекционизма как стратегического инструмента внешней политики Российской Федерации в условиях формирования многополярного миропорядка. Актуальность работы обусловлена усилением тенденций к деглобализации и пересмотром моделей международной торговли. Однако проблема заключается в недостаточной систематизации мотивов, форм и последствий российского протекционизма в контексте его внешнеполитической, а не только экономической, целесообразности.

Опираясь на методологию неореализма в международных отношениях и применяя системный анализ, а также сравнительно-правовой подход, мы анализируем эволюцию протекционистских мер России за период с 2014 по 2024 год, включая импортозамещение, контрсанкции и развитие национальных платежных систем. Результаты. Работа выявляет, что российский протекционизм трансформировался из вынужденной ответной меры в комплексную стратегию, нацеленную на достижение экономического суверенитета, переориентацию торговых потоков на альтернативные центры силы (Азию, Ближний Восток) и укрепление политического влияния в рамках ЕАЭС.

АКИМОВА Алёна Олеговна – старший преподаватель кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, Москва, email: akimova.ao@gea.ru, SPIN-код: 8717-9650

АЙНЕТДИНОВ Ринат Хафисович – аспирант Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: rinosbmw@yandex.ru

Ключевые слова: протекционизм, внешняя политика России, многополярность, экономический суверенитет, контрсанкции, импортозамещение, ЕАЭС, санкции, деглобализация

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_63

Исследование доказывает, что в условиях санкционного давления протекционизм стал ключевым элементом построения устойчивой к внешним шокам национальной экономики и инструментом ослабления униполярной гегемонии Запада.

Таким образом, исследование показало, что протекционизм в российской внешнеполитической практике является многогранным инструментом, служащим целям как экономической безопасности, так и геополитического позиционирования.

Его результаты могут применяться для дальнейшего прогнозирования развития международной системы, выработки стратегий адаптации национальных экономик к новым реалиям и понимания логики российской внешней политики в многополярном контексте.

Введение

Современная международная система переживает фундаментальную трансформацию, характеризующуюся переходом от однополярной модели, доминируемой после окончания Холодной войны Западом во главе с США, к более сложной и полицентричной структуре – многополярному миропорядку. В этой системе наряду с традиционными центрами силы укрепляются новые акторы, такие как Китай, Индия, Бразилия и Россия. Данный процесс сопровождается ростом геэкономической конкуренции, усилением роли национальных государств и пересмотром принципов глобального управления, в том числе в сфере международной торговли [1], что приводит многие страны к вопросу о защите своего экономического суверенитета.

Классический протекционизм – это государственная политика, временно защищающая национальных производителей от иностранной конкуренции. Его цель – стимулировать экономический

рост и повысить конкурентоспособность внутреннего производства через допустимые ограничения на импорт.

Эту идею можно применить к модели «центр–периферия». С. Амин считает, что периферийные экономики зависимы от центра. В отличие от теории, где развивающаяся страна может стать развитой, Амин отмечает, что периферия вынуждена специализироваться на трудоемких, низкотехнологичных отраслях. Центр же монополизирует высокотехнологичные производства. Это закрепляет перераспределение стоимости в пользу центра через низкие зарплаты, девальвацию валют и вывоз капитала на периферии [2].

В контексте этой трансформации, протекционизм, традиционно понимаемый как экономическая политика защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции через тарифные и нетарифные барьеры, приобретает новое звучание. Он эволюционирует из сугубо

экономического инструмента в стратегический ресурс внешней политики, используемый для достижения не только торгово-экономических, но и геополитических целей. Для Российской Федерации, столкнувшейся с беспрецедентным санкционным давлением со стороны западных стран после событий 2014 года и особенно в 2022 году, протекционизм стал катализатором глубоких структурных изменений в экономике и ключевым элементом стратегии суверенизации и построения «многополярного мира на практике» [3].

Целью данной статьи является комплексный анализ протекционистской политики России как инструмента ее внешней политики в условиях становления многополярного миропорядка. Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1. Проследить эволюцию протекционизма в российской внешнеполитической практике в период с 2014 по 2024 год.

2. Выявить и классифицировать основные инструменты и направления протекционистской политики РФ.

3. Проанализировать, как протекционизм способствует достижению Россией целей экономической безопасности и укреплению ее позиций в формирующейся многополярной системе.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении протекционизма не как изоляционистской или чисто оборонительной меры, а как активного внешнеполитического инструмента, направленного на перестройку глобальных экономических связей и создание альтернативных центров притяжения.

Теоретические основы и эволюция российского протекционизма в контексте многополярности

В ходе эволюции мировой торговли сформировались две принципиально различные концепции регулирования международного товарообмена. Одна из них – протекционизм – обосновывает необходимость активного государственного вмешательства во внешнеэкономическую сферу с использованием тарифных и нетарифных мер. Ключевыми задачами такой политики выступают ограждение национальных производителей от иностранной конкуренции,

стимулирование экспорта и обеспечение экономического роста.

Этой системе взглядов противостоит теория свободной торговли (фритрейдерство), базирующаяся на принципах минимального вмешательства государства и устранения любых ограничений. Анализ исторической динамики показывает, что выбор в пользу той или иной доктрины носит циклический характер и напрямую зависит от конкурентных позиций страны на ми-

ровом рынке. Наиболее конкурентоспособные экономики, как правило, выступают за либерализацию, тогда как государства, чья промышленность уступает иностранной, склонны к защитным мерам. Важно подчеркнуть, что данная закономерность отражает лишь общую тенденцию, поскольку на практике внешнеторговая политика часто представляет собой комбинацию элементов обеих концепций [4].

Теоретической основой для понимания роли протекционизма в современной внешней политике России служит школа неореализма в международных отношениях. С точки зрения неореализма, в анархичной международной системе государства, являясь ключевыми акторами, прежде всего стремятся к обеспечению собственной безопасности и выживанию. Экономическая мощь при этом рассматривается как критически важный компонент национальной силы, необходимый для отстаивания суверенитета и независимой внешней политики [5]. Многополярность, с этой точки зрения, – это система, где несколько великих держав конкурируют за влияние и ресурсы, а экономическая взаимозависимость становится полем стратегической борьбы, а не гарантом мира.

По нашему мнению, многополярность создает здоровую среду конкуренции, которая способствует своего рода «гонке вооружений» прежде всего в экономической отрасли, что может привести к более быстрому развитию современных

технологий, улучшить социальную сферу и ко всему прочему, как было отмечено выше, обеспечить безопасность экономического суверенитета страны от влияния всевозможных кризисов.

Эволюцию российского протекционизма можно разделить на два ключевых этапа:

1. Ответный протекционизм (2014–2021 гг.). Отправной точкой стало введение западных санкций в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма. В ответ Россия ввела продовольственное эмбарго на поставки широкого перечня товаров из стран ЕС, США, Канады и других государств. Изначально эта мера носила симметричный ответный характер. Однако она стала триггером для запуска политики импортозамещения, которая была возведена в ранг национальной стратегии. Целью было не просто «заместить» импорт, но создать устойчивые и конкурентоспособные производства внутри страны, снизив критическую зависимость от западных технологий и товаров. На данном этапе протекционизм был в значительной степени реактивным и оборонительным, но уже заложил основы для более стратегического подхода [6].

2. Стратегический протекционизм (2022 – по н.в.). Полномасштабное санкционное давление в 2022 году придало протекционистской политике качественно новый характер. Из оборонительной она превратилась в наступательно-созидательную, став стержнем кон-

цепции «суверенной экономики». Меры стали более радикальными и комплексными:

А) Финансовый протекционизм: ускоренное развитие национальной финансовой инфраструктуры (СПФС, Мир), дедолларизация торговли, стимулирование расчетов в национальных валютах с партнерами [7].

Б) Торговый протекционизм: дальнейшее ограничение импорта из «недружественных» стран, поддержка экспорта через субсидии и государственные инструменты.

В) Технологический протекционизм: жесткие меры по защите внутреннего ИТ-рынка, поддержка отечественных разработок в области ПО, микроэлектроники и других критических технологий [8].

Этот эволюционный переход свидетельствует о том, что Россия стала использовать протекционизм не просто для защиты, а для активного формирования новой конфигурации внешнеэкономических связей, отвечающей ее стратегическим интересам в многополярном мире.

Протекционизм как инструмент построения многополярности: региональное и глобальное измерения

В рамках Евразийского экономического союза протекционизм России трансформируется из национального в наднациональный, коллективный. Это позволяет реализовать принцип «протекционизма большого пространства», который теоретически обосновывался еще в рамках школы экономического неомеркантилизма. Объединенный рынок ЕАЭС с населением свыше 180 млн человек представляет собой критическую массу, достаточную для создания конкурентоспособных производств и устойчивых цепочек добавленной стоимости, защищенных от внешней конкуренции общим внешним тарифом (ОВТ) и единой нетарифной политикой.

Конкретные механизмы реализации этой стратегии включают:

1. Скоординированная торговая политика. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) как наднациональный орган устанавливает единые таможенные тарифы, квоты и антидемпинговые пошлины в отношении третьих стран. Это не только защищает общий рынок, но и кардинально усиливает переговорные позиции Союза при заключении преференциальных торговых соглашений. Например, создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном, переговоры с Египтом, ОАЭ и Индией – это прямые результаты того, что партнеры ведут диалог с единым торговым блоком, а не с разрозненными странами. Это позволяет России проецировать свои экономические и отчасти политические стандарты на сопредельные регионы.

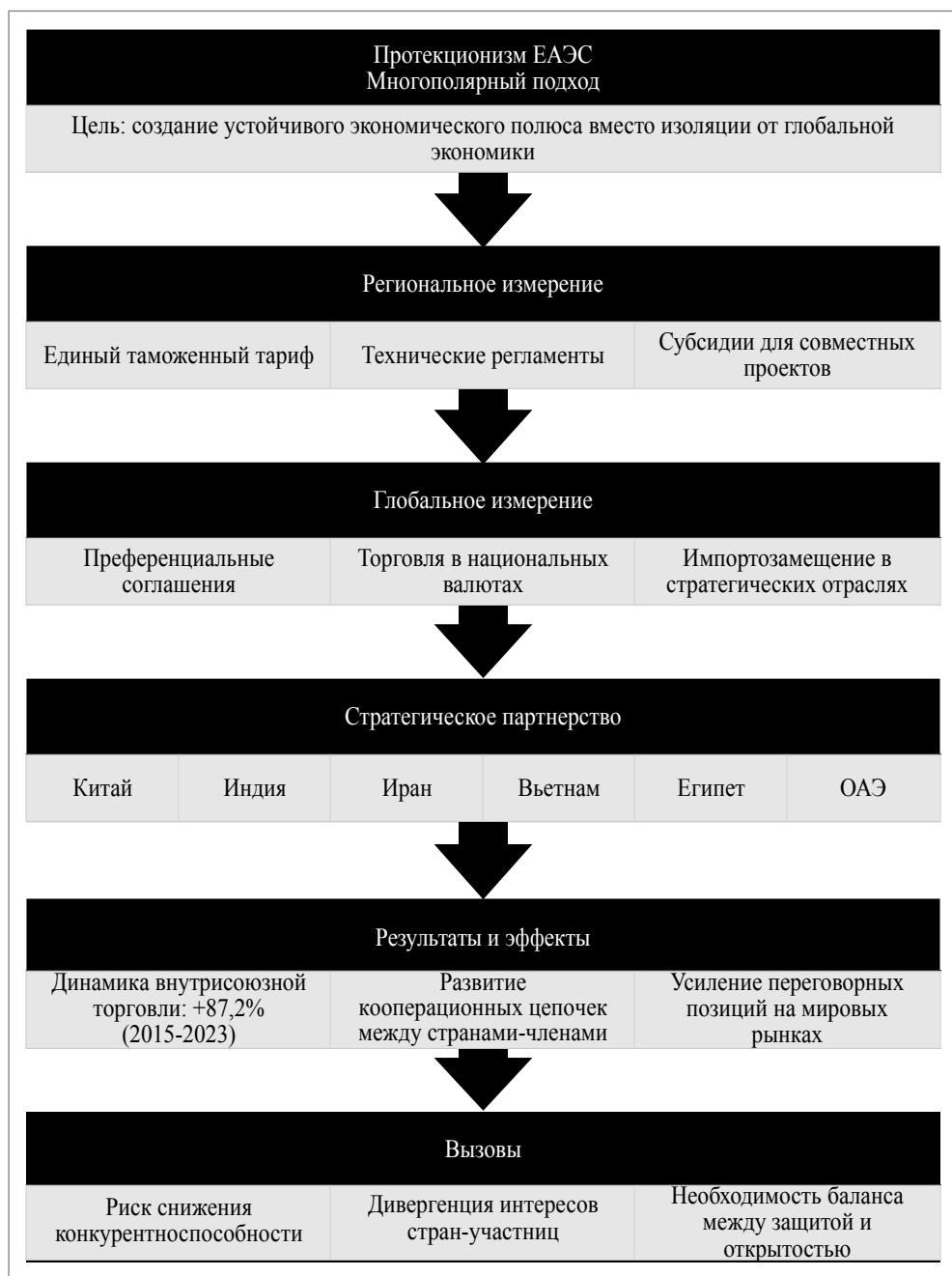

Рис. 1. Протекционизм ЕАЭС как инструмент многополярности

2. Техническое и фитосанитарное регулирование как нетарифные барьеры. Разработка и внедрение единых стандартов ЕАЭС (технических регламентов, ветеринарных и санитарных норм) выполняют двоякую функцию. С одной стороны, они унифицируют рынок для производителей стран-участниц, стимулируя внутрисоюзную торговлю. С другой стороны, эти стандарты становятся сложным нетарифным барьером для товаров из «недружественных» стран, которые должны быть сертифицированы заново, что увеличивает их стоимость и сложность выхода на рынок ЕАЭС. Это элегантная форма протекционизма, соответствующая правилам ВТО, но эффективно защищающая внутреннего производителя.

3. Импортозамещение в рамках Союза. Политика импортозамещения реализуется не на узконациональной, а на общесоюзной

основе. Создаются евразийские технологические альянсы и кооперационные цепочки. Например, компоненты для машиностроения могут производиться в России, собираться в Беларуси, а конечная продукция поставляться на рынок Казахстана. Это позволяет достичь эффекта масштаба, избежать дублирования производств и создать конкурентоспособную продукцию, замещающую импорт извне. Таким образом, протекционизм на уровне ЕАЭС служит инструментом не изоляции, а более глубокой экономической интеграции и консолидации региона вокруг России, создавая один из полноценных полюсов в формирующейся многополярной экономической системе [9].

Таким образом, ЕАЭС формирует новый полюс экономического влияния через сбалансированный протекционизм и региональную интеграцию [10].

Глобальное измерение: «восточный вектор» и дедолларизация

На глобальном уровне протекционистская политика России напрямую нацелена на ускорение процессов деглобализации и дезинтеграции от западноцентричной мировой экономики. Ключевыми элементами этой стратегии являются:

Переориентация торговых потоков: активный уход с европейских рынков энергоресурсов и поиск новых покупателей в Азии (Китай, Ин-

дия). Одновременно идет наращивание импорта не из Европы, а из Китая, Турции, стран Юго-Восточной Азии. Это на практике создает новые оси экономического взаимодействия (Москва – Пекин, Москва – Дели, Москва – Тегеран), укрепляющие многополярность [11].

Если с Китаем структура взаимоотношений более чем понятна, ввиду тесного сотрудничества в огромном количестве сфер (энерге-

тика, высокие технологии, поставки товаров широкого потребления и т.д.), то с Индией и Ираном, можно сказать, отношения вышли на кардинально новый уровень. Да-

вайте рассмотрим некоторые экономические показатели, которые наглядно демонстрируют огромный рост в области экономического сотрудничества.

Таблица 1.

Динамика товарооборота России и Индии [12]

Годы/ показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (I кв.)
Оборот, \$ млрд	9,51	7,83	7,59	9,36	11,00	11,20	9,26	13,50	35,00	65,00	17,49
Темпы прироста, %	-5,57	-17,7	-3,1	+23,3	+17,5	+1,8	-17,4	+45,8	+159,2	+80,0	+5,0
Экспорт, \$ млрд	6,34	5,57	5,23	6,46	7,75	7,31	5,80	9,13	32,50	60,90	16,34
Темпы прироста, %	-9,19	-12,1	-6,3	+23,5	+19,96	-3,2	-20,7	+57,4	+256,1	+79,1	+5,4
Импорт, \$ млрд	3,17	2,26	2,36	2,90	3,23	3,92	3,46	4,43	2,50	4,10	1,15
Темпы прироста, %	+2,6	-28,8	+4,4	+25,9	+11,4	+21,4	+11,7	+28,03	-43,6	+41,4	+21,7
Сальдо, \$ млрд	3,17	3,31	2,87	3,56	4,52	3,39	2,34	4,70	30,00	56,80	15,19

Как отмечено в документе «Большой Азии», первоисточником данной таблицы является Министерство коммерции и промышленности Индии. Анализ метрик о взаимной торговле между Россией и Индией наглядно демонстрирует,

что период после введения санкций со стороны Запада в отношении России в 2022 году стал точкой по-настоящему кардинального перелома и мощного стимула для развития двусторонних экономических отношений.

Таблица 2.

Динамика товарооборота России и Ирана [13]

Годы/показатель	2020	2021	2022
Товарооборот, \$	2,2 млрд.	4,0 млрд. +81%	4,9 млрд. +20%

В сравнении с Индией, динамика товарооборота более сдержанная, однако она положительная и объективно имеет высокий прирост.

Стимулирование расчетов в национальных валютах: Отказ от доллара и евро в международных расчетах является формой финансового протекционизма. Это защищает российскую экономику от воздействия западных финансовых санкций и подрывает доминирование доллара как мировой резервной валюты, что является одним из главных «козырей» американской гегемонии. Создание альтернативных платежных и расчетных механизмов – прямой вклад в формирование многополярной финансовой архитектуры [14].

Суверенизация критических цепочек поставок: Политика импортозамещения в области высоких технологий, машиностроения и сельского хозяйства направлена на создание национальных или наднациональных (в рамках ЕАЭС, БРИКС) цепочек создания стоимости. Это снижает уязвимость от санкций и укрепляет экономиче-

скую основу для проведения независимой внешней политики [15].

Данные меры демонстрируют, что российский протекционизм является конструктивным элементом в построении альтернативных глобальных экономических сетей, противостоящих существующей западной системе.

После введения санкций в 2022 году протекционизм России не был просто попыткой закрыть внутренний рынок. Это был осознанный конструктивный шаг по созданию новых, устойчивых и взаимовыгодных цепочек поставок и взаимодействия в целом. Данные это наглядно иллюстрируют: необходимость срочно найти замену западным рынкам и валютам привела к взрывному росту товарооборота с Индией – с 13,5 млрд долларов в 2021 году до 65 млрд в 2023. Это не стихийный рост, а результат целенаправленной политики по переориентации потоков. Также это говорит о том, что у России среди дружественных стран имеется список сильных региональных держав, который не ограничивается промышленным гигантом – КНР.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Современный российский протекционизм представляет собой не набор разрозненных защитных мер, а комплексную и многоуровневую стратегию, интегрированную

во внешнеполитический курс страны. Он эволюционировал от тактического ответа на санкции до стратегического инструмента построения «экономического суверенитета» и изменения своей роли в международной системе.

В условиях формирования многополярного миропорядка протекционизм выполняет двойную функцию: внутреннюю (защита и развитие национальной экономики, обеспечение безопасности) и внешнюю (ослабление позиций западного гегемона, формирование новых альянсов и экономических осей).

Ключевыми направлениями реализации протекционистской стратегии являются укрепление ЕАЭС как регионального полюса экономического притяжения и масштабная переориентация внешнеэкономических связей на незападные центры силы (Китай, Индия, Ближний Восток), что на практике материализует концепцию многополярности.

Финансовый протекционизм, выраженный в дедолларизации и развитии национальной финансовой инфраструктуры, является важнейшим компонентом этой стратегии, напрямую бросающим

вызов основам финансовой гегемонии США.

Таким образом, протекционизм в арсенале современной российской внешней политики является эффективным инструментом адаптации к санкционному давлению и одновременно активным средством ускорения перехода к многополярной модели мироустройства. Он позволяет России не только минимизировать издержки конфронтации с Западом, но и использовать эту конфронтацию для структурной перестройки экономики и поиска новых, более диверсифицированных и устойчивых связей в рамках альтернативных центров силы. Дальнейшее развитие данной стратегии будет определяться как успешностью внутренней политики импортозамещения, так и динамикой формирования новых экономических и политических союзов в мире.

Список литературы

1. Дегтерев Д. А., Боришполец К.Н. Санкции и контригры: экономическая война Запада против России // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 2. С. 5-16.
2. Акимова А. О., Айнетдинов Р.Х. Протекционизм в условиях формирования многополярного мира суверенных государств // Постсоветский материк. 2025. № 1. С. 99-107.
3. Лукин А. В. К многополярному миру: становление полицентричной международной системы // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 8-26.
4. Бондарев А. В., Цаплин В.О. Теоретические и исторические аспекты развития протекционизма // Трансформация мировой экономики в новых рыночных реалиях. 2023. С. 850-855.
5. Waltz K. N. Theory of International Politics – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979. 251 p.

6. Зуев В. Н., Свиначев А.С. Протекционизм в международной торговле: новые вызовы и современные формы // Вестник международных организаций. – 2022. Т. 17, № 1. С. 55-75.
7. Об утверждении Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 11 мая 2023 г. № 347 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305110001> (дата обращения: 20.05.2024).
8. Кадочников П. А., Синельников-Мурылев С. Г. Импортозамещение в России: от вынужденной меры к стратегии развития // Вопросы экономики. – 2023. № 5. С. 5-25.
9. Широков А. А., Хромов М.Ю. Оценка последствий санкций для российской экономики и перспективы импортозамещения // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29, № 9. С. 12-17.
10. Оверчук: С 2015 года объемы торговли в ЕАЭС выросли на 87,2 процента // <https://www.pnp.ru/economics/overchuk-s-2015-goda-obemy-torgovli-v-eaes-vyrosli-na-872.html> (дата обращения: 22.09.2025).
11. Спартак А. Н. Россия в глобальной торговой системе: вызовы санкций и стратегия адаптации // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 10. С. 7-22.
12. РОССИЯ – ИНДИЯ. Вызовы и решения экономического сотрудничества // URL: https://bigasia.ru/wp-content/uploads/2024/07/russia_india.pdf (дата обращения: 22.09.2025).
13. Рост внешней торговли между Россией и Ираном // URL: <https://iranchemicals.ru/novosti/rost-vneshney-torgovli-mezhdu-rossiey-i-iranom/> (дата обращения: 22.09.2025).
14. Трунин П. В., Муравьев А.В. Дедолларизация российской экономики в условиях санкций // Деньги и кредит. 2023. Т. 82. № 1. С. 3–30.
15. Портанский А. П. Протекционизм XXI века: в формате торговых войн // Современная Европа. 2020. № 2. С. 54–65.

AKIMOVA Alyona O. – Senior Lecturer at the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, email: akimova.ao@rea.ru.

AYNETDINOV Rinat Kh. – Postgraduate student of the Russian State Social University, Moscow, Russia, email: rinosbmw@yandex.ru.

Keywords: protectionism, Russian foreign policy, multipolarity, economic sovereignty, counter-sanctions, import substitution, EAEU, sanctions, deglobalization

PROTECTIONISM AS A TOOL OF RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER

Abstract

This study is aimed at analyzing protectionism as a strategic tool of the Russian Federation's foreign policy in the context of the formation of a multipolar world order. The relevance of the work is due to the increasing trends towards deglobalization and the revision of international trade models. However, the problem lies in the insufficient systematization of the motives, forms and consequences of Russian protectionism in the context of its foreign policy, and not only economic, expediency.

Based on the methodology of neorealism in international relations and applying a systematic analysis, as well as a comparative legal approach, we analyze the evolution of Russia's protectionist measures from 2014 to 2024, including import substitution, counter-sanctions and the development of national payment systems. Results. The work reveals that Russian protectionism has transformed from a forced response into a comprehensive strategy aimed at achieving economic sovereignty, reorienting trade flows to alternative centers of power (Asia, the Middle East) and strengthening political influence within the EAEU.

The study proves that under the conditions of sanctions pressure, protectionism has become a key element in building a national economy resistant to external shocks and a tool for weakening the unipolar hegemony of the West.

Thus, the study showed that protectionism in Russian foreign policy practice is a multifaceted tool that serves the goals of both economic security and geopolitical positioning.

Its results can be used to further predict the development of the international system, develop strategies for adapting national economies to new realities, and understand the logic of Russian foreign policy in a multipolar context.

References

1. Degterev D. A., Borishpolets K.N. Sanctions and counterplay: the economic war of the West against Russia // World economy and international relations. 2023. Vol. 67. No. 2. pp. 5-16.
2. Akimova A. O., Aynetdinov R.H. Protectionism in the context of the formation of a multipolar world of sovereign states // Post-Soviet continent. 2025. No. 1. pp. 99-107.
3. Lukin A.V. Towards a multipolar world: the formation of a polycentric international system // Policy. Political research. 2022. No. 4. pp. 8-26.
4. Bondarev A.V., Tsaplin V.O. Theoretical and historical aspects of the development of protectionism // Transformation of the world economy in new market realities. 2023. pp. 850-855.
5. Waltz K. N. Theory of International Politics – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979. 251 p.
6. Zuev V. N., Svinarev A.S. Protectionism in international trade: new challenges and modern forms // Bulletin of International Organizations. 2022. Vol. 17. No. 1. pp. 55-75.
7. On the approval of the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation dated May 11, 2023 No. 347 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305110001> (accessed: 20.05.2024).
8. Kadochnikov P. A., Sinelnikov-Murylev S. G. Import substitution in Russia: from a forced measure to a development strategy // Economic issues. 2023. No. 5. pp. 5-25.
9. Shirov A. A., Khromov M.Yu. Assessment of the effects of sanctions on the Russian economy and prospects for import substitution // Economic development of Russia. 2022. Vol. 29. No. 9. pp. 12-17.
10. Overchuk: Since 2015, trade volumes in the EAEU have increased by 87.2 percent // URL: <https://www.pnp.ru/economics/overchuk-s-2015-goda-obemy-torgovli-v-eaes-vyrosli-na-872.html> (accessed: 22.09.2025).
11. Spartak A. N. Russia in the global trading system: challenges of sanctions and adaptation strategy // Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. No. 10. pp. 7-22.
12. RUSSIA– INDIA. Challenges and solutions of economic cooperation // URL: https://bigasia.ru/wp-content/uploads/2024/07/russia_india.pdf (accessed: 22.09.2025).

13. The growth of foreign trade between Russia and Iran // <https://iranchemicals.ru/novosti/rost-vneshney-torgovli-mezhdu-rossiey-i-iranom> (accessed: 22.09.2025).
14. Trunin P. V., Muravyov A.V. Dedollarization of the Russian economy under sanctions // Money and credit. 2023. Vol. 82, No. 1. pp. 3-30.
15. Portansky A. P. Protectionism of the XXI century: in the format of trade wars // Modern Europe. 2020. No. 2. pp. 54-65.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025.

Принята к публикации 20.10.2025.

РАСШИРЕНИЕ ШОС: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ

Аннотация

В статье исследуется влияние расширения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на способность объединения сохранять баланс между приоритетами в сфере безопасности и задачами экономического взаимодействия. Расширение состава участников, включившее Индию, Пакистан и Иран, придало организации новые геополитические измерения, усилило ее многовекторность и международную значимость, но одновременно обострило внутренние противоречия. На основе SWOT-анализа и анализа работ российских и зарубежных исследователей показано, что ШОС остается более консолидированной в вопросах безопасности, чем в сфере экономики. Расширение усилило дисбаланс между экономическими возможностями Китая и политической ролью России, что в ряде случаев привело к фрагментации экономической повестки. В то же время многовекторность стала фактором, способствующим росту международной гибкости ШОС и ее адаптивности к новой системе глобальных взаимодействий. Сделан вывод, что дальнейшая эффективность организации зависит от способности выработать институциональные механизмы, позволяющие поддерживать равновесие между безопасностью и экономическим развитием в условиях растущего многообразия интересов.

АВИМСКИЙ Владислав Александрович – старший преподаватель кафедры таможенного дела Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Калининград, e-mail: avlad1@bk.ru, SPIN-код: 9277-6352

Ключевые слова: ШОС, экономическое сотрудничество, безопасность, многовекторность, региональная интеграция, Китай, Россия, Индия, Иран, Пакистан

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_77

Введение

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 году, прошла путь от региональной структуры, ориентированной на Центральную Азию, до крупнейшего евразийского объединения, охватывающего более половины населения планеты. Этот рост во многом стал результатом расширения состава участников, включившего в последние годы Индию, Пакистан и Иран. Именно расширение поставило перед исследователями вопрос о том, сохраняется ли способность ШОС эффективно решать задачи в двух ключевых сферах – безопасности и экономиче-

ского взаимодействия. Если первоначально организация воспринималась прежде всего как инструмент урегулирования региональных вопросов и борьбы с угрозами экстремизма, терроризма и наркотрафика, то сегодня она превратилась в комплексную площадку, где сталкиваются разнонаправленные интересы крупнейших держав Евразии.

Проблема заключается в том, что расширение одновременно усиливает и рост возможностей организации, и внутренние противоречия. Именно эта двойственность и составляет центральную проблему нашего исследования.

Сильные стороны расширения состава участников ШОС

Одним из ключевых эффектов расширения ШОС стало укрепление ее геополитического веса и повышение международной значимости. Как справедливо отметил В. Путин, «расширение ШОС открывает дополнительные возможности активнее влиять на процессы в нашем общем регионе и на международной арене в целом» [1].

С принятием Индии и Пакистана в 2017 г. организация радикально изменилась, превратившись из региональной структуры Центральной Азии в широкую евразийскую платформу, что обеспечило прямую связанность Центральной и Южной Азии и открыло новые маршруты для торговли и транзита [2].

С точки зрения безопасности расширение укрепило потенциал коллективного реагирования на угрозы. Включение Индии в качестве неотъемлемой части евразийской группировки безопасности позволило расширить возможности борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, особенно учитывая угрозы, исходящие из АфПак [3].

Коллективные усилия членов ШОС, включая Пакистан, рассматривались как фактор, способный снизить активность боевиков и стабилизировать ситуацию в регионе.

Сильной стороной является и то, что расширение способствовало институциональной зрелости са-

мой организации. После вступления Индии и Пакистана были подписаны около 40 документов, в том числе соглашения о рабочих языках (китайский и русский как официальные, английский – как дополнительный), что свидетельствовало о способности организации адаптироваться к новым условиям [1].

Вступление новых членов также усилило культурное, научное и технологическое сотрудничество. ШОС стала создавать условия для обмена знаниями и опытом, что способствует развитию человеческого потенциала в регионе. Кроме того, организация укрепила позиции как значимый игрок в многополярной системе, охватывая более 60% территории Евразии, 40% населения мира и четверть мирового ВВП [5].

Особое значение имеет и фактор энергетики и транзита. По оценке исследователей, геоэкономическое пространство ШОС обладает огромным потенциалом для стратегиче-

ского экономического роста, который обеспечивается развитием транспортно-логистических коммуникаций и возможностью создания совместных предприятий [6].

Взаимный обмен энергетическими ресурсами между странами-членами открывает перспективы для дальнейшего развития экспортной деятельности и укрепления долгосрочной конкурентоспособности объединения. Расширение ШОС также усилило ее переговорные позиции на международной арене. Присоединение двух крупнейших государств Южной Азии стало сигналом, что организация активно развивается и адаптируется к новым вызовам мировой политики, а ее мнение должно учитываться при глобальных решениях [7].

Наконец, важным стратегическим достижением стало вступление в ШОС Ирана. Иран усиливает энергетическое измерение организации и делает ее влияние в регионе Западной Азии более весомым.

Слабые стороны расширения состава участников ШОС

Несмотря на очевидные достижения, расширение состава ШОС выявило ряд структурных и функциональных слабостей организации, которые сегодня становятся препятствием для ее эффективного развития. Наиболее часто исследователи указывают на проблему идентичности. Так, А. Муратбекова отмечает, что «ШОС переживает кризис идентичности: она форми-

рует множество образов, но ни один из них не становится общим знаменателем» [1]. Расширение за счет Индии и Пакистана, а позднее и Ирана, усилило разнородность интересов, что затрудняет формирование общей ценностной базы и превращает организацию в площадку ситуативных компромиссов.

Институциональные ограничения ШОС также становятся более

заметными по мере увеличения числа членов. В работах западных исследователей подчеркивается, что принцип консенсуса замедляет процесс принятия решений, а в условиях расширения делает его еще более затратным и сложным [8]. В отличие от ЕС или даже ЕАЭС, ШОС избегает наднациональных механизмов, что снижает ее способность продвигать интеграционные инициативы. Отмечается, что ШОС сохраняет намеренное самоограничение, чтобы не провоцировать соперничество между Россией и Китаем [9], но именно расширение может подтолкнуть к обострению этих скрытых противоречий.

Асимметрия интересов и ролей – еще одна серьезная слабость. М. А. Конаровский указывал еще в 2016 году, что за Россией закрепилось обеспечение безопасности, а за Китаем – экономическая составляющая [10]. С расширением эта диспропорция усиливается: Китай укрепляет свое лидерство через сопряжение инициативы «Пояс и путь» с проектами ШОС, тогда как Россия сталкивается с ограниченностью ресурсов. Усиление конкуренции между Пекином и Москвой в Центральной Азии может превратиться в фактор дестабилизации самой организации.

Экономическая слабость – структурная проблема ШОС. Исследователи отмечают, что вопрос о создании Банка развития ШОС продолжает заметно тормозить развитие этого направления [11].

Несмотря на рост товарооборота, экономическая кооперация остается преимущественно двусторонней. Аналитики фиксируют преобладание двусторонних форматов над многосторонними и отсутствие устойчивых механизмов финансирования [12]. По мнению И.И. Абылгазиева и А.С. Васецовой, экономический трек во многом «законсервирован» из-за расхождений в подходах к финансированию и конкуренции стратегических инициатив [13].

Политизация и рост внутригрупповых противоречий усиливаются с каждым новым расширением. Некоторые авторы отмечают, что реализация решений ШОС часто бывает неполной и непоследовательной [14]. Включение Ирана вызвало опасения, что организация будет восприниматься Западом как антизападный альянс, что может ограничить ее международные возможности. В SWOT-анализе, проведенном по иранскому кейсу, указывалось, что членство Ирана может осложнить процесс принятия решений и усилить внешнее давление на ШОС [15].

Наконец, многие авторы подчеркивают слабость ШОС в качестве «кризисного менеджера». Несмотря на декларируемый приоритет безопасности, сколько-нибудь активного участия ШОС в купировании острых ситуаций в регионе отмечено не было [5]. Это связано не только с принципом невмешательства, но и с отсутствием действенных инструментов коллективного реагирования.

Возможности расширения ШОС

Расширение состава участников ШОС открывает перед организацией широкий спектр возможностей, позволяющих укрепить ее позиции в качестве одного из ключевых институтов евразийской интеграции. Эти возможности проявляются как в сфере экономики, так и в безопасности, а также в политико-дипломатическом измерении.

Одной из наиболее очевидных возможностей расширения является создание новых каналов для экономического взаимодействия. Геоэкономическое пространство ШОС обладает огромным потенциалом для стратегического экономического роста. Присоединение Индии, Пакистана и Ирана увеличило масштабы внутреннего рынка и обеспечило выход организации к новым транспортным коридорам, связывающим Центральную и Южную Азию с Ближним Востоком. Взаимный обмен энергоресурсами и расширение транзитных маршрутов могут стать базой для формирования устойчивого евразийского энергетического и логистического пространства.

С расширением организации заметно усилились ее перспективы в научно-технической и инновационной кооперации. Российские исследователи подчеркивают, что ШОС формирует условия для обмена знаниями и опытом, что способствует развитию человеческого потенциала в регионе [5]. Приглашение в организацию таких стран, как Индия и Иран, обладающих мощными на-

учно-технологическими школами, открывает возможность для совместных проектов в сфере цифровизации, космических исследований и оборонных технологий.

Политико-дипломатическая значимость расширения также является очевидной. ШОС открывает дополнительные возможности активнее влиять на процессы как в регионе, так и на международной арене. С включением Индии и Пакистана организация приобрела новый уровень глобальной репрезентативности. Это превращает ШОС в весомый голос в вопросах многополярного мироустройства, особенно в сочетании с ее взаимодействием с БРИКС.

Важной возможностью расширения является сопряжение инициатив и проектов, реализуемых в рамках других интеграционных форматов. Исследователи отмечают, что именно сопряжение ШОС с китайской инициативой «Пояс и путь», а также с ЕАЭС и БРИКС позволяет компенсировать слабость собственных экономических институтов [9]. Таким образом, организация может выступать в качестве «узла интеграций», обеспечивая синергию различных проектов и предлагая участникам платформу для координации.

Не менее важной является возможность превратить расширение в инструмент укрепления региональной стабильности. Включение Пакистана и Индии, несмотря на их противоречия, создает потенци-

ал для диалога в рамках многостороннего формата, что позволяет снижать риски эскалации. Включение этих стран, а также Ирана, повышает возможности организации по борьбе с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком, поскольку расширяется охват наиболее уязвимых регионов.

Особое значение имеет энергетическая сфера. Включение Ирана способно придать новый импульс развитию энергетического измерения ШОС, учитывая его ресурсы и стратегическое положение на перекрестке маршрутов в Персидском заливе. Для государств Центральной Азии это открывает перспективы диверсификации экспортных

направлений и повышения энергетической безопасности.

Кроме того, расширение создает возможности для гуманитарного сотрудничества. ШОС традиционно декларировала принцип «шанхайского духа», основанный на невмешательстве и уважении к культурному многообразию. С вступлением новых членов увеличилась культурная, языковая и религиозная вариативность, что может стать основой для развития образовательных и культурных программ. Исследователи отмечают, что именно мягкая сила гуманитарного сотрудничества может укрепить взаимопонимание между народами стран ШОС [5].

Угрозы расширения ШОС

Наряду с новыми возможностями расширение ШОС несет и целый комплекс угроз, способных ослабить организацию и затормозить ее дальнейшее развитие. Наиболее очевидной из них является рост транзакционных издержек консенсуса. Принцип принятия решений в ШОС требует единогласия, и по мере увеличения числа участников он становится все более труднореализуемым. Как отмечает А. МакХэффи, процесс принятия решений в ШОС замедляется, а в условиях расширения еще более усложняется [8]. В результате организация сталкивается с риском паралича по ключевым вопросам, особенно в экономической сфере.

Серьезной угрозой является углубление кризиса идентичности. Расширение за счет Индии, Пакистана и Ирана усилило культурную, религиозную и политическую разнородность, что делает практически невозможным формирование общей ценностной базы. В итоге «шанхайский дух» может размыться, а сама организация превратиться в форум для деклараций без реальных механизмов реализации.

Особое беспокойство вызывает возможность переноса на площадку ШОС межгосударственных конфликтов. Они могут не только усложнять принятие решений, но и подрывать атмосферу доверия, на которой строится сотрудничество в сфере безопасности.

Угрозы связаны и с внешним восприятием ШОС. Включение Ирана вызвало опасения, что организация будет трактоваться Западом как антизападный альянс. Членство Ирана может осложнить процесс принятия решений и усилить внешнее давление на ШОС. В условиях санкционной политики Запада это может привести к вторичным санкциям и затруднениям в реализации проектов, особенно в финансовой сфере.

Отсутствие общего финансирующего института делает организацию зависимой от инициатив отдельных государств. Вопрос о создании Банка развития ШОС продолжает тормозить развитие этого направления [11]. Присоединение новых участников увеличивает потребности в финансировании, но при этом лишь усложняет поиск компромиссов. В результате сохраняется превалирование двусторонних форматов над многосторонними [12], что подрывает интеграционную логику объединения.

Угрозой для ШОС остается и конкуренция с другими интеграционными проектами. Европейский союз предлагает Центральной Азии модель «связывания через стандарты», тогда как ШОС апеллирует к «шанхайскому духу» [5]. Эта конкуренция затрудняет выработку единых правил торговли и таможенного регулирования внутри ШОС. Дополнительным риском является возможное дублирование функций с БРИКС и ЕАЭС: расширение приводит к росту числа пересекающихся проектов, но без четкого механизма координации это оборачивается фрагментацией усилий.

Наконец, угрозу представляет несостоятельность ШОС в решении острых конфликтов. Если в условиях расширения организация не сможет доказать свою эффективность, она рискует утратить доверие участников и превратиться в формальную площадку без реального влияния.

Заключение

Расширение ШОС стало важнейшим этапом ее эволюции и определило переход от региональной структуры Центральной Азии к масштабному евразийскому объединению. SWOT-анализ показывает, что процесс расширения имеет двойственный эффект: с одной стороны, он укрепил позиции организации, расширив ее геополитическое и экономическое пространство, а с другой – выявил новые

ограничения и риски, которые необходимо учитывать при оценке перспектив развития.

Сильные стороны расширения ШОС выражаются в нескольких плоскостях: геополитической (расширение территории и населения, рост международного веса), институциональной (развитие документов и процедур, укрепление идентичности), безопасности (совместная борьба с терроризмом),

экономике и транзите (новые транспортные коридоры и энергетическое сотрудничество), а также в научно-культурном обмене. Все это превращает ШОС в более масштабного и комплексного игрока на евразийской арене.

Однако расширение обострило и слабые стороны. Они концентрируются вокруг четырех ключевых направлений: кризис идентичности и рост разнородности интересов; институциональные ограничения и принцип консенсуса, тормозящий решения; асимметрия влияния Китая и России при наличии новых конкурирующих центров силы; а также структурная экономическая слабость и политизация, связанная с двусторонними противоречиями. Все это снижает способность организации превращаться в полноценное интеграционное объединение и делает ее эффективность зависимой от внешних факторов и ситуативных компромиссов.

Вместе с тем расширение открывает значительные возможности. Организация получает шанс превратиться в более комплексную площадку для координации в сфере экономики, науки, энергетики и безопасности; расширяет свой международный вес и усиливает переговорные позиции; обретает доступ к новым транспортным маршрутам и источникам энергоресурсов; а также получает возможность использовать многообразие культур и идентичностей в качестве инструмента гуманитарного сближения. Это придает ШОС потенциал для дальнейшего развития в качестве

ключевого института евразийской многовекторной интеграции.

Тем не менее угрозы расширения нельзя недооценивать. Они концентрируются в четырех областях: институциональной (замедление консенсуса, риск паралича решений), идентификационной (кризис ценностей и разнородность интересов), политико-безопасностной (перенос конфликтов, рост соперничества между членами) и экономической (отсутствие общего финансового механизма, конкуренция с другими интеграционными форматами). Эти факторы могут не только снизить эффективность организации, но и поставить под вопрос саму возможность ее дальнейшей институционализации.

Таким образом, расширение усиливает многовекторность ШОС, но одновременно повышает цену принятия единого решения и риски размывания идентичности. Организация остается устойчивее в сфере безопасности, где накоплен опыт институционализации и совместных действий, тогда как экономическое сотрудничество по-прежнему требует укрепления – создания общих институтов финансирования, гармонизации правил торговли и согласования стратегий.

Ответ на заявленную исследовательскую проблему состоит в том, что способность ШОС эффективно решать задачи в области безопасности сохраняется даже в условиях расширения, тогда как экономическое измерение оказывается наиболее уязвимым. Будущее организации зависит от того, сумеет ли она

превратить многовекторность из фактора риска в инструмент синергии – за счет сопряжения проектов, укрепления финансовых основ и выстраивания более четкой институциональной архитектуры.

Только в этом случае ШОС сможет сохранить баланс между безопасностью и экономическим сотрудничеством и подтвердить свою роль в формировании многополярного миропорядка.

Список литературы

1. Муратбекова А. Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 4. С. 138–160. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-07
2. Xue Ya., Makengo B.M. Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects // Open Journal of Social Sciences. 2021. № 09 (10). P.184–200. DOI: 10.4236/jss.2021.910014
3. Li X., Wang Y. X. The results of the 20-year Economic Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization and its development prospects // Finance: Theory and Practice. 2021. № 25(3). P.159–174. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-3-159-174
4. Кочетков Е.Е., Бестаева Е.В. Шанхайская организация сотрудничества: этапы расширения и перспективы эволюции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. № 15(1). С. 87–94. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-87-94
5. Уянаев С.В., Кулинцев Ю.В. ШОС: проблемы и возможные пути их решения // Аналитические записки ИКСА РАН. 2023. Вып. 3. С. 25–31. DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026
6. Seiwert E. Expanding the Shanghai Cooperation Organisation: mechanisms, perspectives, and challenges for the region and beyond // POLICY BRIEF. 2023. № 83. P.1–7.
7. Khan H.U., Ali F. The Shanghai Cooperation Organization's Role in Stabilizing South Asia // International journal of social sciences bulletin. 2025. Volume 3. Issue 5. P. 736–750. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.15525022>
8. MacHaffie J. Mutual trust without a strong collective identity? Examining the Shanghai cooperation organization as a nascent security community // Asian Security. 2021. № 17:3, P. 349–365, DOI: 10.1080/14799855.2021.18951156.
9. Malik Z.A., Bibi B., Khan F. A Critical Analysis of the Structure and History of the Shanghai Cooperation Organization // Research Mosaic. 2022. Volume 2. Issue 1. P. 09–15.

10. Конаровский М.А. Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 149–161.
11. Конаровский М.А. ШОС и БРИКС: возможности и перспективы сопряжения // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 4. С. 161–171. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-08.
12. Горда А.С. Стратегические направления развития экономической интеграции в рамках ШОС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. Вып. 4. С. 181–186.
13. Абылгазиев И.И., Васецова А.С. Итоги председательства Российской Федерации в ШОС и БРИКС в 2020 году // Век глобализации. 2021 № 2. С.109–117. DOI: 10.30884/vglob/2021.02.09
14. Iqbal K. Shanghai Cooperation Organization (SCO): A Catalyst for Regional Integration and Connectivity // Journal of Social Sciences Review. 2024. № 4 (4). P. 131–139. DOI: <https://doi.org/10.54183/jssr.v4i4.433>
15. Honrada G.J.P., Ranjbar D. Iran's Membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT analysis // Asia and Africa today. 2023. № 3. P. 30–36. DOI: 10.31857/S032150750021972-1

AVIMSKY Vladislav A. – Senior Lecturer at the Department of Customs Affairs of the Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia, e-mail: avlad1@bk.ru

Keywords: SCO, economic cooperation, security, multi-vector, regional integration, China, Russia, India, Iran, Pakistan.

SCO EXPANSION: FINDING A BALANCE BETWEEN SECURITY AND ECONOMIC COOPERATION

Abstract

The article examines the impact of the expansion of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) on the ability of the association to maintain a balance between security priorities and the objectives of economic cooperation. The expansion of the membership, which included India, Pakistan and Iran, gave the organization new geopolitical dimensions, increased its multi-vector nature and international importance, but at the same time exacerbated internal contradictions. Based on SWOT analysis and analysis of the work of Russian and foreign researchers, it is shown that the SCO remains more consolidated in security issues than in the economic sphere. The expansion has increased the imbalance between China's economic capabilities and Russia's political role, which in some cases has led to fragmentation of the economic agenda. At the same time, multi-vector nature has become a factor contributing to the growth of the SCO's international flexibility and its adaptability to the new system of global interactions. It is concluded that the further effectiveness of the organization depends on the ability to develop institutional mechanisms that allow maintaining a balance between security and economic development in the context of a growing diversity of interests.

References

1. Muratbekova A. The identity crisis of the Shanghai Cooperation Organization: what will happen next? // *Bulletin of International Organizations*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 138-160. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-07
2. Xue Ya., Makengo B.M. Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects // *Open Journal of Social Sciences*. 2021. № 09 (10). P.184–200. DOI: 10.4236/jss.2021.910014
3. Li X., Wang Y. X. The results of the 20-year Economic Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization and its development prospects // *Finance: Theory and Practice*. 2021. № 25(3). P.159-174. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-3-159-174
4. Kochetkov E.E., Bestaeva E.V. The Shanghai Cooperation Organization: stages of expansion and prospects of evolution // *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2025. No. 15(1). P. 87–94. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-87-94
5. Uyanaev S.V., Kulintsev Yu.V. SCO: problems and possible solutions // *Analytical notes of ICSA RAS*. 2023. Issue 3. P. 25–31. DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026
6. Seiwert E. Expanding the Shanghai Cooperation Organisation: mechanisms, perspectives, and challenges for the region and beyond // *POLICY BRIEF*. 2023. № 83. P.1–7.
7. Khan H.U., Ali F. The Shanghai Cooperation Organization's Role in Stabilizing South Asia // *International journal of social sciences bulletin*. 2025. Volume 3. Issue 5. P. 736–750. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.15525022>
8. MacHaffie J. Mutual trust without a strong collective identity? Examining the Shanghai cooperation organization as a nascent security community // *Asian Security*. 2021. № 17:3, P. 349-365, DOI: 10.1080/14799855.2021.18951156.
9. Malik Z.A., Bibi B., Khan F. A Critical Analysis of the Structure and History of the Shanghai Cooperation Organization // *Research Mosaic*. 2022. Vol. 2. Issue 1. P. 09–15.
10. Konarovskiy M.A. Russia– SCO: some elements of strategy // *Bulletin of International Organizations*. 2016. Vol. 11. No. 4. P. 149–161.
11. Konarovskiy M.A. The SCO and BRICS: opportunities and prospects for integration // *Bulletin of International Organizations*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 161–171. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-08.
12. Gorda A.S. Strategic directions for the development of economic integration within the SCO // *Greater Eurasia: development, security, cooperation*. 2021. Issue 4. P. 181–186.

13. Abylgaziev I.I., Vasetsova A.S. Results of the Russian Federation's chairmanship in the SCO and BRICS in 2020 // The age of globalization. 2021 No. 2. P.109-117. DOI: 10.30884/vglob/2021.02.09
14. Iqbal K. Shanghai Cooperation Organization (SCO): A Catalyst for Regional Integration and Connectivity // Journal of Social Sciences Review. 2024. № 4 (4). P. 131–139. DOI: <https://doi.org/10.54183/jssr.v4i4.433>
15. Honrada G.J.P., Ranjbar D. Iran's Membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT analysis // Asia and Africa today. 2023. № 3. P. 30–36. DOI: 10.31857/S032150750021972-1

Статья поступила в редакцию 2.10.2025.

Принята к публикации: 20.10.2025.

РАБОТОДАТЕЛИ МИГРАНТОВ: КТО, КАК И ПОЧЕМУ НАНИМАЕТ ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ?

Аннотация

В статье дается краткий обзор отечественных исследований, посвященных организациям, привлекающим иностранную рабочую силу. Представлены результаты опроса московских работодателей, имевших опыт найма иностранных работников в 2021–2023 гг. Рассмотрены вопросы о том, какие предприятия чаще других нанимают мигрантов, по каким причинам российские работодатели привлекают иностранную рабочую силу, каковы основные каналы поиска иностранных работников, почему и где наиболее распространены практики нелегальной и неформальной занятости иностранцев.

Введение

В российском общественно-политическом дискурсе работодатели, привлекающие иностранных работников, зачастую изображаются как жадные эксплуататоры несправедливой и/или дешевой рабочей силы, игнорирующие потребности развития

национального рынка труда вследствие собственных эгоистических интересов. В последние годы все чаще звучат предложения о санкциях в отношении компаний, нанимающих иностранцев. Среди подобных инициатив – введение «налога за ми-

ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук, Россия, Москва, email: ksenia_grig@mail.ru, SPIN-код: 1936-2386

Ключевые слова: трудовая миграция, работодатели, иностранные работники, практики найма, нелегальная и неформальная занятость

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_90

грантов», установление ответственности работодателей за преступления, совершаемые иностранными работниками¹, запрет компаниям, принимающим на работу иностранцев, участвовать в государственных и муниципальных закупках².

Несмотря на бурные дебаты вокруг работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу, исследования, посвященные им, редки. Недостаток научно обоснованной информации о том, кто, как и почему нанимает иностранцев,

способствует распространению не соответствующих действительности утверждений, вплоть до теорий заговора о работодателях, завозящих в Россию мигрантов с вредительскими целями³.

Настоящая статья стремится стать шагом на пути восполнения указанной лакуны, представляя обзор результатов ранее проведенных исследований и анализ данных опроса работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу, проведенного в 2023 г. в Москве.

Российские исследования, посвященные работодателям мигрантов

Среди имеющихся научных работ, посвященных компаниям, привлекающим иностранцев, можно выделить проведенные с использованием качественной методологии [5; 3], количественные опросы [1; 2; 4] и экспериментальные [6] исследования.

Тематически они распадаются на работы, посвященные анализу целого спектра эмпирических вопросов, в т. ч. мотивов и источников привлечения мигрантов, процедур их легализации, условий труда и оформления трудовых отношений с иностранцами, сильных и слабых сторон

иностранных работников по сравнению с россиянами с точки зрения работодателей, влияния на привлечение иностранной рабочей силы ситуативных факторов (изменений миграционного законодательства, экономических кризисов, COVID-19) [2; 4; 5], и более узким тематическим проблемам. К последним можно отнести изучение практик взаимодействия низкоквалифицированных иностранных работников и работодателей [3], доступа на российский рынок труда мигрантов из разных стран исхода [6], проблем дискриминации иностранцев [1] и др.

¹ Глава СКР Бастрыкин предложил налог за мигрантов, лидер СРЗП Миронов – санкции для работодателей // ИА Рех. 11 апреля 2023. URL: <https://iarex.ru/news/93670.html> (дата обращения: 05.10.2025).

² Заманова Р. В Госдуме призвали ввести ограничения для компаний, нанимающих мигрантов // Газета.ру. 25 сентября 2025. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/09/25/26810738.shtml> (дата обращения: 05.10.2025).

³ Кирилл Кабанов [телеграм-канал] // Telegram. 15 мая 2023. URL: <https://t.me/kabanovkv/1492> (дата обращения: 05.10.2025).

Основные содержательные результаты указанных работ заключаются в следующем:

В настоящее время ключевой причиной привлечения иностранной рабочей силы российскими работодателями является кадровый голод. Для найма иностранных работников нередко используются аутсорсинговые компании. Основными плюсами найма иностранцев работодатели считают их большую, по сравнению с россиянами, готовность работать сверхурочно и за меньшую оплату, а также более высокую трудовую дисциплину. В то же время по уровню квалификации, способности переучиваться и работать в коллективе трудовые мигранты, по мнению работодателей, уступают российским работникам [2].

Среди отечественных компаний сохраняются практики нелегального и неформального привлечения иностранцев (без разрешительных документов и/или без оформления трудовых договоров), при этом чаще такие практики распространяются на низкоквалифицированных мигрантов, тогда как квалифицированных обычно оформляют по всем правилам действующего законодательства [2; 5].

Россияне и мигранты, как правило, не конкурируют между собой. Конкурентами, скорее, являются разные группы мигрантов [1; 5]. При этом для иностранцев характерна большая интенсивность труда по сравнению с россиянами [1; 3].

COVID-19, экономические и геополитические потрясения, ужесточения миграционного законодатель-

ства не привели к видимому снижению интереса работодателей к привлечению иностранной рабочей силы [2; 4; 5]. Значительная доля тех, кто ранее нанимал мигрантов, заявили о намерении принимать иностранцев на работу и впредь.

Вопрос различий в уровне оплаты труда российских и иностранных работников – дискуссионный. Ряд исследователей настаивает на том, что оплата труда россиян и иностранцев идентична на аналогичных должностях [2]. Другие авторы, напротив, приходят к выводу о дискриминации иностранных работников по уровню заработной платы [1; 5].

Это противоречие, вероятно, объясняется сосредоточенностью исследователей на разных показателях: те, кто утверждает, что дискриминации в оплате труда нет, ориентируются на свидетельства работодателей о равных месячных заработных платах иностранцев и россиян. В то же время ученые, указывающие на наличие дискриминации, отмечают, что иностранцам приходится работать почти вдвое интенсивнее россиян за те же деньги [1; 5].

Кроме того, в результате широкого распространения неформальной занятости среди мигрантов (особенно на низкоквалифицированных должностях), у них, в отличие от местных жителей, зачастую отсутствует доступ к социальным гарантиям, пособиям и льготам, предоставляемым предприятиями, на которых они трудятся [3].

Предпочтения работодателей в отношении работников разной на-

циональности⁴ также служат предметом дискуссий. Согласно одним авторам, работодатели в целом индифферентны к национальной принадлежности сотрудников [2]. Однако другие исследователи утверждают, что предпочтения в области национальной принадлежности работников все же существуют. Так, экспериментальное исследование доступа иностранцев на российский рынок труда, проведенное с помощью метода «заочных тестов» (рассылки резюме, различающихся лишь национальностью соискателей, и последующего сравнения реакции на них работодателей) пока-

зало, что имеется определенная иерархия более и менее желательных национальностей потенциальных работников. На вершине этой пирамиды находятся россияне, за ними следуют граждане Беларуси и Украины, затем, с довольно большим отрывом, – мигранты из Армении и Кыргызстана, а наименее благоприятная ситуация у граждан Таджикистана, Узбекистана и Азербайджана, которым необходимо разослать в два, а то и в три раза больше резюме (по сравнению с выходцами из Украины и Беларуси), чтобы получить приглашение на собеседование [6].

Методология и эмпирическая база исследования

Переходя к изложению результатов нашего исследования, внесем необходимые пояснения в части его методологии и эмпирической базы.

Исследование было проведено Центром этнополитических и региональных исследований⁵ по запросу НИУ ВШЭ в 2023 г. методом количественного опроса, который охватил 750 московских предприятий и организаций, привлекающих иностранную рабочую силу. Опрошенные работодатели имели опыт найма иностранных работников в 2021–2023 гг.

Выборка предприятий и организаций, нанимающих иностран-

цев, формировалась при помощи квотного отбора. Его ключевым критерием стали сведения о видах экономической деятельности (ВЭД) предприятий, привлекающих иностранных работников. Для осуществления процедуры квотирования использовались данные Пенсионного фонда России (ПФР).

На первом этапе формирования выборки были рассчитаны доли предприятий различных видов деятельности, где могут работать иностранцы. На втором этапе – долевые соотношения корректировались в сторону увеличения для тех ВЭД, где наиболее высок удельный вес работающих без оформления

⁴ Здесь и далее термины «национальность», «национальная принадлежность» используются как синонимы гражданства.

⁵ Руководитель проекта – В.И. Мукомель.

разрешительных документов⁶: торговля, транспортировка и хранение, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги, социальные услуги, прочие виды услуг.

Основой выборки послужила база данных СПАРК. Отбор организаций по видам экономической деятельности шел подряд, организации разной величины распределялись случайным образом. При этом в выборку не включались предприятия, где численность занятых составляла менее 10 чело-

век, поскольку такие организации редко официально принимают на работу иностранцев и практически не попадают в статистику ПФР.

Опрос проводился методом личного интервью. В качестве респондентов выступали владельцы и руководители предприятий (в основном при проведении анкетирования на микропредприятиях), руководители и сотрудники отделов кадров. В среднем стаж работы опрошенных в обследуемых организациях составлял 7,4 года.

Результаты исследования

Какие предприятия чаще других нанимают мигрантов?

Проведенное исследование показало, что чаще всего привлекают иностранную рабочую силу микро- и малые предприятия, численность работников которых составляет не более 15 и 100 человек соответственно. Их совокупная доля в числе организаций, принимающих на работу иностранцев, – 75,4%.

Средние и крупные предприятия, нанимающие иностранных работников, встречались только в

сфере строительства и обрабатывающих производств.

Иностранцы лучше всего представлены в числе сотрудников предприятий и организаций торговли, в обрабатывающих производствах, профессиональной, научной и технической деятельности, строительстве, гостиничном бизнесе и общепите.

Более 70% предприятий, нанимающих мигрантов, действуют в сфере услуг.

Причины найма иностранных работников и занимаемые ими рабочие места

Основная причина, по которой российские работодатели нанимают иностранных работников, – кадровый голод. В 2023 г. россий-

ским компаниям, привлекающим мигрантов, прежде всего, не хватало квалифицированных и неквалифицированных рабочих (недоком-

⁶ Поскольку данные ПФР учитывают только официально оформленных работников.

плект 27,7 и 29% соответственно), работников сферы торговли и обслуживания (22%). При этом по-

требность в руководителях высшего и среднего звена была лишь у 6,1% работодателей (таблица 1).

Таблица 1.

**Укомплектованность организаций кадрами
разных должностных категорий, %**

Должностные категории персонала	Степень укомплектованности кадрами			
	Избыток	Укомплектована	Недостаток	З/о
Руководители высшего и среднего звена	1,5	90,4	6,1	2,0
Специалисты высшей и средней квалификации	0,7	83,8	13,7	1,7
Служащие, исполнители (клерки)	1,9	85,3	9,9	2,9
Работники сферы обслуживания и торговли	1,1	69,8	22,0	7,1
Квалифицированные рабочие	1,0	68,5	27,7	2,7
Неквалифицированные рабочие	2,8	64,0	29,0	4,2

Проведенное исследование выявило следующую закономерность: как правило, на тех позициях, где кадровый дефицит вы-

ражен сильнее, доли иностранных работников и смешанных коллективов выше (таблица 2).

Таблица 2.

**Представленность иностранных и российских
работников в разных должностных категориях, %**

Должностные категории персонала	Состав рабочих коллективов			
	Только российские	Только иностранные	И те, и другие	З/о
Руководители высшего и среднего звена	82,7	1,7	12,9	2,8
Специалисты высшей и средней квалификации	60,2	1,4	36,0	2,4
Служащие, исполнители (клерки)	50,7	5,0	39,9	4,4
Работники сферы обслуживания и торговли	22,1	10,1	52,4	15,5
Квалифицированные рабочие	32,0	6,1	53,3	8,7
Неквалифицированные рабочие	13,6	17,1	61,8	7,5

Вместе с тем, как видно из приведенных данных, иностранные и смешанные трудовые коллективы особенно широко представлены на позиции неквалифицированных рабочих. По-видимому, это обусловлено, с одной стороны, нежеланием россиян занимать подобные рабочие места, как правило, характеризующиеся тяжелыми условиями труда и сравнительно низкой заработной платой, а с другой стороны, невысокими профессиональными компетенциями значитель-

ной части иностранных граждан (большинство которых обладает лишь общим средним образованием) или их готовностью на любую работу, в том числе не соответствующую их квалификации.

Аналогичную картину показывает и вопрос о доле представленных иностранцев на различных должностях: медианные значения наиболее высоки среди работников сферы обслуживания и торговли и (особенно) неквалифицированных рабочих (рис. 1).

Рис. 1. Медианные доли иностранных работников на разных должностях, %

Основные каналы привлечения иностранцев. Помощь в обустройстве

Основными способами поиска иностранных работников являются: размещение вакансий в Интернете (37,8%); «сарафанное радио» — поиск работников через сотрудников, коллег, знакомых (31,6%);

приглашение тех иностранцев, которые уже работали на предприятии (27,1%). Кроме того, значительная часть иностранных граждан сама обращается на предприятия в поисках работы (рис. 2).

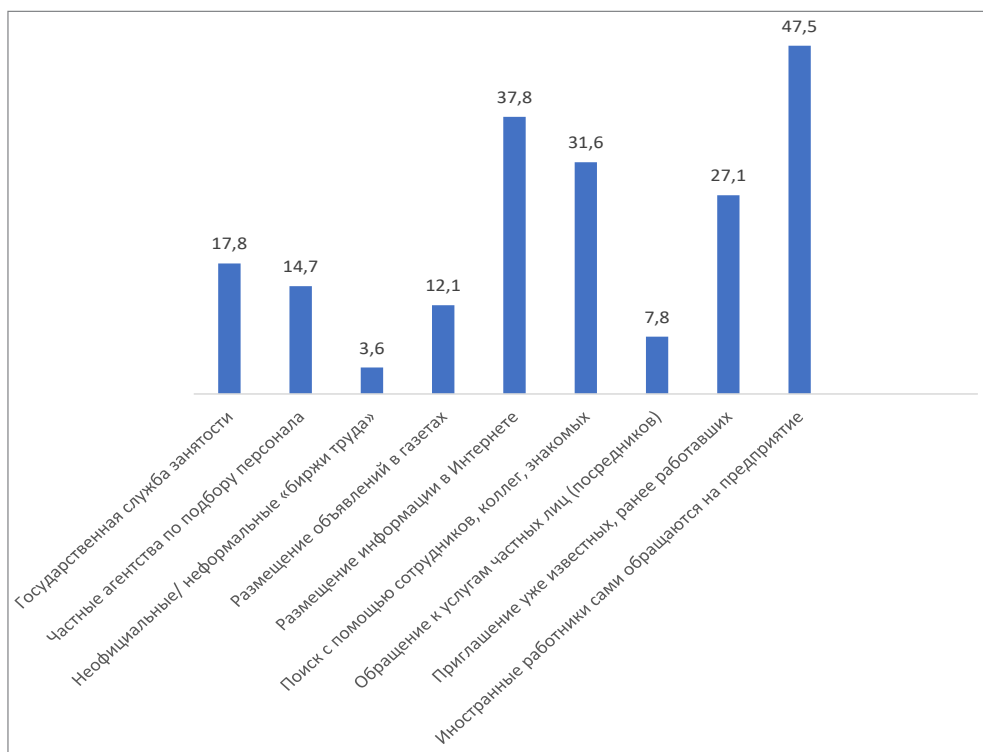

Рис.2. Каналы поиска иностранных работников, %

Интересно, что довольно востребованным каналом поиска иностранной рабочей силы выступает государственная служба занятости (17,8%). Еще 14,7% опрошенных сообщают об обращениях в частные агентства по подбору персонала (аутсорсинг). Популярность последних объясняется тем, что при использовании аутсорсинга, предприятия не несут ответственности за возможные нарушения иностранцами миграционного законодательства. При этом, вопреки бытующему мнению о широком распространении практик частного посредничества при трудоустройстве иностранцев, менее десятой

доли работодателей прибегают к услугам частных лиц при поиске иностранного персонала.

Следует также отметить, что значительная часть предприятий оказывает помощь в обустройстве своим иностранным работникам. Чаще всего оплачивается (предоставляется) питание на рабочем месте. Около трети организаций помогает оформить необходимые разрешительные документы. 26,7% – частично или полностью оплачивают жилье. Около пятой части работодателей компенсирует проезд на работу и с работы, 15,7% оплачивают профессиональное обучение. У 7% даже предусмотрена компенсация курсов

по изучению русского языка. Лишь около трети работодателей не оказы-

вает никакой поддержки своим работникам-иностранцам (рис.3).

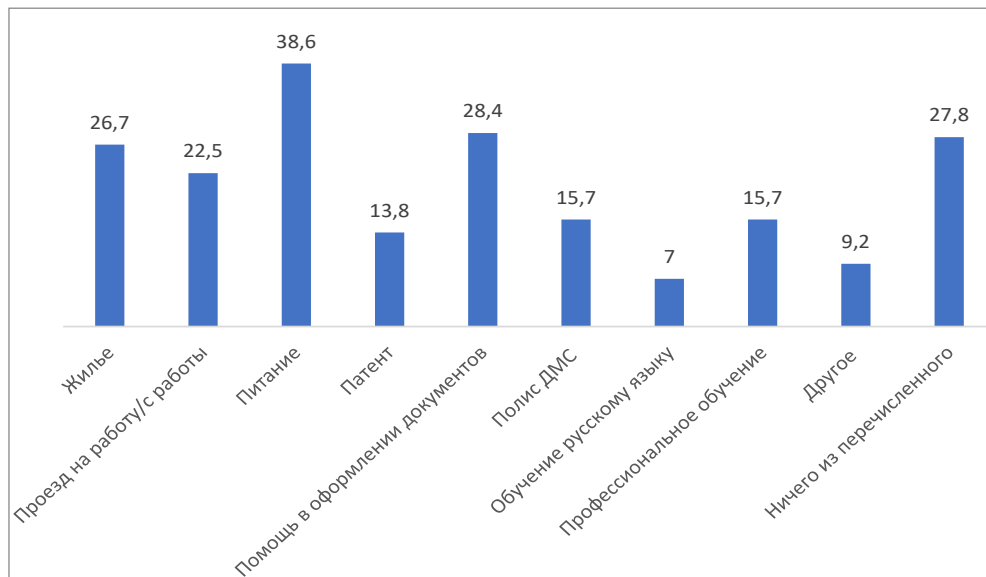

Рис.3. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного ваше предприятие предоставляло или оплачивало иностранным работникам в 2021–2023 гг.?», %

Таким образом, несмотря на распространенное мнение о предприятиях, нанимающих иностранцев, как о компаниях с низкой социальной ответственностью, стре-

мящихся максимально сэкономить на персонале, значительная часть из них оказывает иностранцам сильную помощь.

Нарушения действующего законодательства при привлечении иностранной рабочей силы

Работодатели признают, что при найме иностранных граждан законодательство периодически нарушается. Основной причиной этого, по мнению респондентов (22,9%), является сложная и продолжительная система оформления иностранных работников. Другие распространенные стимулы для обхода

действующих законодательных норм – запутанность и противоречивость процедур, которым сложно следовать в полном объеме; высокие налоги на доходы иностранцев, не являющихся налоговыми резидентами; дополнительные расходы на легальных иностранных работников (таблица 3).

Таблица 3.**Основные причины нарушения законодательства работодателями, по мнению опрошенных, %**

Варианты ответов	%
Из-за сложной и продолжительной системы оформления иностранных работников	22,9
Из-за запутанных, противоречивых процедур, которым слишком сложно следовать в полном объеме	12,4
Из-за вымогательства со стороны чиновников	3,0
Из-за высоких налогов на доходы иностранных работников, не являющихся налоговыми резидентами	8,3
Из-за дополнительных расходов на легальных иностранных работников	8,4
Из-за возможности использовать несовершенства в законодательстве	3,8
В надежде «договориться» с проверяющими	2,0
В надежде избежать проверок	7,6
Из-за другого	7,6
Затрудняюсь ответить	50,5

Около пятой части работодателей признаются в том, что нарушали действующее законодательство,

принимая иностранцев на разовые неквалифицированные работы без оформления договора (рис.4).

Рис. 4. Привлечение иностранцев на разовые неквалифицированные работы (разнорабочие, уборщицы и т.п.) без оформления договора, %

Это соответствует результатам других исследований, показывающих, что неофициальное привлечение иностранной рабочей силы чаще практикуется на низовых должностях, тогда как квалифицированных сотрудников стараются оформлять официально.

Подавляющая доля опрошенных, как видно из приведенных данных, настаивает на том, что официально оформляют иностранных работников, не допуская нарушений. Впрочем, учитывая сензитивность вопроса, сложно сказать, насколько это соответствует действительности.

Заключение

Проведенное исследование позволило ответить на вопрос о том, кто, как и почему нанимает иностранных работников. Было установлено, что основную долю предприятий, привлекающих иностранную рабочую силу, составляют малые и микропредприятия. Ключевая сфера занятости иностранцев – сфера услуг. Эти данные хорошо согласуются с результатами предыдущих исследований [2].

Рекрутинг иностранных работников, как правило, происходит посредством размещения вакансий в Интернете, «сарафанного радио», приглашения уже работавших на предприятии иностранцев. При этом почти половина трудовых мигрантов сама обращается в организации в поисках работы. Кроме того, относительно востребованными являются услуги аутсорсинга.

При привлечении иностранцев на разовые низкоквалифицированные работы довольно распространен найм нелегальной рабочей силы (без необходимых разрешительных документов) и неформального трудоустройства (без заключения договора). Однако подавляю-

щее большинство работодателей утверждают, что не нарушают действующее законодательство при приеме на работу иностранцев.

Основной причиной нарушений закона, когда таковые допускаются, по утверждениям работодателей, является сложная и продолжительная система оформления иностранных работников.

В качестве главной причины привлечения иностранцев, по свидетельствам респондентов, выступает кадровый голод, особенно выраженный в отношении квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Относительно широкая представленность иностранцев на должностях низкоквалифицированного персонала позволяет предположить, что россияне не стремятся замещать подобные должности, характеризующиеся тяжелыми условиями труда и невысокой заработной платой. О том, что в случае отсутствия дефицита кадров на рынке труда, работодатели предпочли бы привлекать россиян, говорят и проведенные экспериментальные исследования, показавшие, что большая часть работодателей предпочитает нани-

мать российских граждан, а не иностранцев [6].

Интересным результатом проведенного исследования стали данные о том, что значительная доля российских работодателей по мере возможностей старается оказывать своим иностранным работникам помощь в обустройстве. Наиболее распространенными видами такой помощи является предоставление

питания на рабочем месте, компенсация дорожных расходов, частичная оплата жилья. Подобные практики идут вразрез с распространенными в общественно-политических дискурсах утверждениями о том, что работодатели, привлекающие иностранцев, представляют собой хищнические предприятия, полностью лишенные социальной ответственности.

Список литературы

1. Вакуленко Е., Леухин Р. Дискриминируются ли иностранные работники на российском рынке труда? // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 1. С. 121-142.
2. Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Иностранные работники в России: мнения работодателей // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 26-37.
3. Лисицын П. П., Степанов А. М. Формы взаимодействия низкоквалифицированных трудовых мигрантов и работодателей в принимающих обществах (на примере Греции, России и Франции) // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 4. С. 611-626.
4. Флоринская Ю.Ф. Наем мигрантов в период кризиса (по результатам социологических опросов и фокус-групп) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 6. С. 149-156.
5. Флоринская Ю.Ф. Работодатели и иностранные мигранты на рынках труда крупных российских городов // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2. С. 144-154.
6. Эндрюшко А.А. Григорьева К.С. Мигранты на российском рынке труда: оценка стартовых возможностей // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 26-43.

GRIGOR'EVA Kseniya S. – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, The Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow, e-mail: ksenia_grig@mail.ru

Keywords: labor migration, employers, foreign workers, hiring practices, illegal and informal employment

EMPLOYERS OF MIGRANTS: WHO, HOW, AND WHY HIRE FOREIGN WORKERS?

Abstract

This article provides a brief overview of Russian research on organizations that employ foreign workers. The results of a survey of Moscow employers who hired foreign workers in 2021–2023 are presented. It examines which companies most frequently hire migrants, the reasons why Russian employers employ foreign workers, the main channels for finding foreign workers, and the reasons and locations for the most widespread practices of illegal and informal employment of foreigners.

References

1. Vakulenko E., Leukhin R. Wage Discrimination Against Foreign Workers in Russia // *Ekonomicheskaya Politika*. 2016. Vol. 11. No. 1. Pp. 121-142.
2. Denisenko M.B., Mukomel V.I. Foreign Workers in Russia: Employers' Opinions. *Sociological Studies*. 2023. No. 1. Pp. 26-37.
3. Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. Ordinary Forms of Interaction Between Unskilled Labour Migrants and Employers in Receiving Societies (The Case of Russian, Greek, and French Cities) // *The Journal of Social Policy Studies*. 2018. Vol. 16. No. 4. Pp. 611-626.
4. Florinskaya Y.F. Hiring migrants during the crisis (according to sociological surveys and focus groups) // *Studies on Russian Economic Development*. 2010. No. 21. Pp. 149-156.

5. Florskaya Yu. F. Employers and Foreign Migrants in The Labor Markets of Major Russian Cities: Interaction in New Conditions // Studies on Russian Economic Development. 2018. No. 2. Pp. 144-154.
6. Endryushko A. A. Grigor'eva K. S. Migrants in the Russian Labor Market: An Assessment of Starting Opportunities // Etnograficheskoe obozrenie. 2022. No. 4. Pp. 26-43.

Статья поступила в редакцию 4.10.2025.

Принята к публикации 28.10.2025.

Мария РЯБОВА,
Даниил ТУМБУСОВ

ПОЛЬША И ФИНЛЯНДИЯ В ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ А. ТОЙНБИ

Аннотация

Исследование интеграционной политики Российской империи (XVIII – начало XX вв.) через концепцию «вызов-ответ» (А. Тойнби) раскрывает гибридную модель управления, сочетавшую автономию (сохранение языка, религиозной идентичности, местных законов в Финляндии и Царстве Польском) с поэтапной централизацией. На материале этих регионов показано, что империя адаптировалась к вызовам полиэтничности, балансируя между локальными институтами (финский сейм, польская судебная система) и административной унификацией, что обеспечивало устойчивость системы (лояльность элит, контроль территорий). Кризис конца XIX в., вызванный ростом национализма и внешнеполитическими вызовами (дипломатическая поддержка польского движения европейскими державами, угрозы территориальной стабильности в приграничных регионах), трактуется как фаза системного надлома: переход к жесткой унификации (ограничение финляндской автономии через Манифест 1890 г., ликвидация польских институтов

РЯБОВА Мария Михайловна – старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета, Россия, Орехово-Зуево, email: ryabova_mm@mail.ru, SPIN-код: 9774-9810, ORCID: 0009-0000-9918-3545

ТУМБУСОВ Даниил Дмитриевич – ассистент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета, Россия, Орехово-Зуево, email: tumbusov_daniil2002@mail.ru, SPIN-код: 3390-4369, ORCID: 0009-0000-1798-772

Ключевые слова: интеграционная политика Российской империи, концепция «вызов-ответ» (А. Тойнби), гибридная модель управления, автономия и централизация, полиэтничность

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_104

в 1864–1867 гг.) нарушил равновесие, ускорив дезинтеграцию. Результаты, развивая подходы Дж. Бёрбанк и Ф. Купера к анализу имперских стратегий, позволяют переосмыслить интеграцию как процесс поиска устойчивости в условиях междивизиационного противостояния, выявляя цикличность баланса и надлома в качестве адаптационного механизма.

Введение

Современная историческая наука, преодолевая ограничения формационного подхода, обращается к цивилизационным моделям, акцентирующим нелинейность социальных процессов. Теория Арнольда Тойнби, изложенная в трудах «Постижение истории» и «Цивилизация перед судом истории», предлагает модель цивилизационной динамики, включающую: механизм «вызова-ответа», этапы роста, надлома и распада, а также концепцию цивилизационного антагонизма, где Россия позиционируется как наследница византийской традиции, противостоящей западному экспансионизму. Особое значение для данного исследования приобретает тезис Тойнби о «творческом меньшинстве» – элитах, способных формулировать адаптивные ответы на исторические вызовы.

Ключевое методологическое допущение исследования базируется на цивилизационной парадигме Арнольда Тойнби, в рамках которой интеграционные практики Российской империи интерпретируются как репрезентация ее ценностных оснований – византийского наследия и православной этики. Согласно Тойнби, эти элементы

формируют социальную память (по терминологии ученого), определяющую логику развития и консолидации цивилизации. Опираясь на тезис о «культурном синтезе» – способности цивилизации ассимилировать внешние влияния, сохраняя ядро идентичности, – данное допущение применяется для анализа механизмов управления этнокультурным разнообразием в имперском контексте.

Цель исследования заключается в изучении интеграционных практик Российской империи через призму методологии Тойнби, включая анализ политики в отношении автономных регионов (Финляндия, Царство Польское) в XIX веке. В фокусе внимания – выявление стратегий, посредством которых имперская власть отвечала на «вызовы» (по терминологии Тойнби), связанные с необходимостью управления полиэтническими территориями. Методологическая основа работы объединяет: категории цивилизационного подхода Тойнби («вызов-ответ», «культурный синтез», «надлом»), раскрывающие адаптацию институтов к внутренним и внешним кризисам; историко-генетический метод, направленный на

реконструкцию эволюции административных практик в контексте взаимодействия центра и периферии. Научная значимость исследования определяется его ориентацией на выявление уникальности российской имперской модели, где синтез традиционных ценностей и прагматических решений представляется альтернативой западноевропейской колониальной модели. Это позволяет не только углубить понимание исторической специфики России, но и проверить универсальность теории Тойнби применительно к неевропейским цивилизациям.

Источниковая база исследования объединяет эмпирические материалы и теоретические работы. К эмпирическим источникам относятся законодательные акты Российской империи (манифесты, регулирующие статус автономий), статистические материалы и ведомственные отчеты по развитию регионов, отражающие социально-экономическую динамику. Теоретико-методологическая основа включает концепции цивилизационных циклов А. Дж. Тойнби («вы-

зов-ответ», «надлом») [1, 2], подходы Дж. Бёрбэнк и Ф. Купера [3] к анализу имперских стратегий, а также исследования финских историков Х. Мейнандера [4], Т. Полвинена [5], О. Юссила, С. Хентиля, Ю. Невакиви [6], раскрывающие механизмы адаптации периферийных территорий в имперских системах. Результаты исследования синтезируют эти элементы: интеграция переосмыслена как циклический процесс поиска устойчивости в условиях противоречия между имперским центром и периферией, где баланс и надлом выступают в качестве адаптационного механизма». В этом ключе анализ российской политики в Финляндии, где автономия сосуществовала с имперской бюрократией, или в Царстве Польском, где попытки интеграции сопровождались сохранением элементов местного самоуправления, открывает перспективу для изучения механизмов, посредством которых централизация сочетается с адаптацией к локальным идентичностям в рамках цивилизационного синтеза, направленного на преодоление вызовов полиэтничности.

Результаты

Теория Арнольда Тойнби рассматривает развитие цивилизаций через диалектику «вызова-ответа», где вызовы (внешние или внутренние) стимулируют рост только при условии творческого ответа «созидающего меньшинства». Сохранение культурной идентичности обе-

спечивается не консервацией традиций, а их адаптацией через мимесис – добровольное подражание большинства новаторским идеям элиты. Однако чрезмерная жесткость социальной структуры или утрата гибкости ведут к надлому цивилизации. Эта теория была

изложена в его труде «Постижение истории», наиболее известном широкой публике [1, с.166]. В работе «Цивилизация перед судом истории: Мир и Запад» историк анализирует их взаимодействие через призму культурно-религиозного антагонизма, коренящегося в расколе христианского мира (1054 г.) и экспансии германских племен, разрушивших Западную Римскую империю [2, с.174]. Западную Европу он трактует как наследницу варваров, уничтоживших Римскую империю и стремившихся заменить ее лже-Римом – Священной Римской империей, вступавшей в конфронтацию с истинной наследницей греко-римской цивилизации – Империи Ромеев с центром в Константинополе. Россию же Тойнби рассматривает как преемницу Византии, чья идентичность формировалась в противоречивом диалоге с Западом, сочетая заимствования и сопротивление.

Применяя подход Тойнби, можно интерпретировать интеграционные стратегии Российской империи как ответ на системные вызовы – геополитические, культурные и экономические. Согласно теории британского философа, экспансия цивилизации становилась инструментом преодоления кризисов через ассимиляцию или адаптацию периферийных обществ. В случае России это проявилось в двух основных моделях: добровольное присоединение по инициативе локальных элит, обусловленное внешнеполитическими угрозами (напр., просьба Картли-Кахетинского цар-

ства (Грузия) о протекторате в 1801 г., поддержанная частью знати, но встретившая сопротивление других групп, что привело к восстаниям 1812–1813 гг.) и принудительную инкорпорацию, вызванную необходимостью нейтрализации внешних и внутренних угроз (напр., Финляндия, перешедшая к России по Фридрихсгамскому миру 1809 г. после русско-шведской войны 1808–1809 гг.; Польша – инкорпорация по итогам разделов Речи Посполитой (1772–1795) и Венского конгресса (1815 г.), когда к России отошла большая часть Герцогства Варшавского, преобразованного в Царство Польское). Каждая из этих моделей отражала специфический ответ на угрозы.

Присоединение Картли-Кахетинского царства (1801 г.) к России иллюстрирует модель «аффилиации» (добровольного союза под давлением внешних угроз) – перед угрозой персидско-османских вторжений грузинские элиты добровольно искали защиту империи. Однако централизация, налоговая и административная реформы столкнулись с традиционными структурами (княжеские вольности, церковная автономия), вызвав восстания 1812–1813 гг. – пример «надлома», когда игнорирование локальной специфики провоцирует кризис. В ответ на восстание имперские власти частично пересмотрели политику: в 1814 г. были восстановлены ограниченные привилегии Грузинской православной церкви, а также смягчен фискальный режим для местной знати. Ин-

теграция автономных регионов, таких как Финляндия и Царство Польское, строилась на сочетании формальных уступок (сохранение элементов местного самоуправления, религиозных и правовых норм) с поэтапной административной унификацией. Оба примера отражают имперский прагматизм, балансирующий между цивилизационной риторикой и стратегической необходимостью. При этом степень учета локальных особенностей напрямую влияла на устойчивость интеграции: в Финляндии сохранение шведского законодательства и лютеранской конфессии способствовало относительной стабильности, тогда как в Царстве Польском жесткая унификация после 1831 г. усилила центробежные тенденции.

В период шведского правления (XIII – начало XIX вв.) финские территории подвергались интенсивной этнокультурной ассимиляции, что препятствовало формированию отдельной национальной идентичности. Первым шагом к изменению статуса Финляндии стал Манифест Александра I от 5 июня 1808 года, изданный еще в ходе Русско-шведской войны (1808–1809). В нем император декларировал сохранение региональных особенностей: «Под сению престола Нашего покоятся многочисленные народы, судьбы их равно сердцу Нашему драгоценны; вступив в состав Империи Нашей, вы приобрели тем самым равные права с ними. Сверх древних установлений, страны вашей собственных и свято Нами хранимых,

новое поле вашей деятельности и трудолюбию открывается» [7].

Ключевым этапом в становлении финской национально-государственной идентичности стал Боргоский сейм (швед. *Lantdagen i Borgå*), проходивший в г. Порвоо (Борго) с 10 марта по 19 июля 1809 года. На нем Александр I подтвердил автономный статус региона, заложив правовые основы формирования финской государственности. Как подчеркивают финские историки, именно тогда «родилось национальное государство, которое было отделено от Швеции, но не поглощено Россией» [6, с. 25]. Окончательное юридическое оформление присоединения Финляндии к России произошло 17 сентября 1809 года с подписанием Фридрихсгамского мирного договора, завершившего Русско-шведскую войну (1808–1809).

Основой политики Российской империи в отношении Великого княжества Финляндского (ВКФ) после его присоединения стало поддержание традиционных институтов самоуправления. Это позволило финскому населению сохранить шведское законодательство, лютеранскую веру и систему сословного представительства, что способствовало стабильности региона. Четырехсословный сейм, восходящий к шведской эпохе, формально оставался высшим органом власти, однако перерыв в его созыве (1809–1863 гг.) объяснялся необходимостью адаптации административного аппарата к новым условиям после включения княжества в состав империи. Управление

осуществлялось через Сенат ВКФ, учрежденный в 1816 году, члены которого назначались императором из числа финско-шведской элиты. Это обеспечивало преемственность с прежним правовым порядком: применение шведского Уложения 1734 года минимизировало правовые конфликты. Важным шагом в правовом развитии Великого княжества Финляндского стала первая кодификация законов, осуществленная в рамках автономного статуса региона под верховной властью российского императора. Изданный в 1889 году Уголовный кодекс Финляндии, разработанный с учетом местных правовых традиций и общеимперских норм, с изменениями сохраняет юридическую силу на территории страны по настоящее время.

Финансовая система Великого княжества Финляндского (ВКФ), развивавшаяся в балансе между региональными и общеимперскими интересами, стала основой экономического роста. В 1860 году введение финской марки, привязанной к рублю (1:4), упростило торговлю с другими регионами России, а сохранение таможенной автономии (до 1910 года) защищало местную промышленность. Отмена шведских меркантилистских законов и доступ к общероссийскому рынку стимулировали индустриализацию: если в 1840 году в Финляндии действовало 40 предприятий (преимущественно суконных мануфактур) [8, с. 80], то к 1914 году их число достигло 4 086, а количество занятых рабочих – 102 874 человек

[9, с. 181]. Ключевыми отраслями стали деревообработка, целлюлозно-бумажная и металлургическая промышленность. Инфраструктурное развитие, включая открытую в 1862 году железную дорогу Гельсингфорс (Хельсинки) – Тавастгус, ускорило интеграцию региона. Участие ВКФ в финансировании общеимперских проектов, таких как модернизация Свеаборгской крепости, отражало стратегическую взаимозависимость: укрепление обороны Балтики отвечало интересам как княжества, так и империи.

Военная система Великого княжества Финляндского (ВКФ) до 1901 года базировалась на автономных подразделениях, таких как Финляндский драгунский полк и стрелковые батальоны, созданные по Уставу 1878 года. Эти части комплектовались финскими призывниками, служившими 3 года вместо общеимперских 6 лет, с льготами для крестьян (например, освобождение в неурожайные годы). В документации и командовании использовался шведский язык, а устав адаптировался к местным традициям. Участие в общеимперских кампаниях (например, подавление Польского восстания 1863 года) осуществлялось в рамках экстренных мер, что являлось ответом на чрезвычайные обстоятельства, а не системной практикой. После упразднения автономии в 1901 году финнов начали призывать в общеимперские части, что вызвало массовое сопротивление: 58% призывников не явились

в 1902 году, 38% – в 1903-м, 22% – к 1904-му [10, с. 239].

Реформа 1899 года, выраженная в «Февральском манифесте», стала ответом на вызовы времени. Рост финского национального движения, угрожавший сепаратизмом (как в Царстве Польском), и противоречия между законами ВКФ и общеимперскими нормами (особенно в таможенной сфере) требовали унификации законодательства. Усиление Германии и стратегическая уязвимость Финляндии (близость к Петербургу) диктовали необходимость консолидации для оперативного реагирования на внешние угрозы. Ключевым фактором конфликта стало сближение финской элиты с Европой, что создавало риск использования княжества как плацдарма против России. Как отмечал историк Хенрик Мейнандер: «манифест вызвал возмущение финской общественности, вера которой в государственно-правовую автономию княжества во второй половине XIX в. усилилась – по мере развития гражданского общества в Финляндии, а также в связи с интенсификацией связей с Западом» [9, с. 127].

Анализ языковой политики Российской империи в ВКФ демонстрирует баланс между административной унификацией и сохранением региональной автономии. После присоединения к России в 1809 году ВКФ сохранило особый правовой статус: шведский (язык элиты) и финский (с 1863 г. – официальный, по указу Александра II) остались основой местного управ-

ления. Активное внедрение русского языка в высшее делопроизводство началось лишь в 1890-х годах, став частью политики административной унификации, направленной на укрепление контроля над автономными регионами в условиях роста национальных движений.

Усиление централизаторской политики Российской империи в Великом княжестве Финляндском (ВКФ) к концу XIX века, включая деятельность генерал-губернатора Н.И. Бобрикова (1898–1904) и Манифест 1900 года [10] о введении русского языка в официальную переписку с Петербургом, обострило конфликт с финскими элитами. Несмотря на сохранение элементов компромисса (дублирование документов переводчиками, трехязычные доклады о положении ВКФ), Февральский манифест 1899 года и закон о воинской повинности 1901 года спровоцировали социально-политический кризис. Радиализация общества привела к убийству Бобрикова (1904 г.) [11, с. 479–480], росту финского национализма (движение «фенноманов») и сотрудничеству части финнов с российскими революционерами. Всеобщая забастовка 1905 года вынудила власти временно восстановить автономию ВКФ, но после 1908 года курс на централизацию возобновился. Провозглашение независимости Финляндии в 1917 году стало следствием системного кризиса империи, усугубленного Первой мировой войной: паралич центральной власти после Февральской революции, оккупация

Аландских островов Германией (1918 г.) и радикализация финского Сената.

Если в Финляндии политика империи балансировала между автономией и унификацией, то присоединение земель Речи Посполитой потребовало иных подходов. Инкорпорация территорий с глубоким этноконфессиональным дуализмом – полонизированной католической элитой, противостоящей православному восточнославянскому крестьянству, – и наследием Брестской унии 1596 г. ставила перед Россией задачу интеграции регионов, исторически связанных с древнерусской государственно-стью, но веками развивавшихся в рамках иной политико-культурной модели. Включение земель Великого княжества Литовского, Правобережной Украины и Курляндии усилило полонизацию аристократии: магнаты (Радзивиллы, Сапегы, Потоцкие) перенимали польский язык, католицизм и шляхетские традиции, углубляя социокультурный разрыв с основной массой населения.

При этом, согласно Тойнби, цивилизации гибнут, когда «правлящее меньшинство» (в данном случае – шляхетская элита) утрачивает способность к консолидации общества и переходит к «вульгаризации» [1, с. 297]. К XVIII в. Речь Посполитая, ослабленная институтом «Золотой вольности» (*liberum veto*, право единоличного вето в сейме) и междоусобицами магнатов, превратилась в объект геополитического соперничества. Российская империя, ис-

пользуя доктрину защиты православного населения, обосновывала свои территориальные претензии историческим правом на «возвращение исконных земель», что отражено в манифесте Екатерины II от 1793 г.: «Ее Императорское Величество всегда взидала на те притеснения, которым земли и грады... единоплеменниками Ее населенные... православною Христианскою верою просвещенные... подвержены были» [12]. Однако, как подчеркивает Тойнби, территориальная экспансия не всегда приводит к подлинной интеграции. Социокультурный разрыв между полонизированной элитой и православным крестьянством, унаследованный Российской империей, стал «миной замедленного действия», проявившейся в восстаниях 1830-1831 и 1863-1864 гг.

Включение польских территорий в состав Российской империи после Венского конгресса 1815 года стало частью сложного процесса интеграции новых регионов. Царству Польскому, в отличие от других территорий, была предоставлена Конституция 1815 года, которая сохранила элементы правовой системы Речи Посполитой, включая принцип *Neminem captivabimus* – гарантию неприкосновенности шляхты без судебного решения. Этот шаг отражал стремление Александра I к поиску баланса между имперскими интересами и особенностями польской политико-правовой традиции. Царство Польское в составе Российской империи обладало собственными административными институтами,

Сеймом и армией, однако ключевые вопросы внешней политики и безопасности оставались в ведении Санкт-Петербурга.

Экономический подъем Царства Польского в XIX веке стал частью стратегии Российской империи по укреплению взаимосвязанности регионов. После Венского конгресса 1815 года имперские власти предприняли меры для стимулирования промышленности, включая льготные таможенные тарифы на сырье и привлечение иностранных инвестиций. Эти шаги способствовали созданию динамичных промышленных центров, среди которых выделялся Лодзь, получивший в 1820 году статус фабричного округа. К концу столетия город превратился в ведущий текстильный кластер с участием немецких и французских предпринимателей (фабрики Гейров, Шейблера), а развитие инфраструктуры, включая строительство железной дороги в 1865 году, ускорило интеграцию региона в общеимперскую экономику. Параллельно развивались другие города: Жирардув, основанный в 1830-х годах французскими промышленниками, стал центром производства шерстяных тканей; Варшава, сосредоточившаяся на металлургии и машиностроении, демонстрировала успехи благодаря государственной поддержке предприятий, таких как завод «Лильпоп, Рау и Левенштейн» (1842 г.), выпускавший продукцию для железных дорог. К началу XX века индустриализация привела к урбанизации, сопровождавшейся социаль-

ными вызовами, характерными для эпохи промышленного роста.

Изначально предоставление Царству Польскому автономии (собственный Сейм, армия) стало примером гибкого подхода Российской империи к управлению регионами. Однако события 1830–1831 годов (Ноябрьское восстание), совпавшие с революционными потрясениями в Европе, включая Июльскую революцию 1830 года во Франции, вынудили империю пересмотреть политику. После подавления восстания манифестом Николая I «О новом порядке управления Царством Польским» (1832 г.) [13] автономия была ограничена: отменена Конституция 1815 года, дарованная Александром I, упразднен Сейм, а введенный «Органический статут» интегрировал регион в общеимперскую административную систему. При этом, как отмечал исследователь имперской политики в Царстве Польском О. Р. Айрапетов: «русская политика в Царстве с 1858 г. представляла собой цепь последовательных уступок, ведущих к восстановлению de facto целого ряда положений конституции 1815 г... Военное присутствие России в Варшаве сократилось. Несмотря на официальный статус русского языка, в публичной сфере доминировал польский, а общество сохраняло культурную автономию без системной дискриминации» [14, с. 14]. Однако эти меры, призванные стабилизировать ситуацию, не устранили глубинных противоречий. Напротив, они создали иллюзию возможного компромисса, что лишь

усилило ожидания польской элиты, стремившейся не к умеренным реформам, а к полной ревизии геополитических итогов разделов Речи Посполитой.

Январское восстание 1863–1864 годов в Царстве Польском стало кульминацией системного кризиса, вызванного взаимодействием национальных, социальных и внешнеполитических факторов. Противоречия между стремлением польской аристократии к ревизии геополитических итогов разделов Речи Посполитой (в 1860 г. из 4,8 млн жителей Царства Польского 3,2 млн составляли поляки) [14, с. 16], социально-экономическим кризисом (включая проблемы аграрного сектора: малоземелье, феодальные повинности и отсутствие крестьянской собственности на землю) и политикой усиления централизации региона привели к эскалации конфликта. Внешнеполитический контекст усилил напряженность: Франция и Великобритания, стремясь ослабить Россию после Крымской войны, поддерживали польских эмигрантов дипломатически (нота 1863 г.), а Австрия тайно поставляла оружие через Галицию. Однако отсутствие прямой военной интервенции лишило повстанцев реальной внешней опоры. Как отмечал О. Р. Айрапетов, ссылаясь на отчеты III отделения, «Парижский польский комитет, действуя в координации с лондонскими единомышленниками, разработал операцию по доставке оружия на Балтику, включавшую поставки пороха, оружия и добровольцев на пароходе

«Уорд Джексон», груз которого включал 600 бочек пороха, 3 нарезных орудия, 1 200 карабинов, 2 000 сабель, а также 300 добровольцев» [14, с. 73].

К системным проблемам аграрной сферы относились сохранение помещичьих латифундий, малоземелье крестьянства, вызывавшая недовольство крестьян система выкупных платежей и контроль шляхты над ресурсами, тормозивший модернизацию. Интеграция региона в имперскую систему, сопровождавшаяся поддержкой православия, усиливала конфликт идентичностей: католическая церковь активно участвовала в восстании, а папа Пий IX «публично крайне жестко осуждал ответные репрессивные действия русских властей, упрекая их в преследовании католицизма» [14, с. 73]. Повстанцы пытались перехватить инициативу: «Временное Правительство Литвы и Белоруссии» в манифесте от 20 января (1 февраля) 1863 г. обещало крестьянам землю «без выкупа» и свободу «как потомственной шляхте», угрожая военным судом за неподчинение. Однако эти меры сочетались с жесткой практикой: приказ от 11 июня 1863 г. предписывал «вести на виселицу» сопротивляющихся [14, с. 56–57]. Реквизиции продовольствия силой, в отличие от имперских войск, плативших за изъятое, подрывали даже помещичью лояльность. Таким образом, восстание отразило комплекс противоречий, где имперская политика, аграрный кризис и внешнее вмешательство взаимно усугубляли конфликт, а ра-

дикализм методов повстанцев консолидировал против них различные социальные группы.

Подавление восстания строилось на дифференцированном подходе. В отношении крестьян, вовлеченных в мятеж «посредством дезинформации» (Манифест Александра II от 1 марта 1863 г.), применялись смягченные меры, включая амнистию для сложивших оружие [15]. Власти апеллировали к обнаруженной инструкции Центральному комитету в Варшаве от Главного Революционного Комитета в Лондоне относительно способов ведения восстания, где ключевым тезисом было – употреблять всевозможные средства для возмущения офицеров, крестьян и в особенности старообрядцев: «распускать слухи о том, что Франция, Англия и Шве-

ция идут войной, что Государь обещал снова закрепить крестьян и не отдавать им никогда земли, ... разноверцев силою приводить в православие... Раскольников возмутить, чтобы они воспользовались восстанием Польши для восстановления древней религии...» [16, с. 430]. Это позволило трактовать участие низов как результат манипуляций. Одновременно репрессии против элит были жесткими: казни лидеров (Р. Траугутт, Ю. Точиский, Р. Краевский, и др.), конфискация имений и массовые ссылки демонстрировали решимость подавить сопротивление. Сочетание аграрных реформ 1864 г. (укрепление лояльности крестьян) и устрашения элит раскололо антиимперскую коалицию, минимизировав социальную базу восстания.

Заключение

Интеграционная политика Российской империи в XIX веке в отношении Польши и Финляндии отражала сложный баланс между региональной автономией и имперской унификацией. Предоставление особого статуса, предполагавшего правовые преференции и сохранение локальных институтов, изначально служило инструментом стабилизации, вовлекая местные элиты и снижая риски эскалации напряженности. Однако циклы усиления централизации, спровоцированные восстаниями и усугубленные вмешательством европейских держав, привели к радикализации общества

и росту сепаратистских настроений. Эти процессы, рассмотренные через призму идей Арнольда Тойнби, трактовавшего кризисы империй как следствие неспособности элит адекватно отвечать на вызовы времени – будь то внутренние противоречия или внешнее давление, – демонстрируют взаимосвязь между жесткой унификацией и дестабилизацией. Исторический опыт Российской империи сохраняет актуальность в контексте современных вызовов, связанных с управлением многонациональными обществами. Согласно подходу Тойнби, устойчивость государства зависит от его

способности к творческой адаптации, сочетающей институциональное единство с учетом культурной специфики. Уроки XIX века подчеркивают необходимость гибких

управленческих моделей, открытого диалога с регионами и нейтрализации внешних дестабилизирующих факторов, способных усилить внутренние противоречия.

Список литературы

1. Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник / сост. А. П. Огурцов; вступ. ст. В. И. Уколовой; заключ. ст. Е. Б. Рашковского. Москва: Прогресс. 1990. 730 с.
2. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ. 2011. 318 с.
3. Burbank J., Cooper, F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton University Press. 2010. 512 p.
4. Мейнандер Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты / Хенрик Мейнандер; пер. со швед. З. Линден. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Весь Мир. 2016. 237 с.
5. Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904 гг. СПб.: Европейский Дом. 1997. 318 с.
6. Юссила О. Политическая история Финляндии 1809–2009: монография / О. Юссила, С. Хентилиа, Ю. Невакиви; ред. Л. М. Крюкова; пер. с фин. Ю. С. Дерябина. 2-е изд., измен. и доп. Москва: Весь Мир. 2010. 471 с.
7. Манифест о присоединении Финляндии от 5 (17) июня 1808 г. // URL: <https://hrono.ru/dokum/manif1808.html> (дата обращения: 29.09.2025).
8. Рейн Г. Статистический очерк Великого Княжества Финляндии / Г. Рейн. – Гельсингфорс: тип. Г.О. Васениуса. 1840. 201 с.
9. Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. 1914 / Центральное статистическое бюро. Гельсингфорс (Хельсинки): [б. и.], 1915. XXXI. 649 с.
10. Высочайший Манифест о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского. 7(20) июня 1900 г. // Оpubл.: ПСЗРИ. Т. XX. Отд. 1. 1900. СПб., 1902. Ст. 18772.
11. Бобриков Н.И. // Нива. 1904. № 24. 12 (25) июня. С. 479-480.
12. Манифест генерал-аншефа Кречетникова, объявленный по высочайшему повелению в стане российских войск при Полонно О присоединении польских областей к России. Б.м., 1793 // URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_74864/ (дата обращения: 27.09.2025).

13. Манифест о новом порядке управления и образования Царства Польского от 14 февраля 1832 г. // URL: <https://hrono.ru/dokum/1800dok/1832polon.php?ysclid=mg5lt989ke53687410> (дата обращения: 29.09.2025).

14. Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XV: Польское восстание 1863 года / ред.-сост. М. А. Колеров [и др.]. М.: Модест Колеров. 2013. С. 7-139.

15. Высочайший манифест о всемилостивейшем даровании полного и совершенного прощения вовлеченным в мятеж в Царстве Польском от 31 марта (12 апреля) 1863 г. // URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1863_03_31_01&ysclid=mg5моес04758325575 (дата обращения: 27.09.2025).

16. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: Ч. 1-2. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. Вильна. 1915. 466 с.

RYABOVA Maria M. – Senior Lecturer, Department of History and Humanities, State University of Humanities and Technology, Russia, Orekhovo-Zuyevo, email: ryabova_mm@mail.ru

TUMBUSOV Daniil D. – Assistant Lecturer, Department of History and Humanities, State University of Humanities and Technology, Russia, Orekhovo-Zuyevo, email: tumbusov_daniil2002@mail.ru

Keywords: Russian Empire, integration policy, autonomy, centralization, multiethnicity, hybrid governance, Toynbee's challenge-response theory

POLAND AND FINLAND IN THE INTEGRATION POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CONTEXT OF A. TOYNBIE'S CONCEPT

Abstract

The study of the integration policy of the Russian Empire (18th – early 20th centuries) through the lens of the “challenge-response” concept (A. Toynbee) reveals a hybrid governance model that combined autonomy (preservation of language, religious identity, and local laws in Finland and the Kingdom of Poland) with gradual centralization. Using these regions as case studies, the research demonstrates that the empire adapted to the challenges of multiethnicity by balancing local institutions (the Finnish Diet, the Polish judicial system) with administrative unification, thereby ensuring systemic stability (elite loyalty, territorial control). The late 19th-century crisis, driven by rising nationalism and external geopolitical pressures (diplomatic support for the Polish movement by European powers, threats to territorial stability in border regions), is interpreted as a phase of systemic breakdown: the shift toward rigid unification (restrictions on Finnish autonomy via the 1890 Manifesto, abolition of Polish institutions in 1864–1867) disrupted equilibrium, accelerating disintegration. The findings, building on J. Burbank and F. Cooper's approaches to analyzing imperial strategies, reinterpret integration as a process of seeking stability amid civilizational confrontation, highlighting the cyclicity of balance and breakdown as an adaptive mechanism.

References

1. Toynbee A. J. A Study of History: a collection / compiled by A. P. Ogurtsov; with an introductory article by V. I. Ukolova; with a concluding article by E. B. Rashkovsky. Moscow: Progress. 1990. 730 p.
2. Toynbee A. J. Civilization on Trial. The World and the West. Moscow: AST: Astrel; Vladimir: VKT. 2011. 318 p.
3. Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton University Press. 2010. 512 p.
4. Meinander H. The History of Finland: Lines, Structures, Turning Points / Henrik Meinander; translated from Swedish by Z. Linden. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Ves' Mir. 2016. 237 p.
5. Polvinen T. The State and the Outskirts. N. I. Bobrikov – Governor-General of Finland, 1898-1904. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom. 1997. 318 p.
6. Jussila O. The Political History of Finland 1809–2009: a monograph / O. Jussila, S. Hentila, J. Nevakivi; edited by L. M. Kryukova; translated from Finnish by Y. S. Deryabina. – 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Ves' Mir. 2010. 471 p.
7. The Manifesto on the Annexation of Finland dated June 5 (17), 1808 // URL: <https://hrono.ru/dokum/manif1808.html> (accessed: 29.09.2025).
8. Rein. G. A Statistical Sketch of the Grand Duchy of Finland / G. Rein. Helsingfors: printed by G. O. Vassenius. 1840. 201 p.
9. Statistical Yearbook of Finland: New Series... 1914 / Central Statistical Bureau. – Helsingfors (Helsinki): [n. p.]. 1915. XXXI. 649 p.
10. The Supreme Manifesto on the Introduction of the Russian Language in the Proceedings of Some Administrative Bodies of the Grand Duchy of Finland. June 7 (20), 1900 // Published: PSZRI. Vol. XX. Part 1. 1900. St. Petersburg. 1902. Art. 18772.
11. Bobrikov N. I. // Niva. 1904. No. 24. June 12 (25). Pp. 479-480.
12. The Manifesto of General-in-Chief Kreshchetnikov, Declared by the Highest Order in the Camp of the Russian Troops at Polonno «On the Accession of the Polish Regions to Russia». 1793 // https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_74864/ (accessed: 27.09.2025).
13. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, compiled by the command of Emperor Nicholas Pavlovich. Second Collection. Volume VII. 1832. St. Petersburg. 1833. 1414 p.
14. Airapetov O. R. The Kingdom of Poland in the Policy of the Empire in 1863–1864 // Russian Collection: Studies on the History of

Russia. Vol. XV: The Polish Uprising of 1863/ ed. comp. M. A. Kolerov [et al.]. Moscow: Modest Kolerov. 2013. Pp. 7-139.

15. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. St. Petersburg. 1866. Vol. 38. 1863. First Division. No. 39443. Pp. 290-291.

16. Archival materials of the Muraviev Museum relating to the Polish uprising of 1863-1864 in the North-Western Territory: Parts 1-2. Correspondence on military operations from January 10. 1863 to January 7. 1864. Vilna. 1915. 466 p.

Статья поступила в редакцию 9.10.2025.

Принята к публикации 28.10.2025.

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ СССР: ОПЫТ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аннотация

В статье рассматривается влияние политики коренизации 1920–1930-х годов на формирование национальных политических элит в союзных республиках СССР. На основе сравнительного анализа среднеазиатского опыта выявляются региональные особенности вовлечения национальных кадров в партийно-государственные структуры. Показано, что сочетание языковой, кадровой и образовательной составляющих коренизации способствовало институционализации национальных элит, обеспечивая управляемую интеграцию республик в советскую систему.

Введение

Становление системы государственного аппарата в СССР невозможно было без создания нового слоя управленцев, ориентированных на реалии национальных реги-

онов. Специфика формирования кадрового состава государственных служащих, способных совмещать партийную лояльность с пониманием местных условий, представляет

ШИРОКОЖУХОВ Александр Александрович – аспирант Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: shirokozhuhovaa@gmail.com

Ключевые слова: коренизация, национальные элиты, национально-языковая политика СССР, управленческие кадры, партийно-государственный аппарат, Средняя Азия

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_120

собой актуальную проблему отечественной исторической науки. В этом контексте особое значение приобретает анализ политики коренизации, ставшей в 1920-е гг. институциональной основой советского национального строительства.

Официально закреплённая постановлениями XII съезда РКП(б) (1923), политика коренизации была направлена на вовлечение представителей титульных наций в систему государственного и партийного управления союзных и автономных республик. Ее ключевая задача состояла в формировании управленческих кадров, владеющих языком, культурой и социальными особенностями местного населения [1]. Через механизм коренизации советская власть стремилась обеспечить лояльность бывших окраин империи, превратив национальные территории из потенциальных центров сепаратизма в политически управляемые элементы новой федеративной системы.

Особую значимость эта политика приобрела в республиках Средней Азии. Здесь она сочетала идеологическую задачу укрепления советской власти с прагматической необходимостью ликвидации кад-

рового дефицита, вызванного низким уровнем грамотности и слабым развитием национальных административных традиций. Формирование местных кадров проходило в условиях столкновения русифицированных управленческих структур с новой генерацией национальных элит, получивших образование в рабфаках и партийных школах. В результате в 1920–1930-е гг. в Средней Азии возникла социальная прослойка национальных партийно-государственных работников, ставшая основой управленческих элит союзных республик.

Настоящее исследование ставит целью на основе новейшей литературы и архивных данных проанализировать особенности реализации политики коренизации управленческого аппарата на территории республик Средней Азии и ее влияние на формирование национальных политических элит. Рассмотрение данного процесса позволяет выявить двойственную природу советской национальной политики – как механизма интеграции периферии в общесоюзную государственность и одновременно инструмента воспроизводства управляемых, лояльных центру элит.

Особенности реализации политики коренизации в Средней Азии

Политика коренизации, начатая в СССР в 1920-е гг., была важнейшим механизмом интеграции титульных наций в управленческие и партийные структуры. Ее реализа-

ция в союзных республиках Средней Азии происходила в рамках единой государственной линии, однако в каждой из республик она имела собственную специфику,

связанную с этнолингвистическим составом населения, уровнем образовательного и кадрового потенциала, историческим наследием и политическим контекстом.

Начало политики коренизации в Казахской АССР ознаменовалось принятием КазЦИК декрета 22 ноября 1923 года. Этот документ предусматривал введение казахского языка в официальное делопроизводство. Согласно утвержденному плану, в период с января по июль 1924 года весь документооборот в казахских волостях должен был полностью перейти на родной язык. Для эффективного надзора за ходом коренизации был сформирован специальный контролирующий орган – Комиссия при КазЦИК по коренизации. Уже к концу 1923 года она масштабировала свою деятельность, учредив губернские и уездные подразделения.

Другим ключевым направлением было целенаправленное продвижение казахов в органы управления. С начала 1920-х годов в республике действовала система «процентных норм», устанавливавших долю представителей коренной нации в государственных учреждениях. Этот подход иллюстрирует, например, приказ начальника милиции КазССР, предписывавший при комплектовании Краевой школы среднего комсостава милиции учитывать «процентное отношение национального состава и потребности каждого уезда» [2]. Однако эта модель оказалась неэффективной и в середине 1920-х гг. была заменена на более гибкий кадровый подход.

Реализация коренизации в Казахстане сопровождалась открытием национальных школ, курсов и рабфаков, направленных на подготовку специалистов из числа казахов. Тем не менее, как отмечает А.П. Мякшев, «результаты политики были противоречивыми: с одной стороны, выросло число казахов в административных структурах, с другой – сохранялось доминирование русских на ключевых позициях» [3]. Несмотря на то, что Казахстан был одним из самых сложных регионов бывшего СССР для регулирования межэтнических процессов [4], именно в этот период начала формироваться национальная управленческая элита, интегрированная в партийную вертикаль.

В Киргизской АССР реализация политики коренизации проходила ускоренными темпами, зачастую без необходимой подготовительной базы. Уже 26 февраля 1926 г. центральная комиссия по национализации советского аппарата при ЦИК республики установила предельно жесткие сроки завершения коренизации наркоматов и подведомственных учреждений. Такая директивная плановость привела к формализму и кадровым ошибкам: требуемые показатели достигались количественно, но не качественно. Применение метода «процентной нормы» нередко оборачивалось снижением профессионального уровня чиновников, так как доля представителей коренного населения увеличивалась за счет технического и обслуживающего персонала.

С середины 1926 г. акцент смещается на так называемую функциональную коренизацию – замещение ключевых должностей, от которых зависел переход на родной язык. Для этого была разработана номенклатура из 42 позиций среднего звена административного и хозяйственного аппарата [5]. Однако многие назначения, попавшие в органы власти, не имели достаточной квалификации, образования и управленческого опыта. Практика назначения «своих людей» сохранялась как на местном, так и на центральном уровне, что воспроизводило систему личных связей и кланов. В условиях массовой неграмотности и отсутствия управленческой школы такие руководители не могли действовать самостоятельно и фактически утверждали готовые решения, спускавшиеся сверху [5].

Как подчеркивает Д. Аманжолова, в Киргизии «большевики столкнулись с двойным сопротивлением: во-первых, со стороны местного населения, плохо ориентировавшегося в советской системе, а во-вторых – со стороны уже сложившегося русифицированного аппарата, не желавшего уступать позиции» [6]. Несмотря на это, к середине 1930-х гг. в республике удалось сформировать первую волну киргизской номенклатуры, включая женщин, что стало возможным благодаря деятельности женотделов и комиссии по улучшению быта трудящихся женщин.

Наиболее развитую форму коренизация приняла в Узбекской ССР (до 1924 г. – Туркестанская АССР,

также включала в состав Таджикскую АССР до 1929 г.), где политика узбекизации стала предметом официальной государственной программы. В 1931 году было принято постановление президиума ЦИК об узбекизации государственного аппарата [7], в рамках которого начался масштабный перевод делопроизводства на узбекский язык и обязательное изучение узбекского языка служащими.

Еще раньше, в начале 1921 года, в Ташкенте прошел языковой и орфографический съезд, инициированный членами общества «Чигатай гурунги» и получивший поддержку Народного комиссариата просвещения. В ходе этого съезда был официально реформирован существовавший алфавит, поскольку его архаичность существенно затрудняла обучение грамоте, препятствовала развитию школьного образования и общему культурному прогрессу. Одновременно были утверждены новые орфографические принципы, разработанные «Чигатай гурунги».

Дальнейшим этапом стало принятие на IV сессии Всесоюзного Постоянного Комитета СССР в 1926 году решения об учреждении Центрального комитета по новому алфавиту. А на конференции в Самарканде в мае 1929 года было принято решение о переходе на латинскую графическую основу. В процессе разработки и последующей имплементации нового узбекского алфавита и соответствующего правописания ключевую роль сыграла плеяда выдающихся уче-

ных и литераторов, среди которых Фитрат, Ашурали Захири, Чолпон, Гази Олим, Каюм Рамазан, а также авторитетные деятели культуры и представители национальной интеллигенции, внесшие значительный вклад в это историческое преобразование.

Как отмечает Т.М. Тогаев, переход на латинскую графику в Узбекистане в рассматриваемый период не являлся исключительно результатом директивного давления или внешнего обязательства со стороны советской власти. Напротив, ведущие представители интеллектуальной, культурной и политической элиты республики рассматривали транслитерацию узбекской письменности с арабского алфавита на латинскую основу как жизненную необходимость для национального развития и будущего [8].

Узбекизация сопровождалась созданием специализированных образовательных учреждений, включая вечерние университеты, техникумы, рабфаки и курсы повышения квалификации. Однако, несмотря на количественный рост кадров, сохранялись существенные структурные проблемы: большинство учреждений продолжали делопроизвод-

ство на русском языке из-за нехватки квалифицированных сотрудников, владеющих узбекским [9]. Коренизация способствовала формированию первой узбекской элиты, но ее влияние было ограничено рамками республиканского уровня – выход на союзный уровень оставался затрудненным [10].

Анализ показывает, что политика коренизации в Средней Азии в целом имела единую стратегическую направленность – способствовать укоренению советской власти в традиционно религиозных и этнически обособленных регионах. Национальные элиты, сформированные в ходе коренизации, сыграли ключевую роль в политическом и социальном развитии республик. Несмотря на ограниченность их влияния на союзном уровне, в рамках республиканской системы они стали носителями идеологии, организаторами социального модернизма и проводниками политики центра. В этом контексте коренизация выступила важнейшим фактором становления управленческих структур в национальных республиках СССР и модернизации политической культуры титульных народов Средней Азии.

Плюсы и минусы политики коренизации

Политика коренизации, по выражению китайского ученого Лю Сяньчжуна, стала «главной линией национальной политики» того времени и была направлена на институционализацию равноправия на-

родов, ранее лишенных культурной и политической субъектности [11]. Эта политика принесла как значительные успехи, так и вызвала ряд противоречий, последовательно выявлявшихся в ходе ее реализа-

ции, особенно в республиках Средней Азии.

Среди положительных результатов следует прежде всего отметить, что коренизация впервые обеспечила реальное участие титульных народов республик в управлении и партийной жизни. Уже к 1932 году доля коренного населения в партийных организациях республик Средней Азии составляла около 50% [11]. В Узбекистане это сопровождалось не только увеличением числа узбеков в аппарате, но и продвижением женщин в сферу образования и госслужбы, созданием курсов узбекского языка и поощрением делопроизводства на родном языке [9].

Несмотря на трудности, которые препятствовали организации делопроизводства на языках среднеазиатских республик, острую проблему алфавитизации бесписьменных языков [12], коренизация позволила развернуть широкомасштабную кампанию по созданию национальной письменности и школьной системы на родных языках. Так, к 1927 г. преподавание на родном языке велось в 94% начальных школ Киргизии [11]. Это сыграло важную роль в формировании национальных элит, подготовленных на родном языке и включенных в советский идеологический и административный контекст.

Как подчеркивает А. П. Мякшев, политика коренизации обеспечила «широкую социальную базу советской власти в национальных регионах», смягчила колониальное наследие и стала ин-

струментом модернизации, пусть и насильственной, кочевых и аграрных обществ [3]. Она воспринималась как «компромисс» между центральной властью и народами СССР, позволявший выстраивать лояльность элит за счет признания их идентичности [3].

Однако вместе с этим проявились и серьезные проблемы. Одним из системных изъянов коренизации было то, что политика позитивной дискриминации в пользу «местных» автоматически вела к дискриминации «неместных», прежде всего русских, а также к появлению «новых меньшинств» внутри национальных республик [11]. Эта политика создала «новую иерархию этничностей», где статус и привилегии определялись не индивидуальной лояльностью к режиму, а принадлежностью к титульной нации [3].

Коренизация также стимулировала рост местного национализма, который в ряде случаев перерастал в стремление к политической автономии или ревизии положения русского языка и культуры. Некоторые исследователи, включая Лю Сяньчжуна, считают, что именно коренизация заложила основы этнополитической мобилизации, приведшей в конечном итоге к дезинтеграции СССР [11; 13].

Кроме того, формирование «коренной» бюрократии в 1930-е годы сопровождалось чистками, в том числе по национальному признаку, что нанесло удар по стабильности вновь сформированных элит. По мнению некоторых ученых,

разгром этнических элит в конце 1930-х годов и ликвидация национальных районов были прямым следствием роста этнического самодтверждения, ранее поощрявшегося самой же властью [3].

Таким образом, коренизация была двойственным и противоречивым проектом. С одной стороны, она успешно способствовала фор-

мированию лояльных национальных элит, модернизации культуры и языка, укреплению доверия к советской власти. С другой – породила новые формы этнического неравенства, провоцировала локальные национализмы и в долгосрочной перспективе стала фактором, подточившим межнациональное единство советского государства.

Заключение

Политика коренизации в Средней Азии стала одним из наиболее показательных примеров того, как советская власть сочетала задачи национального строительства с формированием управляемой бюрократии нового типа. В условиях слабой административной традиции и многоэтнического состава населения она выполняла одновременно интеграционную и мобилизационную функции. Опора на местные кадры позволила легитимировать советскую власть в регионе, сделать ее понятной и «своей» для титульных народов. Одновременно через систему партийных школ, рабфаков и языковых курсов формировался кадровый резерв, нацеленный на обслуживание интересов центра и воспроизводство советской модели власти в национальной оболочке.

Среднеазиатский опыт показал, что коренизация способствовала росту грамотности, институционализации национальных языков, созданию инфраструктуры образования и культуры. Вместе с тем она

породила и внутренние противоречия: зависимость карьерного роста от этнической принадлежности, неустойчивость новых элит, бюрократическую замкнутость республиканского аппарата. Усиление этнополитического компонента в кадровой политике в дальнейшем потребовало его корректировки, что выразилось в частичных отступлениях от принципов коренизации уже в конце 1930-х годов.

Несмотря на противоречивость, коренизация заложила социально-политические основания для формирования национальных элит, ставших опорой государственного управления в союзных республиках. Эти элиты определяли кадровую и идеологическую преемственность республик вплоть до распада СССР, что позволяет рассматривать политику коренизации как одно из ключевых звеньев в эволюции советской государственности и как фактор, предопределивший специфику постсоветского национального развития Средней Азии.

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15 т. Т. 2. Изд. 9-е. М.: Политиздат. 1983. 446 с.
2. Анисимова И.В. Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920–1926 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 21–27. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-02
3. Мякшев А.П. Советская национальная политика: факторы успеха, уникальность исторического опыта, причины краха // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 46–51. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51
4. Казиев С.Ш. Политика коренизации и проблемы межэтнических отношений в Советском Казахстане (1923–1936 гг.) // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136). С. 29–32.
5. Эшанкулова Н.А. Состояние политической элиты Кыргызстана в 1920–30 гг. // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. № 2020. № 1. С. 39–42.
6. Аманжолова Д. Проблемы этнополитического развития кыргызов в советский период // Известия НАН КР. 2025. №1. С. 93–101.
7. Постановление президиума Центрального исполнительного комитета. По докладу правительства Узбекской ССР об узбекизации государственного аппарата, вовлечении рабочих в производство и подготовке и переподготовке кадров в Узбекской ССР. 23 ноября 1931 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. № 338. 9 декабря 1931 г.
8. Тогаев Т.М. Реформирования письменности в Узбекистане в 20-годах прошлого столетия // *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2022. Vol. 2. Issue 6. Pp. 423–434.
9. Рашидов О.Р. Некоторые проблемы политики «коренизации» советской власти в Средней Азии в 20-е гг. XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.). Материалы международной научной конференции. 2017. С. 172–177.
10. Эргашев Ш. Из истории формирования национальной политической элиты Узбекистана // Экономика и социум. 2020. №12 (79). С. 1–9.
11. Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. 2014. № 1. С. 41–49.
12. Мамышева Е.П. Коренизация государственного аппарата в СССР: теория и практика (1920–1930-е гг.) // V Центральноази-

атские исторические чтения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Кызыл. 2022. С. 125-130.

13. Миронов Б.Н. Становление национальных элит как фактор дезинтеграции СССР // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 33-48. DOI: 10.31857/S013216250014306-9

SHIROKOZHUKHOV Alexander A. – Postgraduate student at the Russian State Social University, Russia, Moscow, email: shirokozuhovaa@gmail.com

Keywords: korenization, national elites, national language policy of the USSR, managerial personnel, party and state apparatus, Central Asia

THE POLICY OF KORENIZATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF NATIONAL POLITICAL ELITES IN THE UNION REPUBLICS OF THE USSR: THE EXPERIENCE OF CENTRAL ASIA

Abstract

The article examines the influence of the korenization policy of the 1920s and 1930s on the formation of national political elites in the Union republics of the USSR. Based on a comparative analysis of the Central Asian experience, regional features of the involvement of national cadres in party and state structures are identified. It is shown that the combination of linguistic, personnel, and educational components of korenization contributed to the institutionalization of national elites, ensuring the controlled integration of the republics into the Soviet system.

References

1. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. In 15 volumes, vol. 2. Ed. 9-E. M.: Politizdat. 1983. 446 p.
2. Anisimova I.V. The formation of Soviet power in Kazakhstan and the implementation of the policy of the korenization of the administrative apparatus in 1920-1926. // Proceedings of the Altai State University. 2017. No. 2. Pp. 21-27. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-02

3. Myakshev A.P. Soviet national policy: success factors, uniqueness of historical experience, causes of collapse // *Izv. Sarath. un-ta. New ser. Ser. History. International relations*. 2017. Vol. 17, issue 1. Pp. 4.
4. Kaziev S.S. The policy of korenization and problems of interethnic relations in Soviet Kazakhstan (1923-1936) // *Omsk Scientific Bulletin*. 2015. No. 2 (136). Pp. 29-32.
5. Eshankulova N.A. The state of the political elite of Kyrgyzstan in the 1920s and 30s // *Bulletin of the Bishkek University of the Humanities*. No. 2020. No. 1. Pp. 39-42.
6. Amanzholova D. Problems of the ethno-political development of the Kyrgyz in the Soviet period // *Izvestiya NAS KR*. 2025. №1. Pp. 93-101.
7. Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee. According to the report of the Government of the Uzbek SSR on the Uzbekization of the state apparatus, the involvement of workers in production and the training and retraining of personnel in the Uzbek SSR. November 23, 1931 // *News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee*. No. 338. December 9, 1931.
8. Togaev T.M. The reform of writing in Uzbekistan in the 20s of the last century // *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2022. Vol. 2. Issue 6. Pp. 423-434.
9. Rashidov O.R. Some problems of the policy of "root-finding" of Soviet power in Central Asia in the 20s of the twentieth century // *Extreme in the daily life of the Russian population: history and modernity (on the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917)*. Proceedings of the international scientific conference. 2017. Pp. 172-177.
10. Ergashev S. From the history of the formation of the national political elite of Uzbekistan // *Economics and Society*. 2020. No. 12 (79). Pp. 1-9.
11. Liu Xianzhong. The pros and cons of the policy of "korenization" of the USSR in the 1920s // *Ecumene*. 2014. No. 1. Pp. 41-49.
12. Mamysheva E.P. The Korenization of the state apparatus in the USSR: theory and practice (1920-1930s) // *V Central Asian Historical Readings. Collection of materials of the International Scientific and practical Conference*. Kyzyl. 2022. Pp. 125-130.
13. Mironov B.N. The formation of national elites as a factor in the disintegration of the USSR // *Sociological research*. 2021. No. 8. Pp. 33-48. DOI: 10.31857/S013216250014306-9

Статья поступила в редакцию 17.07.2025.

Принята к публикации 13.10.2025.

УГРОЗЫ И СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

Аннотация

Статья посвящена исследованию эволюции гуманитарного влияния России в Центральной Азии в контексте геополитических изменений и усиления присутствия внешних акторов (Китай, Турция, страны Ближнего Востока, США). В рамках исторического анализа рассматривается трансформация роли русского языка как ключевого элемента общего социокультурного пространства, сложившегося в советский и постсоветский периоды. Выявляются основные угрозы для сохранения российского гуманитарного присутствия, включая сокращение русскоязычного образования и конкуренцию со стороны альтернативных культурных и образовательных инициатив. Особое внимание уделяется факторам, определяющим сохраняющийся интерес стран региона к взаимодействию с Россией, таким как трудовая миграция, образовательные связи, культурное наследие и политико-правовые механизмы поддержки русского языка. На основе анализа исторического опыта и современных тенденций формулируются рекомендации по совершенствованию российской гуманитарной политики, направленные на укрепление позиций России в регионе и сохранение общего историко-культурного наследия. Предлагаются стратегии развития программ обучения, сетевой дипломатии, совместных культурных проектов и системного мониторинга общественного мнения.

БАХМУДОВ Расим Багаудинович – преподаватель Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: 89685558666@mail.ru

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, гуманитарное влияние, социокультурное пространство, русский язык

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_131

Введение

В последние десятилетия наблюдается активизация внешних акторов в странах Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан), что ставит под вопрос традиционную роль России в регионе. Данная тенденция требует исторического осмысления и анализа эволюции гуманитарного влияния России, которое на протяжении столетий формировалось в рамках общего исторического пути и культурного взаимодействия.

В советский период русский язык играл роль языка межнационального общения, образования и культуры, являясь важным фактором интеграции и унификации социокультурного пространства. Однако, после распада СССР и обретения независимости странами

Центральной Азии, позиции русского языка стали ослабевать, что выражается в сокращении русскоязычного контента в СМИ и системе образования, уменьшении числа школ с преподаванием на русском языке и распространении альтернативных образовательных и культурных проектов, инициированных Китаем, Турцией, странами Ближнего Востока и Запада.

В этих условиях сохранение и укрепление позиций русского языка как языка межнационального общения, образования и культуры приобретает для России стратегическое значение, поскольку связано с сохранением исторической памяти, культурного наследия и общих ценностей, сформировавшихся в рамках многовекового взаимодействия.

Ключевые угрозы для единого социокультурного пространства

Снижение роли русского языка

Одной из главных угроз является постепенное сокращение присутствия русского языка в общественной и образовательной сфере республик ЦА. Количество школ с русским языком обучения неуклонно падает. Для сравнения: в Казахстане все еще действует свыше

3600 русскоязычных школ, тогда как в Узбекистане их чуть более 1000, в Киргизии – 751, в Таджикистане – около 200, а в Туркменистане – лишь 71¹. Русский язык вытесняется в том числе через политику изменения алфавитов: в Казахстане с 2017 года реализуется поэтап-

¹ МИД оценит эффективность продвижения русского языка в Азербайджане // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/07/08/1122707-mid-otsenit-effektivnost-prodvizheniya-russkogo-yazika-v-azerbaidzhane> (дата обращения: 11.09.2025).

ный перевод казахской письменности с кириллицы на латиницу². Узбекистан и Туркменистан перешли на латиницу еще раньше, и в 2024 году Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Азербайджан договорились о проекте перехода на единый тюркский алфавит латинской графики³. Эти процессы ослабляют позиции русского языка, отрезая молодое поколение от русскоязыч-

ной литературы и учебников: например, латинизация в Узбекистане привела к тому, что многие молодые узбеки с трудом читают тексты на кириллице⁴. Одновременно во многих государственных учреждениях усиливаются требования владеть государственными (национальными) языками, что тоже уменьшает сферы применения русского языка [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Расширение влияния альтернативных держав

Другим серьезным вызовом стало наращивание гуманитарного присутствия Китая, Турции, стран Ближнего Востока и Запада, конкурирующих с российским влиянием. Китай делает мощный акцент на продвижение своего языка и культуры: так, в одной только Киргизии работают 4 Института Конфуция и 21 класс Конфуция, где около 10 000 студентов изучают китайский язык. Ежегодно Китай предоставляет Киргизии около 300 образовательных грантов, активно сотрудничает практически со всеми учебными заведениями страны. Более 5000 киргизских студентов

уже обучаются в вузах Китая, и их число растет ежегодно⁵. В самих же вузах Киргизии обучаются около 400 граждан КНР. Рассматривается вопрос о включении произведений китайских писателей в школьную программу Киргизии⁶.

Похожая картина складывается и в других странах: после саммита ШОС–2025 президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев распорядился усилить подготовку кадров со знанием китайского языка, пригласив свыше 100 носителей языка для работы в школах, техникумах и вузах. В перспективе планируется интегрировать изучение китайского

² Назарбаев подписал указ о переходе Казахстана на латиницу // <https://www.rbc.ru/rbcfrreenews/59f29bae9a7947826bbf6ab4> (дата обращения: 11.09.2025).

³ Четыре страны СНГ согласовали проект перехода на единый с Турцией алфавит // <https://www.rbc.ru/politics/13/09/2024/66e3fe0d9a79472526d3e8bd> (дата обращения: 11.09.2025).

⁴ Узбекская молодежь с трудом читает на кириллице, старшее поколение с трудом на латинице пишет // <https://rossaprimavera.ru/article/656e05e6> (дата обращения: 11.09.2025).

⁵ Сотрудничество в образовании занимает особое место в отношениях КР и КНР // <https://stanradar.com/news/full/55829-sotrudnichestvo-v-obrazovanii-zanimaet-osoboe-mesto-v-otnoshenijah-kr-i-krn.html> (дата обращения: 11.09.2025).

⁶ Произведения китайских писателей могут войти в школьную программу // https://www.vb.kg/doc/431965_proizvedeniia_kitayskih_pisateley_mogyt_voyti_v_shkolnyu_programmy.html (дата обращения: 11.09.2025).

языка в национальную систему образования Узбекистана⁷. При этом сами лидеры признают, что увлечение альтернативными языками зачастую происходит в ущерб русскому: по словам Мирзиёева, «в погоне за английским языком мы потеряли русский», что отражает снижение популярности русского языка среди молодежи⁸.

В Таджикистане при финансовой поддержке Саудовского фонда развития планируется строительство 11 новых школ (в 2025 г. выделено 20 млн долл.)⁹, налаживается сотрудничество с Саудовской Аравией в области науки¹⁰. Параллельно укрепляются связи с ОАЭ: таджикские студенты получают возможность обучаться в Университете искусственного интеллекта имени Мохаммеда бин Заеда в Абу-Даби, что открывает им доступ к новейшим знаниям¹¹.

В Казахстане активно усиливает культурно-образовательное влияние Турция. В республике действует Международный казахско-турецкий университет, открываются филиалы ведущих турецких вузов (например, университет Гази – в Шымкенте, медицинский университет «Медиполь» – в Астане) и планируется открытие школ турецкого фонда «Маариф»¹². Число казахстанцев, обучающихся за рубежом, быстро растет: порядка 12 000 учатся в Турции и около 15 000 – в Китае¹³. Ведется сотрудничество с Турцией в сфере повышения квалификации (медицинские кадры Казахстана проходят стажировки в турецких клиниках).

С 2025 года Казахстан развивает партнерство с ОАЭ в образовании и наукоемких отраслях, включая создание совместных программ по искусственному интеллекту¹⁴.

⁷ Президент поручил подготовить кадры со знанием китайского языка // <https://www.gazeta.uz/ru/2025/09/09/chinese-language/> (дата обращения: 13.09.2025).

⁸ «В погоне за английским языком мы потеряли русский». В Узбекистане возвращается интерес к русскому языку // <https://ruskiymir.ru/publications/244472/> (дата обращения: 13.09.2025).

⁹ Саудовский фонд развития инвестирует \$20 млн в строительство школ в Таджикистане // <https://vecherka.tj/archives/69453> (дата обращения: 12.09.2025).

¹⁰ В Душанбе обсуждено сотрудничество научных учреждений Таджикистана и Королевства Саудовская Аравия // <https://khovar.tj/rus/2025/02/v-dushanbe-obsuzhdено-sotrudnichestvo-nauchnyh-uchrezhdenij-tadzhikistana-i-korolevstva-saudovskaya-araviya/> (дата обращения: 12.09.2025).

¹¹ Таджикистан и ОАЭ обсуждают сотрудничество в области ИИ и образования // <https://www.appercase.ru/news/54926/> (дата обращения: 12.09.2025).

¹² Президент рассказал о планах по открытию филиалов ведущих университетов и школ Турции в Казахстане // <https://www.inform.kz/ru/prezident-rasskazal-o-planah-po-otkritiyu-turetskih-shkol-v-kazahstane-964f0c> (дата обращения: 14.09.2025).

¹³ Казахстанские студенты стали чаще выбирать китайские вузы // <https://russian.cgtn.com/news/2024-10-08/1843603183045349378/index.html> (дата обращения: 14.09.2025).

¹⁴ Казахстан и ОАЭ подписали соглашения в сферах ИИ, образования, логистики и агропрома // <https://vecher.kz/ru/article/kazahstan-i-oae-podpisali-soglasheniia-v-sferah-ii-obrazovaniia-logistiki-i-agroproma.html> (дата обращения: 14.09.2025).

Страны Запада тоже наращивают присутствие: в Казахстане по инициативе президента открываются филиалы авторитетных зарубежных вузов – например, в Северо-Казахстанском университете им. Козыбаева реализуется программа двойного диплома с Университетом Аризоны (США) на трех языках (английский, казахский, русский)¹⁵. Эти проекты привлекают не только местных студентов, но и молодежь из других стран (в том числе Китая и Турции)¹⁶, что гово-

рит о высокой конкурентоспособности западных образовательных инициатив.

Таким образом, молодое поколение центральноазиатских республик все активнее вовлекается в орбиту альтернативных культурно-языковых влияний – китайского, англо-американского, турецкого, арабского. Это влечет снижение интереса к русской культуре и языку у части молодежи и формирует новые разрывы в общем социокультурном пространстве.

Факторы, поддерживающие интерес республик ЦА к связям с Россией

Несмотря на перечисленные вызовы, у стран Центральной Азии сохраняется значительная объективная заинтересованность

в поддержании тесных связей с Россией – как исторически сложившихся, так и продиктованных текущими потребностями.

Социально-экономические факторы

Россия по-прежнему является главным направлением трудовой миграции из Центральной Азии. По данным МВД РФ, только в 2024 году в Россию с целью работы въехало 5,9 млн мигрантов, из них около 5,2 млн – выходцы из республик ЦА¹⁷. Для миллионов семей в регионе российский рынок труда остается

источником доходов, а владение русским языком становится необходимым условием успешной трудовой адаптации и конкурентоспособности граждан за рубежом. Кроме того, российское образование сохраняет престиж и привлекательность. В российских вузах обучается свыше 200 тыс. студентов из цен-

¹⁵ Старт программ двойных дипломов с Университетом Аризоны // <https://ku.edu.kz/news/view?id=10883&lang=ru> (дата обращения: 14.09.2025).

¹⁶ 100 студентов из Турции будут обучаться в СКО по программам двойного диплома Университета Аризоны // <https://www.zakon.kz/obshestvo/6487265-100-studentov-iz-turtsii-budut-obuchatsya-v-sko-po-programmam-dvoynogo-diploma-universiteta-arizony.html> (дата обращения: 14.09.2025).

¹⁷ В МВД раскрыли число прибывших в 2024 году мигрантов // <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/685462a59a7947b576ab8f87> (дата обращения: 14.09.2025).

тральноазиатских стран¹⁸ – это показатель устойчивых академических связей. Казахстан и Таджикистан входят в число лидеров по числу студентов в России (в 2025 году в российских университетах обучалось свыше 30 тыс. граждан Таджикистана¹⁹), что свидетельствует о высоком доверии к качеству российского образования. Дипломы российских вузов и знание русского

языка рассматриваются молодежью как залог лучшей карьеры на родине или в странах ЕАЭС.

Таким образом, в социально-экономическом плане русский язык и образование в России дают жителям ЦА значимые преимущества – от более высокой заработной платы трудовых мигрантов до доступа к более широким возможностям профессионального роста.

Политико-правовые условия

На государственном уровне власти центральноазиатских республик также осознают ценность сохранения русскоязычного пространства. В ряде стран русский язык имеет официальные статусы (например, в Киргизии – официальный язык наряду с государственным, в Казахстане – официально употребляется в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским). Руководство республик регулярно поднимает проблему качества преподавания русского языка и культурного сотрудничества с Россией. Так, в Таджикистане вопрос укрепления преподавания русского языка обсуждается на

высшем уровне: министр образования Рахим Саидзода в 2024 году признал, что значительная часть выпускников школ «не владеют русским даже на базовом уровне»²⁰, и призвал срочно улучшать методики обучения. В Киргизии президент Садыр Жапаров публично выступил с инициативой создания межгосударственной рабочей группы с Россией для формирования единого образовательного пространства и синхронизации стандартов обучения²¹. Первое заседание такой группы уже состоялось, что говорит о практических шагах в данном направлении. Эти примеры показывают, что политические элиты осознают необходи-

¹⁸ Путин рассказал, сколько студентов из Центральной Азии обучаются в России // <https://ria.ru/20251009/rossija-2047338436.html> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁹ Русский язык в Центральной Азии: основа для доверия, новых знаний и развития международного сотрудничества // <https://clck.ru/3PrLNF> (дата обращения: 15.09.2025).

²⁰ Школьники Таджикистана перестали учить русский язык // <https://www.mk.ru/social/2024/07/27/shkolniki-tadzhikistana-perestali-uchit-russkiy-yazyk.html> (дата обращения: 15.09.2025).

²¹ Создана рабочая группа по формированию единого образовательного пространства РФ и КР // <https://ru.sputnik.kg/20250701/rabochaya-gruppa-sozdaniye-edinoe-obrazovatelnoye-prostranstvo-rf-kr-1095042561.html> (дата обращения: 15.09.2025).

мость сотрудничества с Россией в гуманитарной сфере и пытаются

укрепить роль русского языка в своих странах.

Культурно-гуманитарные связи и общественный запрос

Многовековые исторические и культурные связи продолжают подпитывать интерес народов Центральной Азии к российской культуре. Главы государств региона открыто заявляют о важности культурного сотрудничества. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев, например, в марте 2025 года призвал граждан поддерживать русские и другие национальные театры, подчеркнув значимость культурного многообразия для общества²². В Узбекистане начиная с 2025 года действует межправительственное соглашение с Россией о совместном кинопроизводстве, благодаря которому зрители получают больше совместных культурных продуктов²³. Эксперты отмечают, что узбекская аудитория проявляет высокий интерес к российским культурным проектам – премьеры российских фильмов, гастроли театров или выставки вызывают резонанс как значимые события общественной жизни²⁴.

В самих центральноазиатских обществах тоже присутствует запрос на сохранение русской культуры. Показателен случай в Киргизии: летом 2025 года группа депутатов, представители НКО и интеллигенции обратились²⁵ к президенту с просьбой наложить вето на закон «О государственном языке», который, по их мнению, неоправданно ущемлял бы позиции русского языка в общественно-политической, образовательной и правовой сферах. В обращении подчеркивалось, что знание русского открывает доступ к мировой культуре и науке, а также обеспечивает конкурентоспособность граждан Киргизии на рынках труда ЕАЭС, Турции и других стран. В итоге президент прислушался к общественному мнению – законопроект был отправлен на доработку, что сохранило за русским языком его официальные функции. Еще один пример – устойчивая по-

²² Токаев призвал казахстанцев поддерживать русские и другие национальные театры // <https://kz.kursiv.media/2025-03-14/dlzh-tokayev-kurultai-teatry/> (дата обращения: 15.09.2025).

²³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области совместного кинопроизводства от 27.05.2024 г. // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62533/ (дата обращения: 11.09.2025).

²⁴ О сотрудничестве в области культуры между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // https://uzbekistan.mid.ru/ru/countries1/rossiya_i_uzbekistan_dvustor/kulturnye_svyazi/ (дата обращения: 11.09.2025).

²⁵ Зачем противопоставлять киргизский язык русскому? Обращение депутатов и общественности к Президенту Кыргызской Республики // <https://www.ritmurasia.ru/news--2025-07-04-zachem-protivopostavljat-kirgizskij-jazyk-russkomu-obraschenie-deputatov-i-obschestvennosti-k-prezidentu-kyrgyzskoj-respubliki-81347> (дата обращения: 11.09.2025).

пулярность постановок русской классики в Киргизском национальном русском драматическом театре им. Ч. Айтматова: даже при ограниченном репертуаре зрители охотно посещают спектакли по русской литературе²⁶. Подобные факты из разных стран ЦА демонстрируют, что как власти, так и

значительные слои общества заинтересованы в сохранении русского языка и культурного присутствия России. Это рассматривается и как дань исторической близости, и как ресурс развития – средство доступа к образованию, науке, интеграционным инициативам.

Рекомендации для российской гуманитарной политики в регионе

Для эффективного сохранения общего социокультурного пространства с Центральной Азией России необходимо скорректировать и усилить свою гуманитарную политику. Опираясь на выявленные угрозы и факторы, можно предложить следующие конкретные шаги:

1. *Масштабная поддержка русского языка и образования.* Требуется расширить программы, направленные на продвижение русского языка в странах Центральной Азии. Важна помощь в подготовке учителей и методистов, обновление методик преподавания. Российская сторона уже реализует подобные меры – например, направляет преподавателей по линии программы «Российский учитель за рубежом» и снабжает школы учебниками. Так, в 2025 году Россотрудничество передало Таджикистану 800 тыс.

учебников на русском языке и по предметам на русском²⁷, а при поддержке России в республике построены пять школ с обучением на русском языке. Подобные инициативы следует продолжать и наращивать во всех государствах региона, фокусируясь на запросах каждой страны. Рекомендуются увеличить квоты на обучение студентов из ЦА в российских вузах (особенно по педагогическим специальностям, чтобы готовить местные кадры преподавателей русского языка и расширить сеть филиалов российских университетов (сейчас в регионе успешно работают 25 филиалов вузов РФ, но потенциал далек от исчерпания). Одновременно стоит поддерживать двуязычное образование – открытия классов и групп с частичным обучением на русском, что поможет сохранять язык среди молодежи.

²⁶ «Театральная осень» и новые постановки: чем удивит сезон в русском драмтеатре // <https://ru.sputnik.kg/20250905/1096335978.html> (дата обращения: 14.09.2025).

²⁷ Русский язык в Центральной Азии: основа для доверия, новых знаний и развития международного сотрудничества // <https://clck.ru/3PrLNF> (дата обращения: 15.09.2025).

2. *«Сетевая дипломатия» и человеческие контакты.* Необходимо задействовать новые форматы гуманитарного взаимодействия, предполагающие широкое вовлечение обществ, а не только официальных структур. Россия могла бы активнее использовать площадки прямого диалога – молодежные форумы, фестивали, образовательные и научные обмены, программы побратимства между городами. Такие горизонтальные связи формируют ощущение общего пространства доверия. Например, практика взаимных студенческих стажировок, летних школ, совместных волонтерских проектов позволит укрепить межличностные отношения и интерес к русской культуре у молодежи ЦА. Важно развивать и цифровое взаимодействие: создание онлайн-платформ для общения школьников и студентов, проведение вебинаров и дистанционных курсов на русском языке. «Сетевая дипломатия» подразумевает и сотрудничество с другими заинтересованными партнерами – например, совместные инициативы в рамках СНГ, ШОС, Евразийского экономического союза, где гуманитарная повестка может продвигаться сообща.

3. *Совместные культурные и образовательные проекты.* Российско-центральноазиатское сотрудничество требует новых ярких проектов, способных привлечь внимание широкой публики и молодежи. Следует увеличивать число совместных культурных мероприятий: фестивалей кино, театральных

гастролей, выставок, конкурсов для молодых талантов. Положительный пример – соглашение о совместном кинопроизводстве между Россией и Узбекистаном, которое уже действует с 2025 года. Аналогичные соглашения можно заключить и с другими странами региона, стимулируя создание фильмов, сериалов и контента на русском языке с учетом местной специфики – это повысит привлекательность русского культурного поля. В сфере образования перспективно создание двусторонних научно-образовательных центров (например, по изучению водных ресурсов, истории Великого шелкового пути и т.п.), где бы совместно работали российские и местные специалисты и студенты. Поддержка конкурсов, олимпиад и грантовых программ для школьников и молодых ученых из ЦА с участием в России также усилит гуманитарные связи. Реализация таких проектов должна сопровождаться информационной поддержкой, чтобы успехи сотрудничества были видны обществу.

4. *Изучение общественного мнения и актуальных потребностей.* Для повышения эффективности гуманитарной политики России важно лучше понимать запросы населения стран Центральной Азии. Необходимо наладить систематический мониторинг языковых предпочтений, культурных интересов, оценки образа России среди различных групп – молодежи, педагогов, мигрантов, интеллигенции и др. Регулярные социологические исследования и опросы в странах

ЦА позволят выявить, какие формы поддержки русского языка востребованы больше всего, какие барьеры существуют (например, нехватка учебников, низкая квалификация учителей, недостаток современного русскоязычного медиаконтента). Пока что отсутствуют систематизированные данные о реальных потребностях населения, что снижает результативность принимаемых решений. Заполнение этого пробела – через исследования, в том числе совместно с местными научными центрами и независимыми экспертами – поможет точнее нацелить гуманитарные проекты. Например, если опросы покажут рост интереса молодежи к IT и науке, Россия могла бы усилить программы на русском языке в этих областях (онлайн-курсы, литературные переводы новейшей научно-популярной литературы и т.д.). Данные социологии также будут полезны для контрпропаганды стереотипов и борьбы с возможными проявлениями русофобии, поскольку позволят корректно донести ценность сотрудничества до населения.

5. *Координация с диаспорой и местными НКО.* Значимым ресурсом российской «мягкой силы» являются общины соотечественников и местные общественные организации, ориентированные на русскую культуру. Деятельность русскоязычной диаспоры в странах ЦА заслуживает всесторонней под-

держки – как отмечал президент В. Путин, многогранная работа соотечественников за рубежом исключительно важна для популяризации русского языка и укрепления единого информационно-культурного пространства²⁸. Российским профильным госструктурам (посольствам, Россотрудничеству) следует теснее взаимодействовать с обществами русской культуры, ассоциациями выпускников российских и советских вузов, объединениями учителей русского языка в регионе. Поддержка таких НКО – грантами, методической помощью, совместными мероприятиями – позволит реализовывать проекты «на местах», опираясь на инициативу самих жителей. Также важно привлекать к гуманитарным проектам диаспору центральноазиатских стран, проживающую в России. Миллионы трудовых мигрантов и студентов из ЦА в РФ могут стать своего рода «народными послами» – носителями положительного опыта взаимодействия с Россией. Для этого можно проводить программы повышения квалификации для мигрантов-активистов, стимулировать их участие в культурно-просветительских акциях по возвращении на родину. Координация усилий государства, диаспор и НКО создаст разветвленную сеть влияния, обеспечивая устойчивое присутствие русской культуры и языка в общественной жизни республик ЦА.

²⁸ Владимир Путин: Деятельность соотечественников исключительно важна для популяризации русского языка // <https://clck.ru/3PrPLz> (дата обращения: 20.10.2025).

Заключение

Проведенное исследование показало, что на протяжении столетий формировавшиеся связи между Россией и странами региона, основанные на общности исторического пути, культурном взаимодействии и языковой близости, подвергаются серьезным испытаниям. Угрозы размывания единого социокультурного пространства, будь то снижение роли русского языка, латинизация письменности или экспансия альтернативных культурных проектов,

требуют от Российской Федерации проактивной и адаптивной стратегии, учитывающей исторический опыт и современные реалии. Реализация эффективной гуманитарной политики, основанной на взаимном уважении и реальных потребностях стран региона, позволит укрепить связи между Россией и Центральной Азией в условиях возрастающей конкуренции внешних акторов и обеспечить стабильное развитие региона в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. Молодов О.Б. Русский язык как инструмент использования «Мягкой силы» в странах Центральной Азии // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 93-100.
2. Бекмурзаев Н. Положение русского языка в странах Центральной Азии // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 2019 // <https://clck.ru/3PrC73> (дата обращения: 12.09.2025).
3. Евдокимов А.Н., Давыдова Т.А., Савкин Д.А. Русский Язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7 (3). С. 373-388. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388>
4. Грозин А.В. Мировая турбулентность и Центральная Азия в системе российских интересов // Постсоветский материк. 2024. № 2 (42). С. 4-25. DOI: [10.48137/23116412_2024_2_4](https://doi.org/10.48137/23116412_2024_2_4)
5. Тураева Ш.Э. Функционирование и значение русского языка в современных реалиях Узбекистана // Academic Research in Educational Sciences. 2023. Vol. 4. Issue 3. P. 635-638.
6. Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 78-89. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-78-89>

BAKHMUDOV Rasim B. – Lecturer at the Russian State Social University, Moscow, Russia, email: 89685558666@mail.ru

Keywords: Russia, Central Asia, humanitarian influence, socio-cultural space, Russian language

THREATS AND STRATEGIES FOR PRESERVING A SINGLE SOCIO-CULTURAL SPACE IN THE FORMER USSR

Abstract

The article is devoted to the study of the evolution of Russia's humanitarian influence in Central Asia in the context of geopolitical changes and the increasing presence of external actors (China, Turkey, the Middle East, the United States). The historical analysis examines the transformation of the role of the Russian language as a key element of the common socio-cultural space that developed during the Soviet and post-Soviet periods. The main threats to the preservation of the Russian humanitarian presence are identified, including the reduction of Russian-language education and competition from alternative cultural and educational initiatives. Special attention is paid to the factors determining the continued interest of the countries of the region in cooperation with Russia, such as labor migration, educational ties, cultural heritage and political and legal mechanisms for supporting the Russian language. Based on the analysis of historical experience and current trends, recommendations are formulated for improving Russian humanitarian policy aimed at strengthening Russia's position in the region and preserving the common historical and cultural heritage. Strategies for the development of training programs, network diplomacy, joint cultural projects and systematic monitoring of public opinion are proposed.

References

1. Molodov O.B. The Russian language as a tool for using "Soft power" in Central Asian countries // Discourse-Pi. 2017. No. 1 (26). pp. 93-100.

2. Bekmurzaev N. The situation of the Russian language in the countries of Central Asia // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 2019 // <https://clck.ru/3PrC73> (accessed: 12.09.2025).
3. Evdokimov A.N., Davydova T.A., Savkin D.A. The Russian language in Central Asia: current state and prospects // Problems of the post-Soviet space. 2020. No. 7 (3). pp. 373-388. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388>
4. Grozin A.V. World turbulence and Central Asia in the system of Russian interests // Post-Soviet continent. 2024. № 2 (42). pp. 4-25. DOI: [10.48137/23116412_2024_2_4](https://doi.org/10.48137/23116412_2024_2_4)
5. Turayeva Sh.E. The functioning and significance of the Russian language in the modern realities of Uzbekistan // Academic Research in Educational Sciences. 2023. Vol. 4. Issue 3. pp. 635-638.
6. Zhiltsov S.S. Central Asia: the potential of the region and new challenges for the Central Asian states // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2024. Vol. 26. No. 1. pp. 78-89. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-78-89>

Статья поступила в редакцию 21.10.2025.

Принята к публикации 28.10.2025.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК» *

1. Для публикации в журнале принимаются статьи одной из рубрик:
 - Политология
 - История
 - Экономика
 - Особое мнение
2. В журнале печатаются статьи, ранее не опубликованные в других изданиях.
3. Все рукописи авторов проходят независимое рецензирование, в соответствии с результатами которого редакционная коллегия решает вопрос об их опубликовании.
4. Объем статей ограничен 14 страницами (включая рисунки, таблицы, список литературы). Авторы должны предъявлять высокие требования к языку рукописи.
5. Статьи принимаются в редакцию в электронном виде.
6. К статьям прикладывается выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.
- Если автор статьи не имеет возможности предоставить заверенную выписку, основное содержание статьи может быть заслушано на научном собрании Института стран СНГ, после чего участники собрания принимают решение о возможности публикации статьи, а председатель собрания формирует для нее соответствующие сопроводительные документы.
7. Подавая статью для публикации, автор заведомо соглашается, что его материалы, в соответствии с требованиями ВАК, будут размещены в открытом доступе в сети Интернет.
8. Гонорары за публикации не выплачиваются.
9. Автору или авторскому коллективу положен один бесплатный экземпляр журнала.
10. Редакция оставляет за собой право вносить изменения в текст статей с целью приведения его в соответствие с нормами русского языка и улучшения восприятия информации читателями. При этом редакция обязуется сохранять изначальный смысл высказываний автора.

* Полные требования к материалам и образец оформления статьи опубликованы на сайте <http://pstmaterik.ru/author-center/>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»

Статьи предоставляются в редакцию в электронном формате MS Word; шрифт – Times New Roman, кегель – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Отступы с каждой стороны страницы 2 см.

Перед основным текстом статьи должны быть представлены на русском и английском языках:

- название статьи заглавными буквами;

- сведения об авторе:

- фамилия, имя, отчество;

- ученая степень, звание, должность;

- полное название места работы автора и адрес (страна, город); При написании статьи авторским коллективом достаточно указания адреса ответственного автора.

- адрес электронной почты;

- SPIN-код;

- ORCID автора.

- аннотация (объем – 3–4 предложения, не более 200 слов);

- ключевые слова (5–8 слов по теме статьи).

Название статьи на русском языке должно соответствовать содержанию статьи. Англоязычное название должно быть грамотно переведено на английский язык, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Текст статьи должен содержать разделы: введение (актуальность), основное содержание работы, заключение. Основной текст может делиться на части, имеющие самостоятельные заголовки. Они выделяются полужирным шрифтом, выравниваются посередине. Точка в конце не ставится.

Таблицы и рисунки должны быть хорошего качества. Таблицы нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Над таблицей указывается ее порядковый номер и название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом, например, **Таблица 1. Этнический состав Ханты-Мансийского округа на 2020 г.**

Рисунки нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Под рисунком указывается порядковый номер рисунка и его название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом (например, **Рис. 3. Динамика внешней торговли Казахстана в 2010–2020 гг.**).

Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях, статьи в общественно-политических газетах и журналах, авторефераты, диссертации, материалы конференций должны быть оформлены в виде внутритекстовых ссылок в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы через запятую с пробелом, например, [5, с. 43–49].

Ссылки на источники без авторства, статистические отчеты, архивные материалы, комментарии автора могут быть приведены в постраничной сноске. Используется шрифт Times New Roman, кегель – 10 пт.

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.1. Оп.1. Д. 194. Л. 15.

² Укрепить консенсус по развитию и создать путь к совместному процветанию // <https://posol-knr-v-rf-rossiia-i-kitaj-sozdadut-put-k-sovmestnomu-prosvetaniuu.html> (дата обращения: 20.10.2018).

³ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.

Список литературы является обязательной составной частью статьи. Материалы без библиографического списка к публикации не принимаются. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте. Список литературы составляется по порядку упоминания источников в статье. Если источник имеет DOI, его следует указать в конце библиографического описания. Ссылки на газеты и журналы должны включать название издания, дату выхода, автора, название цитируемого материала, страницу, номер и год выпуска. При наличии Интернет-адреса указывается дата обращения.

Например:

1. Ефремов М.Е. К вопросу об экономической стабильности. М.: Эксмо. 2009. 260 с.

2. Содержание и технологии образования взрослых: сб. науч. тр. // Институт образования взрослых / под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ. 2007.

3. Лэтчфорд Е. С Белой армией в Сибири. Российская газета. 2018. 9 сентября. С. 34–35 // <http://rg.ru/2018/09/09/east-front-narod-latchford.html> (дата обращения: 19.07.2020).

4. Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков: дис... канд. экон. наук. М., 2002.

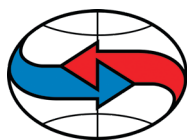
Список литературы (References) должен быть грамотно переведен на английский язык. Например, Nechaeva A.M. Stages of development and features of Chinese outbound tourism // Problems of the Far East. 2008. No. 4 (July-August). Pp. 120–132.

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2025 Г.

АВИМСКАЯ М. А., ШРАМКО Я. В. РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И КИТАЯ	2/2025
АВИМСКИЙ В. А. РАСШИРЕНИЕ ШОС: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОТРУДНИЧЕСТВОМ	4/2025
АКИМОВА А. О., АЙНЕТДИНОВ Р. Х. ПРОТЕКЦИОНИЗМ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ 1/2025	
АКИМОВА А. О., АЙНЕТДИНОВ Р. Х. ПРОТЕКЦИОНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА	4/2025
БАРАНЧИК Ю. В. БЕЛОРУССКАЯ ОППОЗИЦИЯ ЗА РУБЕЖОМ	2/2025
БАРАНЧИК Ю. В. ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ В 2020–2025 ГГ.: ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ..4/2025	
БАХМУДОВ Р. Б. УГРОЗЫ И СТРАТЕГИИ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР4/2025	
БАХМУДОВ Р. Б. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ	3/2025
БИКБУЛАТОВ Д. Р. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ. ЧАСТЬ II	2/2025
БИКБУЛАТОВ Д. Р. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, БЕДНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ. ЧАСТЬ I	1/2025
БИКБУЛАТОВ Д. Р. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, БЕДНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ. ЧАСТЬ II	3/2025
БОЛЬШАКОВ С. Н. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ВОСПРИЯТИЕ, АМБИЦИИ И ПРАГМАТИЗМ	2/2025
БУЛАВКИН К. В., ЖИГАРЕВ Ф. В. ОСОБЕННОСТИ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА НАЧАЛА XVI ВЕКА (В ОПИСАНИИ С. ГЕРБЕРШТЕЙНА)	3/2025
ВЛАСОВА Н. В., ОЛЕНЦЕВИЧ В. А. НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕС ХОЛДИНГА «РЖД» И КЛЮЧЕВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	2/2025
ГОРОДЕЦКАЯ Е. А. ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩНОСТИ «ПРИДНЕСТРОВСКИЙ НАРОД»: ПРАВОВЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ	3/2025
ГРИГОРЬЕВА К. С. РАБОТОДАТЕЛИ МИГРАНТОВ: КТО, КАК И ПОЧЕМУ НАНИМАЕТ ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ?	4/2025
ГРОЗИН А. В. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГГ. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК. ЧАСТЬ I	1/2025

ГРОЗИН А. В. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГГ. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК. ЧАСТЬ II.....	2/2025
ДОКУЧАЕВА А. В., ГАНИН К. С. МЕДИААНАЛИЗ НАРУШЕНИЙ ПРАВ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ В СТРАНАХ СНГ.....	1/2025
ЕГОРОВ В. Г., ИНШАКОВ А. А. МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ.....	1/2025
ЕРМАНАЛИЕВА А. Р. ПОЛИТИКА США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	2/2025
ИГНАТЬЕВ В. В. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ	4/2025
КРАМАРЕНКО А. С. МИГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	4/2025
КРОТКОВ В. О. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕТО-ИГРОК В АКТОРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ.....	4/2025
КУДРЯВЦЕВ С. А. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	1/2025
КУДРЯВЦЕВ С. А. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ ...	2/2025
ЛАВРЕНОВ С. Я. МОЛДОВА НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕГО ВЫБОРА: ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ–2025	2/2025
ОЛЕНЦЕВИЧ В. А., ВЛАСОВА Н. В. ВОПРОСЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ РАБОТЫ ЛОКОМОТИВНОГО КОМПЛЕКСА С ЦЕЛЬЮ ОБОСНОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ОСВОЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ГРУЗОПОТОКОВ НА ВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ СТРАНЫ.....	3/2025
ПАЛЕОЛОГ М. В., СУХОРУКОВА О. А. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ.....	2/2025
РЯБОВА М. М. АДАПТАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ОРЕХОВО-ЗУЕВСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА (1941–1945 ГГ.).....	3/2025
РЯБОВА М. М. ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ В 1783 Г.)	1/2025
РЯБОВА М. М. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФУТБОЛА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТРАЖЕНИИ СПОРТИВНОЙ ПРЕССЫ НАЧАЛА XX ВЕКА.....	2/2025
РЯБОВА М. М., ТУМБУСОВ Д. Д. ПОЛЬША И ФИНЛЯНДИЯ В ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ А. ТОЙНБИ	4/2025
САВИНА О. В. МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЗИНФОРМАЦИИ И ПРОПАГАНДЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	1/2025
САКУЛИН С. В. СПОРТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В УРБАНИСТИЧЕСКОЙ СРЕДЕ.....	3/2025

СЕРЕБРЯКОВ А. И. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	4/2025
СИКОРСКАЯ Д. М. КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	3/2025
СТОРОЖУК М. В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА С КОРЕННЫМИ МАЛОЧИСЛЕННЫМИ НАРОДАМИ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	3/2025
ТИМОФЕЕВ С. С. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕГИСЛАТУРЫ (КЕЙС КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ).....	1/2025
ФАДЕЕВ А. В. ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ–2025 В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	1/2025
ШИРОКОЖУХОВ А. А. ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ СССР: ОПЫТ СРЕДНЕЙ АЗИИ	4/2025

The institute of the CIS countries

SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

POST-SOVIET MAINLAND

№ 4 (48)

2025

Founder and publisher – Institute of Diaspora and integration (Institute of CIS countries)

Editorial board:

V.G. Egorov – editor-in – chief, doctor of economics, doctor of history, professor.

S.Ya. Lavrenov – chief editor, doctor of political science, professor.

O.V. Savina – editor.

A.A. Lvova – proofreader.

A.A. Gorbunov – design layout.

Editorial council:

K.F. Zatulin – chairman of the editorial council, first deputy chairman of the State Duma Committee on CIS affairs, Eurasian integration, and relations with compatriots, and director of the Institute of CIS countries.

A.V. Manoilo – doctor of political science, professor of the Department of Russian politics at Moscow state University M. V. Lomonosov.

V.V. Stoll – doctor of political science, professor of the department International Relations of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, editor-in-chief of the "Observer " magazine.

A. A. Markarov – doctor of political science, professor of Yerevan state University.

M.V. Konotopov – doctor of economics, professor, deputy. manager Department of Economic Theory, IE RAS honored worker of science of the Russian Federation.

O.D. Kuznetsova – doctor of economics, professor of the Department of economic theory of the Russian University of Economics G.V. Plekhanov.

S.A. Baibakov – doctor of historical sciences, professor at Moscow state University M.V. Lomonosov.

M.A. Olimov – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies of the Tajik national University.

G. Maitdinova – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies and foreign policy of the Russian-Tajik (Slavic) University.

M.A. Rakhimov – doctor of historical sciences, professor of the Coordination and methodological center of modern history of Uzbekistan at the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

A.V. Abramov – candidate of political sciences, Associate Professor, Department of comparative political science Lomonosov Moscow State University, editor-in-chief of the Russian Social and humanitarian journal.

CONTENT

POLITICAL SCIENCE	4
KROTKOV V. O. <i>THE POLITICAL VETO IS A PLAYER IN THE ACTOR- INSTITUTIONAL CONTEXT</i>	4
KRAMARENKO A. S. <i>MIGRATION AS AN INSTRUMENT OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA</i>	15
BARANCHIK YU. V. <i>INTEGRATION OF RUSSIA AND BELARUS IN 2020-2025: ASSESSMENT OF POLITICAL, ECONOMIC AND HUMANITARIAN RESULTS</i>	29
IGNATIEV V. V. <i>FEATURES OF PRIDNESTROVIAN FOREIGN POLICY IDENTITY</i>	43
SEREBRYAKOV A. I. <i>EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF MODELS OF POLITICAL SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH</i>	53
AKIMOVA A. O., AYNETDINOV R. KH. <i>PROTECTIONISM AS A TOOL OF RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER</i>	63
ECONOMY	77
AVIMSKY V. A. <i>SCO EXPANSION: FINDING A BALANCE BETWEEN SECURITY AND ECONOMIC COOPERATION</i>	77
GRIGOR'EVA K. S. <i>EMPLOYERS OF MIGRANTS: WHO, HOW, AND WHY HIRE FOREIGN WORKERS</i>	90
HISTORY	104
RYABOVA M. M., TUMBUSOV D. D. <i>POLAND AND FINLAND IN THE INTEGRATION POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CONTEXT OF A. TOYNBIE'S CONCEPT</i>	104
SHIROKOZHUKHOV A. A. <i>THE POLICY OF KORENIZATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF NATIONAL POLITICAL ELITES IN THE UNION REPUBLICS OF THE USSR: THE EXPERIENCE OF CENTRAL ASIA</i>	120
BAKHMUDOV R. B. <i>THREATS AND STRATEGIES FOR PRESERVING A SINGLE SOCIO-CULTURAL SPACE IN THE FORMER USSR</i>	131
RULES FOR SUBMITTING ARTICLES TO THE MAGAZINE "THE POST-SOVIET MAINLAND"	144
LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL IN 2025	147
INFORMATION IN ENGLISH	150

Редакционная политика журнала

«Постсоветский материк» – ежеквартальный общественно-политический научный журнал, учрежденный Автономной некоммерческой организацией «Институт диаспоры и интеграции» («Институт стран СНГ»). Основная задача издания – комплексный анализ процессов на постсоветском пространстве с точки зрения стратегических приоритетов Российской Федерации. В журнале также публикуются материалы о дальнем зарубежье, имеющие прямое или косвенное отношение к постсоветскому пространству.

Журнал преследует ряд целей, среди которых ключевой является создание платформы для научного диалога. Издание стремится стать междисциплинарной научной площадкой для активного обмена идеями, исследовательскими методиками и результатами, поскольку взаимодействие ученых из различных областей знания способствует углублению понимания постсоветского пространства. Не менее важной целью является представление исследований, аналитических материалов и экспертных мнений, которые способствуют пониманию современных вызовов и перспектив развития постсоветских обществ. Также журнал содействует развитию образования и науки, публикуя материалы в открытом доступе под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License. Особое внимание уделяется поддержке молодых ученых и исследователей, для которых журнал служит площадкой для публикации своих работ, получения обратной связи и поддержки от опытных коллег. Наконец, «Постсоветский материк» стремится к укреплению международных научных связей и обмену научным опытом, способствуя тем самым глобальному научному прогрессу в изучении постсоветского пространства.

Журнал издается с 2014 года. Периодичность: 4 раза в год. Выходит на русском языке и распространяется на территории Российской Федерации и в странах СНГ. Подписной индекс журнала в каталоге Пресса России: 40622. Подписку также можно оформить на сайте: <http://www.akc.ru/itm/postsovetkiy-materik>

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция оставляет за собой право отбора статей для публикаций. При рассмотрении статьи проводится проверка с помощью системы «Антиплагиат». В случае обнаружения некорректных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

При перепечатке материалов ссылка на «Постсоветский материк» обязательна.

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК
Научно-аналитический журнал
2025 № 4 (48)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-55141
выдано 26 августа 2013 года.

Возрастная категория: 16+

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3.

Телефон: +7(495) 951-21-50,

email: pstmaterik@mail.ru,

сайт журнала: www.pstmaterik.ru

Адрес издателя:

г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3.

Телефон: +7(495) 959-34-51,

email: institute@materik.ru,

сайт издателя: www.i-sng.ru

Подписано в печать 25.11.2025

Выход СМИ в свет 10.12.2025

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 22/Е

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект,
д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.